

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
ОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

Л.О. Бутакова, Т.П. Рогожникова

**ОСНОВЫ ТЕОРИИ ТЕКСТА
ДИАХРОННЫЙ И СИНХРОННЫЙ АСПЕКТЫ**

Учебно-методическое пособие

© Бутакова Л.О., часть 2, 2019

© Рогожникова Т.П., часть 1, 2019

© ФГБОУ ВО «ОмГУ им. Ф.М. Достоевского», 2019

ISBN 978-5-7779-2353-0

2019

УДК 80
ББК 81я73я05
Б930

Рецензенты:

д-р филол. наук, проф. *Н.Н. Щербакова*;
д-р филол. наук, проф. *И.В. Пекарская*

Бутакова, Л. О.

Б930

Основы теории текста: диахронный и синхронный аспекты [Электронный ресурс] : учебно-методическое пособие / Л. О. Бутакова, Т. П. Рогожникова. – Электрон. текстовые дан. – Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2019. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM) ; 12 см.

ISBN 978-5-7779-2353-0

Представлены содержание и порядок изучения дисциплины «Основы теории текста: диахронный и синхронный аспект» по направлению подготовки 45.03.01 «Филология» (уровень магистратуры), направленность (профиль) «Новейшая филология: практика работы с текстами». Рассматриваются особенности древних и современных представлений о тексте, его единицах и категориях. Показаны тенденции зарождения и развития теории текста как науки, ее современные воплощения в разнообразии мнений. Приведены структурированные в учебно-методических целях материалы лекций и практических занятий.

Для студентов филологического факультета (уровень магистратуры), а также лингвистов, культурологов, специалистов в теории текста и дискурса.

УДК 80
ББК 81я73я05

Текстовое электронное издание
Самостоятельное электронное издание

Минимальные системные требования:
процессор с частотой 1,3 ГГц или выше; ОЗУ 512 Мб; Microsoft Windows XP/Vista/7/8/10;
Adobe Acrobat Reader 8.0 и выше; CD-ROM; мышь

© Бутакова Л.О., часть 2, 2019
© Рогожникова Т.П., часть 1, 2019
© ФГБОУ ВО «ОмГУ им. Ф.М. Достоевского», 2019

Редактор *Ф.А. Абдурашитова*
Технический редактор *Н.В. Москвичёва*
Программно-техническая реализация *Е.А. Малыгиной*

Дата выпуска: 29.03.2019.
1 электрон. опт. диск (CD-ROM); 12 см.
Тираж 15 копий. Объем 0,95 Мб.

Издательство
Омского государственного университета
им. Ф.М. Достоевского
644077, г. Омск, пр. Мира, 55а
тел.: 8 (3812) 67-32-55, 64-30-61, 64-13-07

ПРЕДИСЛОВИЕ

Среди единиц разных уровней языка / речи самой большой, иногда сложной по структуре и способам смысловой организации, является текст. В современной среде, окружающей человека, существуют речевые произведения, обладающие признаками цельного, связного, законченного произведения в разной степени. Значит ли это, что они не являются текстами? Если это так, то чем они являются?

Распространение рекламной и PR-коммуникации, полидоковых, полимодальных, мультимодальных форм передачи информации привело к тому, что текст перестал восприниматься и осознаваться как собственно вербальное произведение. Способы сочетания слова и графического знака перешли из рекламной среды в коммуникацию, осуществляемую посредством телефона, планшета, компьютера. В такой ситуации остается ли параметр вербальности текстообразующим? Вероятно, нет, наличие в единой структуре законченного речевого произведения разных кодовых форматов не уменьшает его цельности, а добавляет средств передачи смысловой доминанты, если, следуя за Н.С. Валгиной, «...обратить внимание не столько на то, из чего состоит текст, сколько на то, как он сделан, поскольку текст – это не сумма компонентов, а цельное произведение, имеющее целеустановку, функциональное назначение и обладающее авторской модальностью»¹.

Грань между текстами и дискурсами, коммуникативными фрагментами и дискурсивными практиками трудно определима, что создает сложности разграничения самих феноменов и теорий, объясняющих их устройство и функционирование. Дисциплина «Основы теории текста: диахронный и синхронный аспекты» направлена на обучение в этом направлении.

Конечно, в области текстовых теорий существует значительное число подходов к тексту, определений его самого, базовых единиц, способов отграничения от единиц других уровней и т. п. В этом пространстве нет главной теории, единого набора единиц и признаков, отличающих текст от «нетекста». Такое положение сложилось по разным причинам: сложен сам объект, неоднозначны параметры его определения, предлагаемые в разное время лингвистами, текстовые феномены претерпели значительные изменения по причине трансформации каналов передачи информации, мощь обрели теория дискурса и теория коммуникации, медийная и рекламная среда всё больше теснит традиционные текстовые формы и форматы общения, вторгаясь даже в художественное творчество. Это обусловило необходимость отразить в рамках пособия ряд актуальных теорий.

Пособие делится на две части: первая часть содержит исторически и хронологически изложенные диахронные подходы к тексту и его теориям, вторая часть посвящена синхронным теориям текста. Структура каждой части основана на освещении теоретического материала по темам, актуальным для теории текста в двух аспектах, и закреплении изложенного материала в ходе практических занятий. Теоретический материал предполагает обращение студентов к дополнительным источникам при подготовке к практическим занятиям (см. списки использованной и рекомендуемой литературы). Практические занятия подразумевают выполнение домашних заданий: анализ текстов, работу со словарями, подготовку к выступлениям на «круглом столе», на коллоквиуме, к участию в дискуссиях.

В приложении содержатся вопросы к экзамену по синхронной и диахронной частям курса ([приложение 1](#)), темы рефератов и эссе для самостоятельной работы студентов ([приложение 2](#)), список словарей и справочников для перевода древних текстов ([приложение 3](#)).

¹ Валгина Н.С. Теория текста: учебное пособие. М., 2003. С. 14. Режим доступа: <http://evartist.narod.ru/text14/02.htm>.

ОСНОВЫ ТЕОРИИ ТЕКСТА: ДИАХРОННЫЙ АСПЕКТ

Тема 1. ВВЕДЕНИЕ. ПРИНЦИПЫ И ОСОБЕННОСТИ ТЕОРИИ ТЕКСТА В ДИАХРОННОМ АСПЕКТЕ

Проблематика теории текста в диахронном аспекте. Отношение «слово – текст» в средневековых книгах. Две концепции текста как результат поляризации культур (XVII в.). Принципы порождения текстов и алгоритмы текстообразования (X–XIX вв.). Основная единица средневекового текста. Принципы организации текста в исторической перспективе.

Определение и формулирование проблематики, задач, круга основных понятий, принципов и подходов исторического изучения теории текста связано с комплексом вопросов общелингвистического и историко-культурного характера. Теория текста как наука и учебная дисциплина по сути своей является междисциплинарной и предполагает многоаспектное изучение. Сложность выработки цельной и логичной методологии теории текста в историческом преломлении усугубляется особенностями представления о тексте, отношения к нему, а также синкретичностью средневековых текстовых категорий. Особый вектор развитию книжно-письменной культуры и тексту как ее основному продукту задавало Средневековье с присущими ему мировосприятием, идеологией, культурой в целом.

Идеология познания определяет способы текстообразования, жанры, стиль и функции текста в обществе и культуре.

Текст – объединенная смысловой связью последовательность языковых единиц, которой присущи связность и цельность. «С известной степенью условности можно сказать, что язык парадигматичен, и текст синтагматичен. Взаимные отношения между словом и предложением, между языком и текстом исторически изменяются» [Колесов 1997: 230]. Системность текста и его изменчивость определяют функция, жанр, стиль. *Функция* – деятельная роль языка, употребляемого в данной общественной среде. *Стиль* – манера использования языка, принцип отбора и комбинации языковых средств. *Жанр* – тип художественно организованного текста в единстве формы и содержания. Следовательно, формы воплощения языка в тексте взаимно связаны и могут быть определены друг через друга.

Кроме того, в аспекте языковой *системы* текст обнаруживает специфическое структурирование значимых отрезков и связей между ними, реализованных определенным набором языковых средств. Это система разноуровневых языковых элементов, находящихся в отношениях взаимосвязанности и взаимообусловленности, когда каждый элемент системы зависит от структуры целого и подчиняется его законам. В то же время создание любого текста основано на его прагматической заданности (тема, целевая установка и др.). Описание текста в определенных эпохой культурно-исторических условиях сталкивается с проблемой исторической изменчивости такой важной категории, как норма.

Норма – совокупность наиболее устойчивых реализаций языковой системы, для нее важны стабильность, вариантность и сознательная кодификация. Средневековый текст не знает

нормы. Вместо нормы присутствует «широкое представление о норме» с ориентацией на «достоинство» «образцового текста» [Верещагин 1982].

Взаимосвязь слова и текста следует рассматривать в диалектическом единстве на следующих основаниях:

1. Словесный знак дискретен, а текст континуален. И только совместно они способны выразить сущностный характер смысла. Антиномичность знака и текста в этом отношении соответствует их физической природе, подчиняющейся одновременно принципу непрерывности и принципу дискретности.

2. Главной основой развития языка является семантика. Видоизменяясь в соответствии с изменениями в культуре, она преобразуется в варианте текста, усложняя форму своего воплощения, обогащая функции языка. Но при этом слово остается как инвариант системы, понятный всякому, говорящему на данном языке.

3. Всякое исследование должно идти от явления к сущности: от текста – к системе знаков, от целого – к частям, от текста – к его компонентам.

Изначально древнерусская концепция текста сложилась под воздействием византийской, согласно которой текст понимался как откровение без критического осмысления. Текст свят, ему учат особо. Специфической является и репродукция текста: его воспроизводят по текстам-образцам. Повторяющимся является и восприятие текста. Текст абсолютен как факт культуры, субстанциален, идеалом является его неизменность.

Древнерусская («*субстанциальная*») концепция текста отчасти сохранилась в традициях старообрядчества, во второй половине XVII в. сменившись иным отношением и подходом к тексту – рационалистическим. Новая концепция («*релятивистская*») признает относительную ценность отдельного текста, а его истинность проверяется постоянно в столкновении со способностями и подготовкой читателя [Матхаузерова 1976]. Текст становится средством, а не целью. Утрачивается абсолютность – факт определенной культуры. Это ориентация на парадигму языка, а не на синтагму текста; на творческую метафору, а не механически воспроизведенную метонимию.

«Промежуточная» теория характерна для книжности рубежа XIV–XV вв. В это время важным оказывается не только повторяющееся восприятие текста как ритуальное оправдание его святости, но и повторение как текстовое варьирование ключевых слов, свойственных данной культуре. Варьируются средства воплощения текста. Попытки выразить невыразимое (а именно – смысл) посредством правки и регуляции формы приводят к манере «плетения словес» – и творческой практики, и одновременно способа создания нового текста.

Алгоритм текстообразования

Последовательность этапов, изменявших принцип генерирования новых текстов, можно представить как зашифрованное умозаключение диалектического характера:

1. Тезис (X–XIV вв.). Буква – элемент культа: в уставном письме каждая буква выписывается отдельно. Тексты заимствуются как образец согласно их сакральному «достоинству». На этом образце высокого стиля постепенно формируется славянский литературный язык (язык литературы). Это внутренне замкнутая система с сакрализацией высокого стиля, которым только и можно передавать отвлеченно-общие понятия и значения. В целом это эпоха «молчания».

2. Антитезис (XV–XVIII вв.). Текст в противоположность слову (языку) – основной элемент культуры. Тексты могут создаваться как воспроизведение устной речи, ставшей источником для формирования национальных литературных языков славян. Основой для литературных языков становится средний (деловой) стиль. Господствующий почерк – полуустав со сложной системой сокращений и упрощений, в орфографии символические написания сменяются традиционными. В целом это эпоха монолога с преобладанием авторского открытого текста.

3. Синтез (с XIX в.). На первый план выходит проблема содержательности смысла и в конечном счете ментальности. Тексты уже не воссоздаются по образцам и не варьируются по типам, но конструируются, отражая интеллектуальные сферы человеческой деятельности в рамках данной цивилизации. Не образ и символ, а понятие – основная содержательная форма слова. В текст допускаются элементы низкого стиля, поскольку они отражают эмоционально-экспрессивную сферу личностного поведения. Запись уже не успевает за мыслью, развивается скоропись, преимущественно в светской и деловой сфере, в канонической книжности базовым остается устав и полуустав. В целом это эпоха диалога.

Семиотика текста

Формы мышления также оказывают влияние на смысл и форму текста. В раннем Средневековье господствует *мышление метонимическое* (перенос по смежности). В книжности это отразилось в процессе ментализации, когда заимствованное христианское понятие, высказанное греческими словами и выражениями, передавалось средствами славянского языка. В эпоху зрелого Средневековья на смену метонимической форме мышления приходит *мышление символическое*, для которого характерна подмена идеи вещью. Для метонимического мышления важным элементом культуры является *имя*. Слово есть имя, данное на основании смежности с именуемым. Для символического мышления слово знаменует, оно есть *знамя*, символически указывающее на постоянную сущность. Новое время характеризуется *мышлением метафорическим*. Слово здесь выступает в качестве отвлеченного *знака*, или всеобщего символа.

Основная единица средневекового текста – *синтагма, формула*. Целостность текста определялась степенью цельности формул и соотносительностью их друг с другом. Этот принцип построения текста, в сущности, никогда не отменялся, он действует и до сих пор, особенно в писаниях начинающих авторов, в догматических текстах и в публицистике. Синтагматика текста невозможна без парадигматики языковой системы. Возникает качественно новый принцип организации текста: усиление системности языка нейтрализует творческий потенциал текстовых формул и приводит к *автономности отдельного слова* в новой текстовой структуре. Свободное слово, в новых условиях способное соединяться с любым другим столь же свободным, и порождает устремление в сторону метафоры, разрушая систему традиционных символов.

Изменяются и *принципы организации текста*. Происходит углубление семантического пространства текста, главным образом в результате устранения многих «предикативных центров» старого высказывания. Совмещение модальности высказывания, предикативности суждения и определенности ситуации привело к развитию сложноподчиненных предложений.

Динамика принципов организации средневекового текста:

1. Доминантность ключевых слов и формул текста. Всеобщая роль ключевых слов, обычно восходящих к текстам Священного Писания.
2. Символизация от вещи, от образа, от слова. Особая роль имен собственных, служивших символизации реального мира.
3. Редупликация однозначных и равноценных формул (удвоение морфем, слов, формул, предложений – параллелизм).
4. Семантическая транспозиция наличных языковых формул (перемещение слова в новую для него сферу номинации) или компрессия (сжатие формул до слова с включением в него семантики всего выражения).
5. Предикативность формы выражения «нового» в сообщении (определяющая роль глагольных форм и их широкое варьирование в текстах).

6. Расширение текстов путем включения цитат, прямой речи, разного рода аллюзий и перифраз. Расширение не за счет информации о предмете, но различные способы усиления смысла текста путем указания на новые признаки предмета.

7. Изменение синтаксической перспективы высказывания путем усиления роли придаточного предложения.

В аспекте лингвокогнитивном исторические способы познавательной деятельности человека можно обобщенно представить как смену этапов: *контекстно-синтагматический* (эпоха заимствования христианских понятий) – *парадигмальный* (зрелое Средневековье) – *категориальный* (современный этап). Современное мышление требует генерализации всякого понятия. Текст уже не настолько важен, поскольку представляет собой функцию от категории-слова. Текст задан, поскольку дана категория. Современное возвращение к теории текста, например в форме «лингвистики текста», есть своего рода ретроспекция, возвращение к корням славяно-русской книжности, когда объектом изучения и основной речемыслительной единицей выступал именно текст. Кроме того, оживление общей риторики в известной степени возвращает филологию к науке Средневековья, когда теорией текста также была и риторика.

Практическое занятие 1. Примеры организации текста

1. Вопросы:

- Какова специфика диахронного подхода к теории текста?
- В чем состоит взаимосвязь слова и текста в средневековой книжности?
- Каковы принципы и алгоритмы порождения текста в исторической перспективе русской культуры?

2. Задания:

- Назовите и охарактеризуйте общие принципы организации текстов в исторической перспективе.
 - Охарактеризуйте антитезу как важнейший текстовый и стилистический прием древнерусской письменности, раскрыв антиномичность средневекового мышления, культуры символической системы.
 - Прочитайте и переведите фрагмент из «**Жития Стефана Пермского**» (конец XIV в.) – образцового текста в стиле «плетение словес».
 - Дайте характеристику приемам и средствам организации текста жития. Выявите своеобразие антитезы: – А. лексической, А. текстовой, А. на основе реминисценций (интертекстуальной).
 - Выявите способы и особенности передачи чужого слова в тексте: аллюзия, реминисценция, цитирование.

И милостыню любляше подаяти, страннолюбье, и нещекормие, и гостем учреженье творити. Колькраты многажды лодьями жита привоза от Вологды в Пермь, и сиа вся истрошаше не на ино что, еше на свой промысль, но точию на потребу странным, и приходящим, и прочим всѣм требующим. Да якоже древле Иосифъ въ Египтѣ бысть пшеницедатель и люди прекорми, и препита я в дни гладу, такоже и сесь новый бысть житодавецъ, люди насытивый. Но тот сдѣ и паче Иосифа Прекраснаго бысть. Иосиф бо людем точию единѣм житомѣрием кормитель бысть, и тоже не даром, но на цѣнах комуждо продаваше, сесь же добрѣ строительство стяжа, бес цѣны предаваше и даром комуждо раздаваше. Якоже пророкъ Исаяя рече: «Иже не имат хлѣба, шедше, купите и ядите бесребра и бес цѣны. Въскуи цѣните хлѣбъ вашъ?» Иосиф же телеса едина точию препита, сий же не

только тела едины перекорми, но и душа их перекорми – учением, глаголю, божественных Писаний – сугубою пищею: тела убо брашны еже от плод земных, душам же поучение, еже есть плодъ устен. И тако обояко кормивъ люди и препитав я въ глад.

Глад же, глаголю, не только еже не сущю житю, но еже и другой глад приспѣ не менши перваго – еже отинудъ не слышати Слова Божия. И тако бѣаше земля та, в ты дни двѣма гладома одержима сущи, двогубо же и питание обрѣте. «Не о хлѣбѣ бо, – рече, – единѣмъ живѣ будетъ человѣкъ, но о всякомъ глаголѣ, исходящемъ изъ устѣ Божии». И паки: «Дѣлайте, – рече, – не брашно гяблющее, но брашно пребывающее в жизнь вѣчную». Сего ради не точию бо бѣаше чювствена трапеза видима предлагаема, но и духовна представляема. И поучение божественное присно: и прежде ядения, и при ядени, и по ядени глаголашеся псаломъ и по питью пѣснь.

Использованная и рекомендуемая литература

Антонова М.Ф. Некоторые особенности стиля «Жития Стефана Пермского» // Труды Отдела древнерусской литературы. 1979. Т. 34.

Верещагин Е.М. У истоков славянской философской терминологии: ментализация как прием терминотворчества // Вопросы языкознания. 1982. № 6.

Верещагин Е.М. Русский язык и российское православие: общелингвистическая проблематика: общедоступное изложение проблематики. М., 2013. Режим доступа: http://www.biblioclub.ru/index.php?page=book_view_red&book_id=210484.

Визzell Ф. Цитаты из книг Священного писания // Труды Отдела древнерусской литературы. 1971. Т. 26.

Горшков А.И. Русская стилистика и стилистический анализ произведений словесности. М., 2008.

Камчатнов А.М. История и герменевтика славянской Библии. М., 1998.

Колесов В.В. Древнерусский литературный язык. Л., 1989.

Колесов В.В. Слово и текст в древнерусской традиции // Studien Zur russischen Sprache und Literatur. Frankfurt am Main – Bern – New York – Paris – Wien. 1997.

Колесов В.В. История русского языкознания: очерки и этюды. СПб., 2003.

Коновалова О.Ф. Об одном типе амплификации в Житии Стефана Пермского // Труды Отдела древнерусской литературы. 1970. Т. 25.

Коновалова О.Ф. Традиционная метафора в Житии Стефана Пермского // Труды Отдела древнерусской литературы. 1977. Т. 32.

Лихачев Д.С. Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого. М.; Л., 1962.

Матхаузерова С. Древнерусские теории искусства слова. Прага, 1976.

Мещерский Н.А. Источники и состав древней славяно-русской переводной письменности IX–XV вв. Ростов Великий, 1978. Режим доступа: www.biblioclub.ru/46965.

Мещерский Н.А. О художественно-изобразительных языковых средствах гимнографии Киевской Руси // Проблемы исторического языкознания: сб. ст. Л., 1986. Вып. 3: Литературный язык Киевской Руси.

Пиккио Р. История древнерусской литературы. М., 2002.

Рогожникова Т. П. Житийные тексты «макариевского цикла»: жанр – стиль – язык. СПб., 2003.

Тема 2. СПОСОБЫ И ПРИНЦИПЫ СОЗДАНИЯ И ДВИЖЕНИЯ РУССКОГО СРЕДНЕВЕКОВОГО ТЕКСТА

Теория «открытого текста», «открытой традиции». Принцип «анфиладного построения текста». «Открытость», «анфиладность» в отношении к цельности и авторскому началу средневекового текста. Движение средневекового текста. «Открытость» и смысловая структура текста. Проблема восприятия текста.

Всё Средневековье пронизано христианским мировоззрением. С принятием христианства восточного образца в Киевской Руси начинают переводиться и обрабатываться памятники, бытовавшие в Византии и Первом Болгарском царстве. Первые славянские переводы значительно зависели от греческих оригиналов, при этом важен был смысл, а не форма. Постепенно возникли тексты-образцы, в результате чего тексты не создавались заново – они репродуцировались. Кроме текстов-копий возникали текстовые вариации в форме списков и редакций. Авторы не стремились к самовыражению в стиле, они следовали избранному ими жанру. В это время отсутствовало стремление к обновлению стиля, отсутствовало четкое представление об авторской собственности. Авторская принадлежность тех или иных произведений ценилась только тогда, когда автор обладал внелитературным авторитетом – церковным (митрополит Иларион) или светским (Иван Грозный). Вмешательство переписчиков в текст не допускалось.

Впоследствии тексты-образцы внедрялись в сознание и формировали семантику «новой культуры». В связи с этим Д.С. Лихачев выдвинул теорию «открытого текста», «открытой традиции» [Лихачев 1979]. Текст не замкнут в текстовых границах, может постоянно пополняться, восполняться в соответствии со своими задачами. Так, текст жития в своем бытовании может пополняться посмертными чудесами как свидетельствами святости героя.

Постепенно средневековый славянский текст приобретал оригинальное славяноязычное наполнение, но нормирующим началом оставалась введенная извне форма-образец. Если тема уже была знакома автору по более раннему произведению, он создавал свое новое как переделку прежнего: менял композицию, дополнял содержание, иногда, напротив, сокращал. В результате тексты тесно переплетались между собой.

Средневековый текст характеризуется неустойчивостью и традиционностью. Жанры резко отграничены друг от друга, а произведения отграничены слабо, сохраняя устойчивость только в некоторых случаях. По мнению Д.С. Лихачева, древнерусский жанр воплощается и бытует по *принципу «анфиладного построения»* [там же]. Эту характеристику можно трактовать как открытость текста не только в плане текстовых границ, но и в отношении границ жанровых. «Открытость» и «анфиладность» в сочетании с особой средневековой рецепцией проблемы авторского начала приводили к включению в текст «чужого», но при этом авторитетного текста.

С проблемой субъекта высказывания (будь то фрагмент диалога или произведение в целом) тесно связана *проблема автора*. Относительное безразличие к субъекту высказывания, о котором шла речь выше, вносит свою специфику и в средневековое понимание авторства. Имя рядового книжника неважно читателю – важен созданный им текст. Средневековый автор чувствовал себя в широком смысле транслятором. Потому за небольшими исключениями средневековая письменность анонимна. Отсутствие претензий на авторство как раз и придавало естественности «плагиату» Средневековья, оно и было обратной стороной этой медали. Так рождались своды, компиляции, основанные на соединении и нанизывании сюжетов. Примерно до XVI в. древнерусские тексты, входя в дальнейшие компиляции, не столько пересказывались, сколько воспроизводились дословно. Собственно говоря, средневековое заимство-

вание вполне соответствует современному определению цитаты, основным признаком которой считается идентичный порядок знаков цитируемого.

Особое место в Средневековье занимали библейские заимствования. В отличие от прочих цитат, они были естественны в любом окружении, потому что манифестировали собой присутствие в каждом конкретном произведении Священного Писания – текста текстов, продолжением или конкретизацией которого являлись по большому счету все остальные произведения [Пиккио 2003: 431–473]. В той или иной степени Священное Писание задавало тональность большинству средневековых компиляций. Характерен фрагмент «Повести временных лет», посвященный нападению Руси на Константинополь. Этот фрагмент заимствован летописью из «Хроники Георгия Амартола», описывающей нападение весьма неодобрительно. Русский летописец, цитируя византийского хрониста, не предпринимает ни малейших попыток отредактировать нелестное для русских повествование: христианин-летописец смотрит на русских-язычников с тем же неодобрением, что и христианин-хронист.

Как отмечал Д.С. Лихачев, средневековое искусство «стремится выразить коллективные чувства, коллективное отношение к изображаемому» [Лихачев 1979]. Средневековье не имеет персонального стиля, есть лишь стиль жанра, который вполне допускает включение разностильных фрагментов. Историографические тексты нередко включают в себя жития (например, в «Летописец Еллинский и Римский» вошло «Житие Константина и Елены») и богослужебные тексты – фрагменты летописных текстов (так, паремия Борису и Глебу – летописного происхождения) [Успенский 2000].

Принцип «анфиладности» связан также с проблемой статуса и границ произведения. В предисловии к житию святого могут содержаться сведения о некоторых значительнейших событиях его жизни, в заключительной похвале – повторены многие факты, уже рассказанные в житии. Предисловие, житие, похвала святому, описание посмертных чудес, службы святому – разножанровые тексты, анфиладно соединенные и объединенные личностью святого. Каждый из этих субтекстов обладает по-своему законченным характером, входя в крупное целое. Анфиладным способом построены летописи, хронографы, патерики, четьи-минеи, палеи и др.

Древнерусский текст *открыт* – и на уровне собственно текстовых границ, и на уровне образа и сюжета – миру других текстов, миру средневековой символики и мотивики, повествовательных и жанровых канонов, фабульного и тематического разнообразия. Таким образом, открытость и анфиладность как категории диахронической теории текста позволяют обнаружить особую, хронологически определенную проекцию категории цельности текста в средневековой словесности.

Целостность проявляется в отсутствии границ текста:

– на уровне системы всех списков и редакций произведения; в текстологии древних текстов принято различать понятия *рукописи* (написанный от руки текст), *списка* (переписанное произведение) и *редакции* (целенаправленная переработка текста с целью изменения стиля, идейного содержания, полноты содержания и др.) [Лихачев 1983];

– на уровне всех произведений определенного жанра (например, системы летописных сводов).

Движение текста

Обогащение текста за счет инородных вставок в Средневековье вообще играет значительную роль. «Украшение» и распространение житий было типичным при создании их новых редакций; «наращивание» текста являлось основным методом создания историографических сочинений. Максимальная полнота сведений о предмете ставилась чаще всего выше соблюдения пропорций сочинения. Зачастую древнерусские книжники включали в свои тексты заведомо противоречащие друг другу данные.

Безудержному дроблению средневековых текстов противостояла не менее мощная тенденция к их объединению. Вместе эти два течения создавали равновесие, необходимое для функционирования системы. Помимо наращивания текста внутри произведения (термин применительно к Древней Руси весьма условный), Средневековье создало огромное количество компиляций, объединяющих не фрагменты, а отдельные произведения. Речь идет о сборниках постоянного и непостоянного состава, организованных по тематическому, хронологическому и другим принципам.

В противовес основной тенденции к распространению некоторые тексты имели свои сокращенные версии. Если распространение текста было вызвано следованием принципу полноты, то сокращение обуславливалось более утилитарными причинами. Одной из таких причин могла быть необходимость включения сочинения в сборник (например, в пролог). Нередко сокращение текста являлось выборкой. Дидактическими и справочными целями диктовалось создание многочисленных «кратких летописцев» и «летописцев вскоре»: создателей этих сочинений интересовала преимущественно хронология. Многие тексты так называемых энциклопедических сборников являются заимствованиями «естественнонаучных» фрагментов «Толковой Палеи» с опущенной толковательной частью [Водолазкин 2008].

Своеобразна и *смысловая структура текста*. Между частями повествования в Средневековье не существует, как правило, причинно-следственной связи. Наиболее очевидно это проявляется в области средневековой историографии, где, в отличие от историографии современной, события не следуют одно из другого: всякое новое событие является в определенном смысле новым началом. Если в современном историческом повествовании содержательной единицей является событие, то в Средневековье это либо год (в летописи), либо царствование (в хронике или хронографе). Но даже в тех средневековых жанрах, где структурной единицей повествования служит событие (например, в агиографии), причинно-следственная связь также отсутствует. Жития состоят из мелких сюжетов, которые нанизываются один за другим на «временную ось» и не являются, за редким исключением, причиной друг друга. По этой причине основой композиции средневековых повествовательных (т. е. нетолковательных) жанров является по преимуществу хронология. Подобно событиям историографии, причины (или причина) событий агиографических лежат в сфере провиденциального (осуществляющегося по божьей воле).

Центонная (мозаичная) структура текста, наиболее ярко выраженная в историографических жанрах, казалась книжнику настолько естественной, что название текста становилось порой перечнем использованных источников или описанных событий. Общее название предмета повествования (история, всемирная история и т. д.) в таких текстах, как правило, отсутствовало. Вот как выглядит название уже упомянутого «Летописца Еллинского и Римского»: «Лѣтописецъ Еллинскій и Римскій. Сія книги списаны не изъ единѣхъ книгъ, нъ от различенъ истинныхъ и великихъ по исправлению многу: Моисеева истинная сказанія, и от Четырехъ Царстви, и от пророчества Георгиева, по истинѣ изложена, и от Ездры, и от Истирии, и от Азматъ Азматскихъ, и Патаухика, и еще же от Иоанновъ Хранографа и Антиохійскаго, иже вся еллинскія акы бляди сплетенія словесъ, и капищъ идольскія требы, приносимыя им, откуда и како бѣаше. Сія книги писаны бытиискія от Тетровасилия» [Летописец Еллинский и Римский 1999: 3].

Ярким свидетельством восприятия в Средневековье произведения как текста центонного являются особенности создания «Полной Хронографической Палеи»¹ на основе «Палеи Толковой». «Толковая Палея» включает в себя фрагменты разнообразных источников. В «Полной

¹ ПалеЯ - краткий исторический очерк ветхозаветной истории от сотворения мира до царствования Давида с апокрифическими вставками.

Палее» содержатся примерно те же фрагменты, но в значительно расширенном виде. Часть исследователей считала, что «Полная Палея» возникла из «Толковой Палеи» путем кропотливых последовательных добавлений текста к каждому из источников. Другие же полагали, что «Толковая Палея» возникла из «Полной Палеи» в результате сокращения последней. Представители этой точки зрения апеллировали к здравому смыслу, указывая на то, что невозможно, чтобы средневековый книжник разыскивал источники «Толковой Палеи», а потом вставлял из них по нескольку фраз, расширяя исходный текст и создавая «Полную Палею». Им казалось, что гораздо логичнее представить себе противоположное – создавая «Толковую Палею», книжник сократил «Полную Палею». Тем не менее было доказано, что книжник привлекал полные тексты источников «Толковой Палеи» и по этим полным текстам осуществлял свои добавления [Водолазкин 2007: 2–23].

Из всего сказанного вовсе не следует, что мир книжности характеризовался броуновским движением или фрагментарностью текстов. В движении текстов существуют свои закономерности. Стабильность средневекового текста во многом зависела от его близости к Священному Писанию, вне всяких сомнений, главному тексту Средневековья. Священное Писание – текст текстов, стоявший в центре духовной жизни человека. Одновременно он являлся наиболее контролируемой текстологической единицей. Известно, что всякий новый список Священного Писания изготавливался с привлечением не одной, а двух и более рукописей. Посредством сопоставления рукописей контролировалась исправность священного текста, и в движении от списка к списку это приводило к высокой его стабильности. В сравнении с другими текстами, обращавшимися в Средневековье, многочисленные списки Священного Писания демонстрируют минимальное количество различий. Важно подчеркнуть, что к контролируемой текстологической традиции принадлежит не только Священное Писание.

Следует оговориться, что высокая стабильность текстов характеризует лишь полные их списки. Многие произведения бытовали и в виде фрагментов. Эти фрагменты в дальнейшем дробились или, наоборот, дополнялись фрагментами других текстов, как это происходило, допустим, с церковнославянскими переводами византийских хроник. Характерно, что главными «донорами» текста для дальнейших компиляций были не отдельные списки хроник, а их фрагменты в составе древнерусских хронографов. При этом даже в мельчайших своих частях эти фрагменты сохраняли в значительной мере ту же лексику и синтаксическую структуру, что и исходный текст.

С точки зрения средневекового текстообмена особый интерес представляет **проблема восприятия**. Средневековые тексты обладали немислимим долготлетием. Войдя однажды в оборот, они редко из него выпадали и продолжали переписываться до конца Средневековья. В рамках одной компиляции спокойно могли уживаться тексты с тысячелетней разницей в возрасте. Столь характерный для современности процесс устаревания текстов Средневековью был знаком в самой незначительной степени. Отсутствие идеи прогресса, ретроспективная направленность средневекового сознания в целом лишали более «свежие» тексты преимущества.

В читательском восприятии одни тексты соотносились не столько с другими текстами, сколько с повествовательными моделями – летописной, житийной и т. д., т. е. с идеальным выражением того или иного типа повествования. При таком положении вещей читательский опыт не имел решающего значения для восприятия и уж во всяком случае не использовался для оценки эстетических качеств текста. В глазах средневекового читателя дежавю – если таковое имело место – было не грехом, а достоинством, повторением первоначального и бесспорного. **Сами же тексты в его восприятии не стояли в порядке своего появления, они были дехронологизированы и во многом аисторичны.**

Средневековый читатель воспринимает текст как нефикциональный, как «то, что было в реальности». Последним являлось не только то, что было, но и то, что должно (или даже могло) было бы быть. Долженствование отождествлялось с действительностью, и это (а не склонность к фальсификациям) заставляло средневековых книжников включать, например, христологические интерполяции в текст Иосифа Флавия. Ведь если Иосиф был всему «самовидцем», то не говорить о Христе он просто не мог. Иные примеры средневекового отождествления должного с бывшим предоставляет древнерусская агиография.

В сравнении со средневековым текстом Нового времени, несмотря на наличие черновиков и редакций, располагает, как правило, «каноническим» вариантом, определяющимся автором. В средневековом же тексте каждая копия является в той или иной степени редакцией, подобно тому, как всякий переписчик (вновь проблема автора!) – в той или иной степени соавтор. Средневековые редакции не обладают правами исключительности, и новая редакция не перечеркивает старой: они существуют параллельно.

Средневековый текст осуществляется в диахронии, он незавершен и незавершаем. Ярчайшим образцом этого свойства является летопись. Это текст, наиболее прочно связанный со временем, которому дано продолжаться столько, сколько существует история. Другие тексты в большей или меньшей степени также существуют в многообразии вариантов. Иными словами, при отсутствии уточнения (текст редакции, извода, списка и т. д.) **термин «текст», применяемый к Средневековью, характеризует определенную динамическую систему с размытыми границами и структурой.** Этому соответствует и высокая открытость древнерусского предложения, обладавшего почти неограниченными возможностями наращивания. Эта двойная – на уровне текста в целом и на уровне предложения – разомкнутость также являлась важной предпосылкой свободного соединения текстов.

Практическое занятие 2.

Категория целостности текста и ее средневековая рецепция: понятия «открытый текст», «анфиладный текст», «список», «редакция»

1. Вопросы:

- В чем сущность теории «открытого текста», «открытой традиции» Д.С. Лихачева?
- Что означает принцип «анфиладного построения» средневекового текста? Приведите примеры такого построения из древнерусской литературы.
- Как «открытость» и «анфиладность» соотносится с проблемой цельности (замкнутости) и авторского начала?
- В чем специфика движения русского средневекового текста? Приведите примеры распространения и сокращения текста.
- Каковы особенности восприятия средневекового текста?

2. Задания:

- Охарактеризуйте особенности смысловой структуры древних текстов. Приведите примеры текстов с центонной структурой.
- Раскройте содержание понятий «открытый текст», «анфиладный текст». Приведите примеры.
- Границы древнерусского текста в пространстве и времени. Раскройте содержание понятий «список», «редакция».
- Сопоставительный анализ текстов. В приведенных фрагментах древнерусских житий определите различия, обусловленные принадлежностью к списочному либо редакционному типу воспроизведения текста:

А) «Житие Дмитрия Прилуцкого»:

XV в.

*От славнаго града Переяславля . от благочестиваго корени
израсте доброплодная розга от славныхъ родителей,
иже многимъ богатствомъ цвѣтущемъ и велику куплю творящихъ
И сеи чудныи отрокъ Дмитръи родися.*

Список XVI в.

*От славнаго града Переяславля . от благочестиваго корене
израсте доброплоднаа розга от славныхъ родителей,
иже многимъ богатствомъ цвѣтущемъ и велику куплю творящихъ
И сеи чудныи отрокъ Дмитріе родися.*

Б) «Житие Иосифа Волоцкого» (XVI в.): описание отношений св. Иосифа и удельного князя Бориса.

Редакция Саввы (Великие Минеи Чети):

*Отчичь бѣ тогда на Волоцѣ князь Борисъ Васильевичъ; и увѣдѣ, яко прииде игумень
Иосифъ въ лѣсъ его отчины, и возрадовася ото всея душа: издавна бо его хотяше у себя; и
скоро самъ прииде къ нему, и поклонися до земля, и рече ему: въ всѣхъ твоихъ потрѣбныхъ
азъ тебѣ помощникъ; токмо молю твою святыню: возлюби мѣсто въ моей отчинѣ, идѣ-
же хочещи.*

Редакция неизвестного:

*Владычествующу же тогда ту князю Борису, сыну великого князя Василіа, сына
Василіева великого князя; к тому приступивъ, Иосифъ моляше и повѣлѣти сѣсти ему на
мѣстѣ дубравнѣ, знаемъи ему пустыни. Державныи же Борисъ князь, благочестивыи сын
черноризцемъ помногу любезенъ, от отца своего тако навикъ, разумѣ Иосифа священника
суца и намѣстника отца Пафнутія бывша, к сему же и говѣина мниха зря его, усладився,
зѣло обрадовася пришествію его, и усердно прошение Иосифови даруетъ: не токмо же
сѣсти ему повѣлеаетъ в любезнемъ ему мѣстѣ, но и церковь въдрузити совѣщааетъ и
манастырь въдрузити молить.*

В) «Житие Иосифа Волоцкого» (XVI в.): эпизод о приходе Иосифа (в миру Иван Санин) к Пафнутию.

Редакция Саввы:

*И егда Иванъ прииде къ преподобному игумену Пафнутію и паде на ногу его, и глагола:
отче святыи причти мя заблудившую овцу къ Святому ти избранному стаду.*

Редакция неизвестного:

*Елма вечернему часу приспвшу, и Пафнотіе къ церковному собранію тѣшася, пада-
етъ убо Иванъ на лицы своемъ къ ногама его и моляшеся приятъ быти имъ.*

Г) «Житие Михаила Клопского»:

Первая редакция (XIV в.):

*чада, почто хлѣба не ясте
намъ человекъ твои своитинъ
снемъ с себе шубу.*

Редакция В.М. Тучкова (сер. XVI в.):

*почто, чада, не вкушаите
сеи старецъ сродѣствіа съюзомъ
намъ приплѣтается
и одежоу снемъ съ себе.*

Использованная и рекомендуемая литература

- Белозерцев Г.И.* О стилистических особенностях редакций Жития Михаила Клопского // Памятники русского языка: Исследования и публикации. М., 1979.
- Водолазкин Е.Г.* Новое о палеях (некоторые итоги и перспективы изучения палейных текстов) // Русская литература. 2007. № 1.
- Водолазкин Е.Г.* Всемирная история в литературе Древней Руси (на материале хронографического и палейного повествования XI–XV вв.). СПб., 2008.
- Дмитриев Л.А.* Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII–XIV вв. Л., 1973.
- Ключевский В.О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1988.
- Колесов В.В.* Древнерусский литературный язык. СПб., 2015.
- Лахманн Р.* Демонтаж красноречия: риторическая традиция и понятие поэтического. СПб., 2001.
- Летописец Еллинский и Римский: в 2 т. СПб., 1999–2001. Т. 1: Текст / осн. список подгот. О.В. Твороговым и С.А. Давыдовой; вступ. ст., археограф. обзор и крит. аппарат изд. подгот. О.В. Твороговым. 1999.
- Лихачев Д.С.* Поэтика древнерусской литературы. М., 1979.
- Лихачев Д.С.* Текстология: На материале русской литературы X–XVII вв. 2-е изд. Л., 1983.
- Лурье Я.С.* Житие Иосифа Волоцкого // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2: Вторая половина XIV–XVI в. Ч. 1: А–К. Л., 1988.
- Мещерский Н.А.* Источники и состав древней славяно-русской переводной письменности IX–XV вв. Л., 1978. Режим доступа: www.biblioclub.ru/46965.
- Пиккио Р.* Функция библейских тематических ключей в литературном коде православного славянства // Пиккио Р. Slaviaorthodoxa: Литература и язык / отв. ред. Н.Н. Запольская, В.В. Калугина. М., 2003.
- Рогожникова Т.П.* Жития «макариевского цикла»: жанр – стиль – язык. СПб., 2003.
- Святитель Стефан Пермский: К 600-летию со дня преставления / под ред. Г.М. Прохорова. СПб., 1995.
- Смирнова М.Л.* Особенности развития средневекового текста: от формулы-образца к оригинальному авторскому стилю // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 7: в 2 ч. Ч. 1.
- Успенский Б.А.* Поэтика композиции: Структура художественного текста и типология композиционной формы. М., 1970.
- Успенский Б.А.* Борис и Глеб: восприятие истории в Древней Руси. М., 2000.

Тема 3. СТРУКТУРА СРЕДНЕВЕКОВОГО ТЕКСТА

Словесная формула как строевая единица средневекового текста. Формальный и смысловой потенциал словесных формул. Преобразование текстообразующих компонентов. Разрушение формул и расширение текста. Топос как элемент средневекового текста. Проблема статики и динамики содержательного и формального воплощения топоса. Агиографический топос.

Основным элементом древнерусского литературного языка являлась *формула-синтагма*. Обозначение этого понятия различно в разных традициях, зависит от аспекта исследования – коммуникативного или поэтического. Так, известны наименования «группа», «устойчи-

вый словесный комплекс», «блок», «колон», «постоянные формулы», «устойчивые формулы», «повествовательный шаблон», «трафареты», «стилистические трафареты» и др. Наиболее удачными, вслед за В.В. Колесовым, следует признать два термина – «синтагма» и «формула».

Термин «синтагма» введен И.А. Бодуэном де Куртенэ, критически осмыслен и переработан Л.В. Щербой. Синтагма является предельной единицей текста, служащей для общения и передачи информации. Она появилась в процессе обозначения сложных понятий, которые уже возникли в процессе мышления, но еще не имели адекватных обозначений, она является результатом творческой деятельности человека. Синтагма наполняется смыслом только в конкретном тексте речи и зависит от смысла целого, а также может менять свой строй и компоненты в зависимости от целей коммуникации и особенностей стиля [Колесов 1989: 138]. Такова синтагма в современном литературном языке.

Тот же термин применяется и в описании исторических процессов развития древнерусского текста. Синтагма не равна словосочетанию, так как подчеркивает грамматическую цельность сочетания (его ритмомелодическое и смысловое единство). Поэтическая функция синтагмы в связи с ритуалом-действием обозначается термином «формула». Содержательный смысл средневековой литературы – в накоплении подобных языковых формул [там же: 136]. До переработки и художественного осмысления, а также до столкновения в общих текстах формул разного происхождения постоянно развивались новые формулы, описывающие реальность быта и истинность бытия. Древнейшие из них охватывают сферу человеческих отношений в семье, обществе, государстве – это язык права и народных сказаний. Сначала это обычный оборот речи (например, *дати копие*); затем начинается выражение действия по смыслу имени (*дати мир* – ‘помириться’; *дати ответ* – ‘ответить’; *дати лице* – ‘опознать’); ритуальность действия равна формуле его обозначения. В юридическом, военном, ремесленном деле такие формулы сохранялись очень долго ввиду своей однозначности (например, *дати плечи* – ‘бежать’ и ничего более).

Столкновение двух компонентов сочетания, их растворенность в обозначении целого приводит к появлению переносного смысла формулы – происходит «семантическое приращение смысла», когда актуализация смысла возможна только в контексте. Так, слово «*копие*» становится термином для обозначения конкретного вида оружия; затем употребляется в связке с глаголом для обозначения какого-либо действий, связанного с данным предметом (например, *взяти копиемъ* – ‘взять приступом’, *преломити копие* – ‘сразиться в поединке’, когда копье обязательно преломится); затем ритуал начинает именоваться по важному для себя действию, смысл термина становится размытым. Выражение может означать и конкретное действие, и переносное: *преломить копие* – ‘вступить в спор, поссориться’. Постепенно переносные значения сосредотачивались в имени, которое становилось ключевым словом синтагмы и образовывало новые синтагмы речи. Эти слова затем становились выразителями отвлеченно-общих значений.

В связи с новыми культурными влияниями процесс возникновения синтагм усилился (требовались новые термины). Синтагмы народного происхождения начинают смешиваться с заимствованными греческими. На основе сближения этих разнородных формул был создан тот единственный вариант, который стал фактом древнерусского литературного языка. Показательна история выражения «*показать спину*»: калька с греческого «*дати хребет*» накладывается на славянское выражение «*показати плечи*», образуется устойчивая формула «*дати плечи*» (*плещи*) со значением ‘бежать’. Далее развивается идиома «*показать спину*». Переосмысление устойчивого сочетания путем варьирования его компонентов допускало постоянное развитие формулы.

Общность многих символов (солнце, свет и др.), выражаемых ключевым именем, подготовила славянский язык к восприятию многих формул отвлеченного значения. На основе ти-

пичных выражений «солнце-свет», «свет светлый» легко воспринималось переносное значение в переводных формулах *свет духовный, солнце праведное*. Ключевыми словами христианских символических формул изначально являлись части тела, предметы быта, природные объекты. Значительно позднее появляются абстрактные понятия – правда, сила, мудрость, крепость.

Таким образом, единство синтагмы-формулы определялось не формальными признаками сочетания слов, а семантикой ключевого слова. Ключевые слова накапливались, включались в разные контексты, в них трансформировались. Так создавалась норма – в виде образцовых текстов. Выразительность и поэтичность синтагм и в народной, и в христианской символике создавались за счет включения привычного сочетания слов в новый контекст, бытовой или символический. Равноправие двух вариантов формул было связано с их одинаковой зависимостью от устной речи: народные формулы рождались и сохранялись в устной речи, а книжные формулы – в риторической, т. е. обработанной устной речи. Расхождение литературно-книжного и народно-разговорного языков началось с XV в., когда создалась новая традиция «книжного архаизма», и каждый жанр литературного языка раздвоился.

Уже с X в. славяне через переводы с греческого получают слова с переносным значением (*насадити* – утвердить, распространить – добродетели, нравы, обычаи; сегодня – культуру, образованность). Тем самым они получили принцип создания многих сходных выражений – начался процесс уточнения и классификации словесных формул. К XI в. эта фразеологическая самостоятельность славянского литературно-письменного языка значительно возрастает, что заметно в переводах Евангелия: неизвестное греческое слово вместо дословного перевода, рождающего непонимание, переводят с помощью языковой формулы. Этими образными выражениями можно было передать любой чужеродный для славянского сознания текст.

Процесс порождения новых синтагм и есть основной творческий процесс средневековой литературы – так она исполнила свою историческую задачу, развил текст от устных литературных форм до современного состояния, с присущей ему автономностью каждого слова и освобождением художественных средств языка от их языкового субстрата.

Постепенно синтагма развилась до степени *языковой формулы* – развернутого художественно-языкового единства, способного выступать в вариантах и развивать всё новые переносные значения, уже не связанные с определенным ритуалом-действием. Формула же, став постоянной, выходит за пределы профессионального жаргона, попадает в другие тексты и в них начинает пониматься в переносном смысле. Происходит столкновение контекстов (например, перенесение формулы из повести в житие) и мощное развитие переносных значений.

Преобразование текстообразующих компонентов

Внутритекстовое варьирование, вероятно, имело место уже в самых первых переводах с греческого языка. Лексическое варьирование не противопоставляет памятники друг другу, а, наоборот, объединяет их в единое целое: сравнивая один и тот же текст в разных списках, мы легко можем установить направление языковой обработки текста. Произведения, предназначенные для устной речи (вне зависимости от стиля), обновлялись чаще книжных. Так, в служебных минеях удалялись архаизмы для приближения текста к живой речи (однако с XV в. – обратная архаизация). В ходе правок происходила и стилистическая дифференциация слов. Например, в текстах «высокого стиля» вместо *одежда – риза, одеяние* и т. п. Также к многозначным словам прибавляются различные аффиксы для дифференциации смысла (*заступ* ‘орудие’ – *заступник* ‘защитник’). Некоторые старые формулы распадаются, так как не успели приобрести новых значений; в других формулах происходит замена ключевого слова. В целом все синтагмы подгоняются под нормы языка, даже цитаты из Писания (с целью лучшего осознания). Необходимость постоянной правки рукописей (а затем и печатных книг) диктовалась изменением в семантике слов: приходилось постоянно обновлять лексическое значе-

ние синтагм, но именно цельность синтагм как строевого компонента текста и допустимость варьирования как требование нормы позволяло это делать безболезненно для смысла текста.

Книжные формулы знали наизусть и часто ими пользовались. Со временем в их составе оказались слова и символы, уже непонятные читателям – возникла необходимость в их истолковании, а формульные выражения сохранялись, только если они разъяснялись: *душевен человек – «егда убо деет что угодно богу»*. Таким образом, постоянное обновление формы позволяло сохранить во времени смысл формулы, а по мере омертвления формы разрушалась и формула, выходя из активного употребления. Кроме того, в ходе постоянного варьирования создавалась естественная возможность свободных замен с помощью самостоятельных слов, т. е. готовилось стилистическое варьирование текста, получившее расцвет в XVII в. Специфика отбора ключевого слова создавала образность национальной формулы (например, «сказка про белого бычка»). Начинается процесс постепенного освобождения слова из жестких рамок синтагмы путем присвоения ему более отвлеченных и общих значений. Расширение содержания понятия происходит путем семантического дробления ключевого слова – оно становится слишком объемным, чтобы оставаться в синтагме. То, что мы сегодня называем смыслом, в средневековой литературе являлось символом и было сосредоточено в ключевом слове синтагмы.

Разрушение формул и расширение текста

Развитие формул на основе ключевого слова – творческий процесс, обратной стороной которого является *разрушение исходных формул и, как следствие, расширение текста* (одно временно расширяется и форма). Возможностями для разрушения формул могут являться:

- перевод с греческого языка непонятных слов «авторскими» синтагмами (таковы тексты Кирилла Туровского);
- препозиция ключевого слова-имени с последующим усечением тавтологии или усечением в пользу лаконичности (семантическая компрессия): *великое многое множество – множество; во веки веков – во веки; преставися в небесное царство – умре;*
- объединение элементов синтагм на основе общего ключевого слова (контаминация): *изнести слово + право слово = изнести право слово.*

Этими методами расширения текста уже с XIII в. пользуются создатели и переписчики воинских повестей и деловых памятников. Все эти типы расширенных формул ограничиваются 6–7 составляющими (средняя длина простого высказывания в словоформах) – таковы естественные границы расширения формул, способных нести информацию и в устной форме. Следовательно, чем больше элементов разговорной речи в тексте, тем короче длина синтагмы.

Роль технического средства (записи) наглядно видна в качественном изменении текста от устного к литературному, но образцом при этом остается формула. Народная формула обрабатывается в рамках делового текста: идет усиление научного стиля за счет уменьшения образности, меняется также плавная интонация устной речи – но это происходит не сразу, а длительное время, усилиями многих переписчиков; кроме того, такие тексты еще какое-то время сохраняют впечатление нелитературных, однако это просто тексты иной культуры, чем книжная. Иногда происходило дополнительное «приращение смысла», если переписчик использовал измененный оборот и вынужден был семантически обосновать его наличие в тексте (это приращение копировалось потом во все последующие редакции текста).

Принципы развития и переработки формул оставались одинаковыми на протяжении длительного времени, хотя, попадая в устную речь фольклорной традиции, подобные формулы всегда сжимались в поговорку или пословицу. **Сжатие текста – это важнейшее требование в переработке традиционных формул.**

Как в отношении древнего текста, так и в отношении формулы невозможно говорить об авторстве: авторства сознательно избегали, прячась за уничижительными формулами введе-

ния или послесловия. Кроме того, оно не особенно требовалось благодаря возможности широко варьировать формулу в ее словесном исполнении. Неизвестно, кто употреблял первым измененный вариант, однако литературным фактом становилась только вошедшая в обращение формула.

Переход к новым принципам организации текста – не от формул, а от слова – совершался долго и не без ущерба для литературных памятников. С одной стороны, изолированные от живого языка формулы превращались в мертвые, чисто стилистические штампы, лишенные смысла; с другой стороны, преждевременные попытки пословного перевода с других языков, без привлечения привычных формул-синтагм, делали эти тексты недоступными для понимания. Литературный текст не может существовать без поддержки народного языка, именно поэтому длительное время **главным методом расширения текста был перенос формул-синтагм в чуждый контекст с последующим их переосмыслением.**

К началу XVIII в. единство формул было уже сильно разрушено, каждый текст утрачивает грамматическое единство, поскольку *место синтагм занимает новая формация – книжная фраза*. Единственным ограничителем распадающегося текста как нормы-образца становится *стиль*.

Топос как элемент средневекового текста

Термин «топос» (русское соответствие – «общее место», «типическое место») шире формулы по объему и функции. Пришедшие из риторики топосы стали способом организации устного текста, но вместе с тем обусловили и рождение новых словесных формул в текстах изначально письменных жанров.

Проблема функционирования этого понятия в литературе была поставлена в книге Э.Р. Курциуса «Европейская литература и средневековье» (1948), который определял *топосы как способы оформления целых комплексов, связанных с типическими ситуациями*. Э.Р. Курциус обратил внимание на то, что топосу присущ формальный характер, чаще всего соответствует определенное словесное оформление [Махов 2001: 1076]. Также исследователь первым отметил связь топоса с архетипом и указал на то, что это явление коллективного сознания в литературе. Это можно считать точкой отсчета бытования данного термина в литературоведении.

Изучая топику литературы, Э.Р. Курциус сделал акцент на неизменности и повторяемости структуры топоса. С каждым топосом связано, несомненно, значение конвенциональное, но каждый топос подвержен трансформациям и модификациям, преобразуется поколением авторов [Сазонова 2012]. Топосом может быть повторяющийся элемент текста, закрепленный за определенным местом сюжетной схемы. Топосы делились в древнерусской литературе на топосы-мотивы, т. е. повторяющиеся ситуации.

В русле использования «общих текстов» особое место занимает *агиографическая топика*, изучение которой играет важнейшую роль в понимании средневековой культуры. Если святой уходит из мира, то он меняет свое светское платье на рубище, например, и это типичная ситуация. Или он слышит какой-то голос, который призывает его уйти из мира, предупреждает о том, что должно свершиться страшное преступление, или напоминает ему евангельскую заповедь. Как это мы видим в агиографии? Разные святые по разным поводам слышат этот голос, но они его слышат. Важную роль в описании чудесных ситуаций традиционно играет *топос послушания и доверия святому*, восходящий к евангельским образцам. Нередко для его выражения использовались стилистические формулы, являвшиеся скрытыми цитатами из евангельских повествований о чудесах Иисуса Христа: «*по глаголу моему*» (старца и т. п.).

Удивление как реакция на чудо появляется в разных повествованиях, причем иногда в соединении с *топосом сокрытия чуда*: «*Я много удивлялся сему видению, но никому не говорил ни слова: размышляя сам в себе и удивляясь, как это Всемилостивый Господь возвыша-*

ет и украшает своих служителей...» Наиболее часто топос сокрытия чуда в древнерусской агиографии встречается в виде запрещения чудотворца свидетелям чуда рассказывать о нем, которое ведет свое происхождение от евангелиевского текста (запрещение Иисуса Христа рассказывать о совершенных Им чудесах).

Важную роль в описании чудес играет *топос удостоверения в чудесном характере события*. В древнерусских житийных текстах он представлен первоначальным поиском естественных причин описываемого события и указанием на их отсутствие (например: «Зная хорошо это место, так как много раз видел, как здесь ходили пароходы, я твердо убежден, что там глубина не менее 2-х или 3-х сажень, и что никакой скалы или камня там никогда не было. Ясно, что спасся я чудесно, помощью святителя Христова Николая» – слова инока из «Валаамского патерика») [Башлыкова 2011: 203].

Таким образом, топос являлся одним из важнейших способов репродуцирования как основной элемент текста-образца, своеобразный каркас, образованный рядом словесных формул, в пределах которых возможно варьирование языковых средств [Рогожникова 2003].

Практическое занятие 3.

Структура древнерусского текста: формула, топос

1. Вопросы:

- Какова история обозначения минимальной структурной единицы древнего текста учеными-медиевистами?
- Как соотносятся термины «синтагма» и «формула»?
- Как происходило разрушение формул и «высвобождение» слов из синтагмы?
- Каковы способы преобразования текстовых формул и расширения / сжатия текста?
- Какова история термина «топос»?
- В чем состоит статика и динамика топоса?
- Каковы особенности топоса как структурного элемента агиографии?

2. Задания:

- Расскажите о вариативности и преобразовании формул в тексте.
- Прочитайте и переведите тексты.
- Определите их жанровую разновидность, сферу бытования (светская, религиозная).
- Выделите словесные формулы, сделайте их лингвистический анализ:

А) «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона (XI в.):

Вси богови прѣстоять . и си слыша || въждела срьдцемь . възгорѣ духомь . яко быти ему христіану и земли его . еже и бысть . богови тако изволившу челцьское естъство . съвлѣче же ся убо кагань нашъ и съ ризами ветъхааго члвка . съложи тлѣннаа . отрясе прахъ невѣрія . и вѣлѣзе въ стую купѣль . и породися от духа и воды . въ хта крстився въ хта облѣчеся . и изиде от купѣли бѣловобразюся . сынъ бывъ нетлѣнїа . сынъ въскрѣшенїа . имя прїимъ вѣчноименито на роды и роды . василїи . имже написася въ книги животныа . въ вышнїимъ градѣ и нетлѣннѣимъ іерслимѣ | сему же бывъшу . не досѣле стави блгговѣрія подвига . ни в томъ токмо яви сущюю въ немъ | къ бгу любовь . нъ подвижесе паче . заповѣдавъ по вси земли и крѣтитися въ имя отца и сна и стго дха . и ясно и велегласно въ всѣхъ странѣхъ славится стѣи троици . и всѣмъ быти хрстїаномъ . малымъ и великимъ . рабомъ и свободнымъ . унымъ и старымъ . бояромъ и простымъ . бгатымъ . и убогымъ .

Тогда начатъ мракъ идольскыи от насъ отходити . и зоря блговѢрїа явишася . тогда тьма || бѢсслужанїа погыбе . и слово евангльское землю нашу всїа . капища разрушаахуся . и цркви поставляахуся . идоли съкрушаахуся . и иконы стыхъ являахуся . бѢсы пробѣгааху . крѣсть грады свѣщааше .

Б) «Житие и жизнь от части чудесь преподобнаго Пафнутїа Боровскаго» (создано Вассианом Саниным, архиепископом Ростовским и Ярославским в начале XVI в.):

Сеи приснопомнимыи отць Пафнотїе от колена агаряньска влекыи ся родомъ. Внегда Богу попускающу за грѣхи наша . тѣхъ начальникъ безбожныи царь Батыи, приде въ ярости гнѣва Гсня . пуцен бысть на Россїйскыи остров яко же Серпъ, его же пророкъ видѣ, или яко мечь обоюдоустрѣ . и яко пламень огня паляща, грады пожигая и потребляя . и храмы священныя съ всею святынею и благолѣпїемъ и православию держателя, яко класы пожиная владущихъ . и владомыя яко же кедры высоковерхїя вседержателя мечемъ посѣкая и пагубнѣи смерти предавая . и кто можетъ представити или словомъ изрещи . аще и всѣхъ разумъ языкъ имат еже злыи тои царь съдѣя.

К сим же поставляетъ и властеля по всѣмъ градомъ, от безбожныхъ тѣхъ колѣна Ирода корень иматъ блаженныи Пафнотїе, яко же речеся. Сїа же вся съдѣявъ безбожныи царь тои отиде въ иныя страны, и тамъ убиенъ бысть . достоину злочестїа приять мечь окаянннуну, свою дуцу злѣ извѣрже.

Съверши же блажнѣи Пафнотїе. седморичное объхожденїе временъ въ всяцѣмъ послушанїи . съ всякымъ прилѣжанїемъ служба старцю и сматрѣя навѣкнуги всякои добродѣтели образъ . по смотренїю же божию, или на нѣкое неудобство оставляетъ старецъ обитель . и отходитъ тамо идѣже прежде пасыи Хсво стадо словесныхъ овецъ . въсхотѣ же и ученика послѣдовати ему, настояи же обители не по воли бытїи тому . да некако лишении будутъ послушанїа дѣлателя блаженныи же молить старца оставити его ту за юность възраста его . старецъ же по съвѣту настояаго , оставляетъ его бытїи на воли божиї . самъ же отходитъ въ предреченнуну обитель . блажнѣи же по ошествиї старца, множае прилѣжаше к подвигомъ . и труды к трудомъ прилагаше . и всею мѣрою украшаяся въ стезяхъ добродѣтели . и бѣаше всѣми любимъ и почитаемъ, премногїа ради его добродѣтели . и всѣхъ уже съвершивъ лѣтъ К (20) в подвижѣ.

В) «Грамота великаго князя Мстислава Володимировича и его сына Всеволода» (около 1130 г.):

Се азъ Мъстиславъ Володимиръ сынъ . държа Русьску землю въ свое княженїе . повелель есмь сыну своему Всеволоду. отдати Буици святому Георгиеви . съ данїю и съ вирами и съ продажами . да же которыи князь по поемъ княженїи почьнетъ хотѣти отъяти у свѣтаго Георгия . а Богъ буди за тѣмъ и святая Богородица. и тѣ святыи Георгии у него отимають . и ты игумене Исаїа и вы братїя . донѣле же ся миръ състоитъ . молитѣ Бога за мя и за моѣ дѣти . кѣто ся изоостанеться въ манастиры . то вы тѣмъ дѣлжнѣи молтити за ны Бога и при животѣ и въ смърти . а язъ далъ рукою своею . осеннее полюдѣе дарованное полѣтретїа десяте гривнѣнъ святому же Георгиеви . а се я Всеволодъ далъ есмь блюдо серебряно въ Л (30) гривнѣнъ серебра святому же Георгиеви . велель есмь бити въ нь на обѣдѣ коли игумень обѣдаеть . да же кѣто запъртитъ или ту дань и се блюдо . да судитъ ему Богъ в днь пришьствия своего и тѣ святыи Георгий.

Г) «Сказанїе о смърти Олега» (XII в.) (по Ипатьевской летописи, около 1425 г.):

И живяше Олегъ миръ имѣя . ко всѣмъ странамъ . княжа въ Киевѣ . И приспѣ осень , и помяну Олегъ конь свои . иже бѣ поставилъ кормити . и не всѣдати на нь . бѣ бо прежде

*въпрашалъ волхвовъ и кудесникъ . отчего ми есть умьрети . И рече ему одинъ кудесникъ:
«Княже конь егоде любиши . и Ъздиши на немъ . от того ти умьрети».*

➤ Покажите, как в пределах агиографического топоса «рождение святого от достойных родителей» осуществляется отбор языковых средств: а) в соответствии с потенциальными возможностями того или иного жанра; б) типа воспроизведения текста (список – редакция); в) идейных и стилистических установок разных эпох, разных авторов.

А) «Житие Дмитрия Прилуцкого» (XV в.):

От славнаго града Переяславля . от благочестиваго корене израсте доброплоднаа розга от славныхъ родители, иже многимъ богатствомъ цвѣтущемъ и велику куплю творящихъ . И сеи чудныи отрокъ Дмитрие родися.

Различия в списках «Жития Дмитрия Прилуцкого»

Список 1494 г.:

*корени
доброплоднаа
ДмитрѢи*

Минейный список (XVI в.):

*корене
доброплоднаа
Дмитрие*

Различия в жанровых формах жития

Минейное житие:

*От славнаго града Переяславля
от благочестиваго корене
израсте доброплоднаа розга
от славныхъ родители
иже многимъ богатством
цвѣтущемъ...*

Похвальное слово Дмитрию Прилуцкому:

*От славнаго града Переяславля
от благочестиваго корени
израсте доброплоднаа розга
иже напоена лоза
от своих родители **благо родныхъ.***

Различие в редакциях. Сводная редакция «Жития Дмитрия Прилуцкого» (XIX в.)

Сеи преподобныи и Богоносныи Отець нашъ Димитрии, бысть родомъ Росиискаго Царства, от страны Московския, от Града Переяславля, отъ Благочестивых, вѣрных, богатых, и многу куплю творящих родителей его, родися.

Б) Тематически близкие тексты житий XV в.

«Житие Григория Пельшемского»:

*От славнаго града Галича,
от благочестиваго корене
израсте допроплоднаа розга:
от славных родители,
болярска роду, иже
многимъ богатствомъ
и славою живуцимъ
и от князь почтени,
и сеи святыи чудныи
отрокъ Григорие родися.*

«Житие Дмитрия Прилуцкого»:

*От славнаго града Переяславля,
от благочестиваго корене
израсте доброплоднаа розга,
от славныхъ родители,
иже
многимъ богатствомъ цвѣтущемъ
и велику
куплю творящихъ
и сеи чудныи отрокъ
отрокъ Дмитрие родися.*

«Житие Кирилла Белозерского»:

*Сеи оубо преподобнии
отець нашъ Кириль
родися от благочестивоу
и христіану
родителю и крестишиа во имя
Отца и Сына и Святаго Духа
и нарекоша имя емоу во святемъ
крещении Козма.*

«Житие Ферапонта»:

*Сеи оубо преподобнии
отець нашъ Ферапонт
родися от благочестивоу
и христіану
родителю дѣтеи боярскихъ
Поскочиныхъ зовомыхъ
Московскыя земля града
Волокаламскаго.*

В) «Житие Пафнутия Боровского» (конец XV в.):

Отець же святаго родися от сего Мартина благочестнѣ . и въ святѣмъ крещении Иоаннѣ бѣ имя томоу . рождѣшиа же сего блаженнаго отрока бяше Фотиніа наречена. обои въ благочестии сияюще бяхоу . и съблюдающе заповѣди Господня благыя . живяхоу же в селѣ . по простыхъ рѣчи Кудиново нарицаемо . от отча наслѣдіе сіе имуща, трею поприщѣ разстояние от града Боровска, от нихже израсте блаженнии . яко от благаго корене сад священнии.

Г) «Житие Михаила Клопского» (середина XVI в.):

Откоудоу же явися дивнии сеи свѣтилникъ, и от каковоу родителю произыде, не обрѣтохомъ прехоженіа ради многихъ лѣтъ.

Но вышняго Иероусалима гражанинъ, отца имѣяше всѣхъ Създателя, к Немоуже всѣ възложися, мать же горніи Сіонъ, сродники же лики святыхъ, с нимиже днесъ ликоствоуетъ, плотскіи же корень влечаше росіискихъ нашихъ цареи, яко же преди слово изъявить.

Царствующу великою Росією христоробивому царю Василию, сыну достохвальнаго царя Димитрія, иже на варвары побѣду показавшаго за Дономъ на злочестиваго царя Мамая, первопрестольствующу же тогда великія Росіискіа церкви святѣшему митрополиту Фотѣю, великаго же Новаграда престоль украшающую пресвященному архиепископу Иоанну, явися дивнии сеи Михаилъ.

Д) «Житие Иосифа Волоцкого» (середина XVI в.):

Весь бѣ не отъ славныхъ в предѣлахъ Волока Ламскаго, нарицаема Язьвище. Въ неи же храмъ Пречистыя Богородица, честнаго ея Покрова, и посему нарицается Покровское. Въ неиже быша сего преподобнаго родители, бѣ же отчина прадѣда его, нарицаемаго Саня; сей бѣ приехалъ изъ Литовскія земли, и князь великіи даде ему вотчину. И у Сани бысть сынъ Григоріи, и у Григоріа бысть сынъ Иванъ; и сеи бѣ Иванъ отецъ, о немъже намъ слово, иже бѣ и жену боголюбиву имый, и живяше въ всякомъ благоговѣнствѣ и въ въздръжаніи и въ молитвахъ, именемъ Марина. И моляшеся о чадѣхъ Богу, дабы имъ далъ чада, в наслѣдіе роду своему. И услыша Богъ молитву их: родиши сына и нарекоша Иванъ именемъ отца его.

Использованная и рекомендуемая литература

Аверина С.А. К жанрово-стилистической характеристике севернорусской агиографии // Историческая стилистика: сб. науч. тр. Петрозаводск, 1990.

Башлыкова М.Е. Традиции древнерусской патерикографии в рукописи начала XX в. «Валаамский патерик» из собрания Ново-Валаамского монастыря // Литература Древней Руси: коллективная монография. М., 2011.

Белозерцев Г.И. О стилистических особенностях редакций Жития Михаила Клопского // Памятники русского языка: Исследования и публикации: сб. ст. М., 1979.

- Васильев В.К.* Сюжетная типология русской литературы XI–XX вв. Красноярск, 2009.
- Дмитриев Л.А.* Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII–XIV вв. Л., 1973.
- Зайнуллина С.Р.* Именные формулы русских летописей в жанрово-стилевом аспекте (на материале «Повести временных лет» по Лаврентьевскому списку). Режим доступа: https://libweb.kpfu.ru/publication/papers/Baudouin/Baudouin_2015_1/Baudouin_2015_1_124_126.pdf.
- Каравашкин А.В.* Литературный обычай Древней Руси (XI–XVI вв.). М., 2011.
- Колесов В.В.* Древнерусский литературный язык. Л., 1989.
- Колесов В.В.* Древнерусский литературный язык. М., 2015.
- Ключевский В.О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1988.
- Лопутько О.П.* Устойчивая формула в истории русского литературного языка (X–XV вв.). Новосибирск, 2001.
- Лурье Я.С.* Житие Иосифа Волоцкого // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2: Вторая половина XIV–XVI в. Ч. 1: А–К. Л., 1988.
- Махов А.Е.* Топос // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. М., 2001.
- Махов А.Е.* Топос // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н.Д. Тамарченко. М., 2008.
- Рогожникова Т.П.* Агиографический топос в житийных текстах Великих Четых Минеи: синхронический и диахронический аспекты // Вестник ОмГУ. 2000. Вып. 4.
- Рогожникова Т.П.* Жития «макариевского цикла»: жанр – стиль – язык. СПб., 2003.
- Сазонова Л.И.* Память культуры. Наследие Средневековья и барокко в русской литературе Нового Времени. М., 2012.
- Творогов О.В.* Традиционные устойчивые словосочетания в Повести временных лет // Труды Отдела древнерусской литературы. 1962. Т. 18.

Тема 4. СТАНОВЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ ТЕКСТА В РУССКОМ И СЛАВЯНСКОМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Проблема перевода в славянском Средневековье как основа для зарождения древней теории текста. История древнерусской концепции текста. Две концепции текста как отражение культурной поляризации (XVII в.).

Первые грамматические сведения славяне почерпнули из греческих руководств в эпоху интенсивных переводов на старославянский язык служебной, четьей и патристической литературы. Чтобы передать иносказательность текста переводчикам приходилось учитывать разные формы родного языка – для создания эквивалентной оригинальной системы образов. Такие переводы и составили первоначальный набор художественных символов в древнеславянских текстах (многими из них мы пользуемся и сегодня).

Именно в древнеславянской переводческой практике в X в. обсуждается проблема соотношения «глагола» и «разума» (*signans* и *signatum*). Казалось бы, эта проблема касается преимущественно точной передачи смысла слова, выражения. Однако перевод затрагивал – прежде всего – содержание заветных смыслов всего текста. Более того, последующее **развитие теории перевода всегда было связано с разными этапами развития филологии как осмысления текста, затем – высказывания, еще позже – слова и, наконец, парадигмы.** В соответствии с этим возникла теория «вольного перевода» (светские тексты XII в.), перевода

«от слова до слова» (начиная с XIV в.), затем грамматическая теория перевода (с XVI в., Максим Грек) и «синтетическая теория», возникшая уже в конце XVII в. (Симеон Полоцкий и его литературная практика) [Матхаузерова 1976].

В житии Кирилла и Мефодия и столь же древнем сочинении «О письменѣхъ» черноризца Храбра говорится о составлении славянской азбуки, о создании славянской письменности и о переводах Священного Писания на старославянский язык. Списки этих сочинений были известны и популярны в России до XVIII в. Они оказали большое влияние на становление филологических знаний в России еще в то время, когда основной сферой изучения оставались лексикографические разработки текстов (XIV–XVI вв.). Так же, как и последние, эти филологические сочинения возникли из практических потребностей перевода или переписки текстов и не являлись еще в полном смысле лингвистическими. Даже терминология (в том числе и общефилологическая, философская) в это время продолжала традиции греческой учености, хотя наряду с тем уже были сделаны первые попытки приспособить ее к нуждам славянского знания.

В середине XIV в., в русле идей «Восточнославянского Предвозрождения» (термин Д.С. Лихачева [Лихачев 1962]) и в результате активной деятельности славянских монастырей на Афоне начинается новая волна практического интереса к филологическим вопросам. Необходимость исправления богослужебных книг и создание их новых привели к пересмотру и на Руси, и в Болгарии общего отношения к тексту и к рукописи. Эта волна была продолжительнее предыдущей: «второе южнославянское влияние» оказалось более значительным, поскольку касалось не только языка, но и стилистики, затрагивало вопросы, связанные с составом и оформлением текстов, уже довольно разносторонне охватывало все сферы филологической критики текста, заложило основы оригинальной лексикографической работы над текстом и т. д.

Общее направление в развитии грамматического знания можно было бы обозначить следующим образом. Примерно *до конца XVI в. основной задачей была текстологическая, палеографическая, словарная работа над текстом. Это филологическая наука о слове в тексте, и форма для нее важнее содержания* (буква, а не звук; слова, а не морфема; *формулы речи, а не парадигматические связи слов* и пр.).

Значительны для истории русской филологии переводы и трактаты Максима Грека (около 1475–1566 гг., в Москве с весны 1518 г.). Общеизвестным является его вклад в области лексикологии и лексикографии, перевода и экзегетики («Беседа о пользе грамматики» и др.).

В начале XVII в. вышла грамматика Мелетия Смотрицкого (1619 г., город Евью около Вильно) под названием «Грамматіки Словенския правилное синтагма». На протяжении XVII в. грамматика Мелетия Смотрицкого, впитавшая в себя грамматические достижения и открытия предшествующих сочинений, оказывала большое влияние на становление нового («русского») церковнославянского языка и внесла важный вклад в дальнейшее развитие грамматических знаний в России. Дольше, чем какая-либо другая грамматика, по существу до появления грамматики М.В. Ломоносова в середине XVIII в., она была авторитетным грамматическим пособием. Созданием грамматики Мелетия Смотрицкого завершились все линии средневекового развития восточнославянской филологии. *Синтагмы текста разложены на парадигмы языка, и образцом («парадигмой») становится не текст, а самостоятельная единица языка – слово в его грамматических формах* (в последовательности выявления: текст – предложение – слово).

Тем не менее в эпоху Средневековья не просто существовал некий синкретизм научного знания о языке – все такие сведения не были собраны воедино согласно своему общему объекту, не являлись еще предметом самостоятельного изучения категорий «язык» и «текст».

Они были связаны с различными сторонами интеллектуальной деятельности как форма и материал воплощения известных идей и как реальное проявление абстрактных, иначе не постигаемых философских категорий, логических законов и правильной речи [Колесов 2003].

О теоретизации знаний о тексте в русской культуре можно говорить лишь в связи с Никоновской справой и известным (в том числе по документам) противостоянием никониан и старообрядцев. Медиевистам на основании анализа полемической литературы тех времен, документальных источников удалось даже реконструировать полярные по сути теории текста, назвав их условно «субстанциальной» и «релятивистской» [Матхаузерова 1976].

Субстанциальная наиболее ярко выражена в челобитных суздальского попа Никиты и романово-борисоглебского попа Лазаря царю Алексею Михайловичу по поводу никоновской правки книг, *релятивистская* – в «Жезле правления» Симеона Полоцкого, где он опровергает эти челобитные.

Возражения Никиты и Лазаря имеют свою логическую основу. Текст они принимают как нечто данное, которое не может существовать иначе, нежели в своей первоначальной, законченной и неизменяемой форме. Так, Лазарь приводит ряд цитат из патриотической литературы (из Кирилла Александрийского, Василия Великого и Иоанна Дамаскина) о том, что *«не подобает изменяти ни мало что»*. *Истинность текста проверяется его повторяющимся восприятием, а не сравнением (как утверждал патриарх Никон) с другим текстом*. Дабы не впасть в ересь, считает Никита, нужно строго следовать «старым» книгам, не переменяя в них ни одной буквы [Камчатнов 2005]. Никита жалуется, что в исправленных книгах произвольно и напрасно искажается первоначальный текст. Такую концепцию текста можно назвать *субстанциональной*, так как слово здесь равняется субстанции, предмету; слово и бог составлены из одной материи, и читать такой текст – значит войти в сферу влияния той же материи, так что исчезает разница между субъектом и объектом восприятия. Такое отношение к тексту имеет в славянской письменности долгую традицию. Окончательно оно выработалось на русской почве, прежде всего, в процессе борьбы против правки книг и в сопутствующих ей полемических спорах. Любая правка всегда вызывала острый протест. Уже со времен суда над Максимом Греком подчеркивается мысль о том, что каждое исправление буквы текста является нарушением его содержания. Борисоглебский поп Лазарь приводит свидетельство отцов и учителей церкви, «яко предание их не подобает изменяти ни мало что», в частности, цитату из Иоанна Дамаскина: «Аще и мало что отметае от закона, весь отметае закон».

В отличие от субстанционального понимания, Симеон Полоцкий дал *рационалистическую (релятивистскую)* концепцию текста как объекта, критически воспринимаемого субъектом. Он использовал полемику с раскольниками для того, чтобы применить *принцип критического отношения к тексту*. В отдельных статьях своего трактата он объявляет, что «правда» текста состоит не в его застывшем звучании, а в постоянной конфронтации с познавательными способностями читателя и с развивающимся уровнем его познаний.

Показательным примером, иллюстрирующим разницу двух концепций текста, является спор о том, можно ли бога называть тьмою. Никита Добрынин во второй «жалобе» возражает против следующей фразы никоновской книги «Скрижаль»: «Лучше имать именовати бога тму и невидение, нежели свет». Как представитель субстанционального понимания текста, Никита не признает возможности называть бога тьмою. Симеон Полоцкий, наоборот, пользуется этим расхожим примером не только для того, чтобы показать невежество Никиты, ведь это цитата из Дионисия Ареопагита. Это служит также для объяснения, что название субстанции и естества может меняться в зависимости от точки зрения наблюдателя и что объект может дополниться свойством, исходящим от субъекта, причем перемена никак не касается сущности объекта. Бог остается светом, говорит Симеон, потому что это доказано словами Христа («Аз есмь свет») и Иоанна Богослова («Бог свет есть»). Далее он говорит: «Но свет есть

неприступный и невидимый... по сем убо неприступству и невидению в наших глаголется быти тма очесех, а не во своем божественном естестве, в нем же свет есть». Светлым остается и солнце, хоть слепой или крот его не видят и солнце кажется тьмой. «Но незаконный Никита, яко невежда сего разсудити не умея, – заключает Симеон Полоцкий, – яко не по естеству своему бог именуется тма, но по нашей немощи, не могущей бога постигнуть». Симеон Полоцкий считается с критическим субъектом, который стоит между словом и обозначаемым объектом; восприятие текста, по его концепции, является соотношением трех компонентов: слово – объект – субъект [Матхаузерова 1976].

Симеон Полоцкий даже считается с тем, что не все одинаково воспринимают и понимают текст. Старообрядцы же, напротив, абсолютизировали одну сторону, отождествили язык и текст, вследствие чего только один язык в их представлении оказался достойным быть выражением Богооткровенной истины – славянский. Отсюда проистекал протест против исправления орфографии и грамматики богослужебных книг, против самой грамматики, против изменений в обряде, против новых тенденций в иконописи, против латинского и татарского языков как языков нечистых. Так, не только мысль или верование, но и само обозначение – иначе говоря, знаковое воплощение мысли – может быть признано еретическим: *форма и содержание принципиально отождествляются*, и всякое отклонение от правильного обозначения может связываться с изменением в содержании или, во всяком случае, не безразлично по отношению к содержанию.

Так, в спорах XVII в. мы можем найти следы двух противоположных концепций текста – субстанциональной и релятивистской. Они отражаются не только в теории текста, но и в теории перевода.

Практическое занятие 4. Древнерусские теории искусства слова

1. Вопросы:

- Какой характеристикой обладает «плетение словес» как способ порождения и организации текста?
- Какие приемы и средства «плетения словес» вы знаете?

2. Задания:

- Охарактеризуйте тексты русского агиографа Елифания Премудрого как образец «плетения словес».
- Сделайте сравнительный анализ фрагментов, развивающих одну тему: ключевые слова, словесные формулы и их трансформации, языковые и риторические способы расширения / сжатия (компрессии) текста:

А) **Триодь Постная** (переводная богослужебная книга византийских трехпесенных канонов VIII–IX вв., которые поются в дни Великого поста до Пасхи):

Вижу тя ныне возлюбленное чадо и любимое на кресте висяща. Сын мой, где доброта зайде зрака твоего не терплю зрети тя неправедно растинаема, хотела бых с тобою умерти не терплю бо без дыхания мертва видети. Где сын мой и божье благовещенье древнее еже ми Гавриил глаголаше царя ты сына и бога вышняго нарицающе... Увы мне, чадо мое что сие сотворил еси красный добротой паче всех человек бездыханный беззрачный являешия не имея вида ниже доброты увы мне мой свете.

Кирилл Туровский. «Слово о снятии тела Христа с креста» (XII в.):

Вижу ты милое мое чадо, на кресте висяща, бездушна беззрачна не иму видения ни доброты, и горько узвзена душой. И хотела бых с тобою не терплю бо бездушна тебе зрети.

Б) Кирилл Туровский. «Слово о снятии тела Христа с креста» (XII в.):

Кую похвалу створю достойну твоего блаженства ли кому уподоблю сего праведника? Како начну или како разложу? Небом ли ты прозову... Землю ли ты благоцветущую нареку... Апостолом ли ты именую ... Святители ли ты и старейшину прозову...

Епифаний Премудрый. «Житие Стефана Пермского» (к. XIV в.):

Како похваляю, како почту, како ублажу, како разложу и како похвалу сплету? Тем же что ты нареку пророка ли яко... Апостола ли ты именую... Законодавца ли ты прозову или законоположника Крестителя ли ты просвещаю понеже... Проповедника ли ты проглашу... Евангелиста ли ... ты нареку или благовестника им же... Святителя ли ты именую елма же... Учителя ли ты прозову яко... Да что ты прочее назову страстотерпца ли или Мученика яко...

Использованная и рекомендуемая литература

Авласович С.М. Литературный стиль Епифания Премудрого.: проблемы преемственности и самобытности: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2007.

Антонова М.Ф. Кирилл Туровский и Епифаний Премудрый // Труды Отдела древнерусской литературы. 1981. Т. 36.

Камчатнов А.М. История и герменевтика славянской Библии. М., 1998.

Камчатнов А.М. История русского литературного языка: XI – первая половина XIX века: учебное пособие. М., 2005.

Колесов В.В. К характеристике поэтического стиля Кирилла Туровского // Труды Отдела древнерусской литературы. 1981. Т. 36.

Колесов В.В. Древнерусский литературный язык. М., 1989.

Колесов В.В. История русского языкознания: очерки и этюды. СПб., 2003.

Лихачев Д.С. Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого. М.; Л., 1962.

Лыкова Н.Н. История языкознания в текстах и лицах: учебное пособие. М., 2010.

Матхаузерова С. Две теории текста в русской литературе XVII в. // Труды Отдела древнерусской литературы. 1976. Т. 31.

Матхаузерова С. Древнерусские теории искусства слова. Прага, 1976.

Панченко А.М. Русская история и культура: Работы разных лет. СПб., 1999.

**Тема 5. ИЗУЧЕНИЕ ДРЕВНЕГО ТЕКСТА:
ИЗ ИСТОРИИ ТЕКСТОЛОГИИ**

Текстологические опыты в России Нового времени. Систематическая эдиционно-текстологическая работа (последняя треть XVIII в.): библиографическое и книговедческое направление. Текстология XIX века: «скептическая», «историческая», «мифологическая» школы. Текстологические методы изучения древнего текста.

Как известно, русская литература XI–XVII вв. – литература по преимуществу рукописная. Это определило главные особенности создания, распространения и бытования ее многочисленных памятников. Переписка книг неизбежно вела к тому, что памятники древнерусской литературы теряли устойчивый текст, обрастая новыми и новыми редакциями. Чем дольше длилась жизнь литературного памятника, тем, как правило, больше появлялось его редакций, в которых отражались требования жизни, литературные вкусы, мастерство (или его отсутствие) переписчика.

Первыми текстологическими опытами в России можно считать «исправление», систематизацию и описание рукописных книг в конце XV–XVII вв. Яркие текстологические примеры этого времени – описи книг Иосифо-Волоколамского монастыря и книг патриарха Филарета, описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря.

Однако интерес к древнему тексту активизировался преимущественно в Новое время. Как известно, указом 1722 г. Петр I велел собирать и привозить в столицу летописи, степенные книги, хронографы. С учреждением в 1724 г. в Петербурге Академии наук началось освоение древних памятников русской истории. Изготовленные с научными целями копии памятников письменности сохраняются до наших дней в «портфелях Миллера» (Российский государственный архив древних актов – РГАДА); их ценность особенно велика в тех случаях, когда сам памятник утрачен.

К систематической эдиционно-текстологической работе приступили позже. В числе первых опытов русской научной исторической критики – издания Несторовой летописи (И.С. Барков и И.К. Тауберт; 1761), «Русской правды» (А.Л. Шлецер; 1767). «Опыт исторического словаря о российских писателях» (1772), объединивший сведения о 300 авторах, начиная с древнейших времен, подготовил Н.И. Новиков. Им же создана «Древняя российская вивлиофика»; в 1773–1774 гг. она вышла в 10 томах, в 1788–1791 гг. – в 30. Новый этап был связан также и с развитием *авторского начала* в литературе. Эдиционные достижения европейской книжной культуры, ее опыт и приемы были применены в изданиях сочинений Феофана Прокоповича (С.Ф. Наковальнин; 1760–1765), А.Д. Кантемира (И.С. Барков и И.К. Тауберт; 1762), М.В. Ломоносова (арх. Дамаскин Семенов-Руднев; 1778), А.П. Сумарокова (Н.И. Новиков; 1781–1782).

Первые десятилетия XIX в. отмечены развитием русской текстологической мысли, в значительной мере обогатившей библиографические и книговедческие исследования древнерусских исторических и литературных памятников. Этот процесс существенно повлиял на возникновение фольклористики – текстологической обработки записей произведений устного народного творчества. Вопрос о самобытности русской культуры как в письменном, так и в устном ее выражении в числе первых ввели в круг научных проблем А.Х. Востоков, И.М. Борн, М.Н. Макаров.

Собиранием рукописей, их изучением и описанием активно занимались граф Н.П. Румянцев и сотрудники его кружка: К.Ф. Калайдович, митрополит Евгений Болховитинов, А.Х. Востоков, П.М. Строев. Текстология древнерусских памятников заметно обогатилась их археографическими трудами. Учрежденная в 1834 г. Археографическая комиссия не только разбирала и систематизировала собранные в экспедициях рукописи; результатом ее самостоятельной научной работы стало «Полное собрание русских летописей» (1841). В 1861 г. рукописное собрание Н.П. Румянцева было перевезено из Петербурга в Москву и положило начало Румянцевскому музею (ныне Российская государственная библиотека – РГБ). В изданиях Археографической комиссии начали применяться результаты точных лингвистических и палеографических исследований. А.Х. Востоков подготовил образцовое «Описание русских и славянских рукописей Румянцевского музея» (1842), издал Остромирово Евангелие (1843). Трудом митрополита Евгения Болховитинова были составлены справочные издания: «Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина» (1818; 1827) и «Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России» (1838; 1845).

В начале 1830-х гг. в отечественном источниковедении возникла «скептическая школа», многими нитями связанная со взглядами А.Л. Шлецера. Главой школы выступил М.Т. Каченовский. Его метод исторического исследования строился на убеждении, что не всякому свидетельству древнего памятника можно верить. Скептицизм (т. е. критическое и очень серьез-

ное сравнение текстов, «критика свидетельств») заключал в себе как безусловные достоинства, так и очевидные недостатки. Критическая мысль М.Т. Каченовского способствовала совершенствованию методов исследования повествовательных источников, приучала оценивать каждый факт с точки зрения внутренней достоверности и соответствия общим законам исторического развития. В то же время сторонники школы успешно доказывали баснословность многих известий русских летописей, склонялись к перечеркиванию киевского периода русской истории лишь на том основании, что повествующие о нем документы сохранились не в ранних, а в более поздних списках XIII–XIV вв.

Применительно к литературным источникам идеи А.Л. Шлецера развил М.П. Погодин. Настаивая на *изучении всех вариантов текста*, пользуясь *приемом аналогии*, он доказал ошибочность многих конкретных выводов «скептиков». В подходе к литературному материалу М.П. Погодин успешно применил *анализ общеисторических и общенациональных условий возникновения, бытования и распространения памятника*.

Уроки М.П. Погодина о том, как надо «читать и разбирать старинные рукописи», в свою очередь, развил Ф.И. Буслаев. Крупнейший представитель русской мифологической школы разработал *идею неразрывности языка и мифа, языка и народного предания*. Диссертация Ф.И. Буслаева «О влиянии христианства на славянский язык. Опыт истории языка по Остромирову Евангелию» (1848) – первый опыт применения сравнительно-исторического языкознания к древнеславянскому тексту. Впоследствии Ф.И. Буслаев подробно изложил свои научные воззрения в капитальном двухтомном труде «Исторические очерки русской народной словесности и искусства». Историзм как научный принцип неизменно предполагает изучение явлений в развитии; как новое слово в науке в середине XIX в. он отвечал потребностям времени и приобретал прочное основание. Овладение историческим подходом к предмету изучения было присуще всем отраслям филологических знаний. Фольклористы А.Н. Афанасьев, П.Н. Рыбников, П.И. Якушкин в своих трудах стремились к расширению вариантного состава материалов, обновляли методы их собирания. Практическая основа изданий сборников устного народного творчества придавала принципам их текстологической обработки самостоятельное теоретическое значение.

Современные текстологические методы изучения древнего текста

Текстология развивалась первоначально на основе изучения рукописной традиции античных (и позже средневековых) авторов, т. е. как раз на основе таких документальных материалов, среди которых, как было указано выше, не встречается (за редчайшими исключениями) автографов. В последнее время она успешно применяется и к текстам произведений новой и новейшей литературы, причем наличие автографов ввело в текстологию совершенно новый круг проблем – «творческую историю произведения», являющуюся новым видом «истории текста» – видом, ограниченным хронологическими рамками жизни автора, и даже еще уже – хронологическими рамками его работы над данным произведением.

Конкретный *материал*, на котором развивались и совершенствовались методы текстологии, можно разбить на следующие категории:

1) памятники, дошедшие до нас в незначительных фрагментах (например, тексты древнегреческих лириков, комедии Менандра);

2) памятники, дошедшие до нас в многочисленных, расходящихся одна с другой редакциях:

– подвергшихся многочисленным искажениям при переписке (до конца книгопечатания) – таковы тексты большинства античных авторов;

– подвергшихся неоднократным переделкам и переработкам вплоть до объединения (контаминации нескольких произведений в одно) – такова история текста большинства произведений художественной литературы феодального периода;

3) памятники, являющиеся сводом ряда других, слагавшихся в течение ряда столетий памятников, относящихся к различным эпохам и возникших в различной общественной среде (например, Библия, отчасти поэмы Гомера или русские летописные своды и хронографы);

4) памятники, сохранившиеся в немногочисленных или даже в единственной, иногда сильно искаженной, редакции: сюда можно отнести иногда и произведения новой литературы, не напечатанные при жизни автора и не получившие окончательной отделки, как например, «Горе от ума» Грибоедова или «Демон» Лермонтова;

5) фальсификации:

– памятники, целиком подложные – «Дар Константина», так называемые «Лжеисидоровы декреталии», недостающие книги Тита Ливия, письма Фаллариса, «Любушин суд», «Краледворская рукопись», окончание пушкинской «Русалки» и т. п.;

– интерполяции, или вставки (например, христианские интерполяции у языческих авторов, позднейшие вставки эпизодов или хронологических дат в летописях и хрониках).

Анализ каждой из этих категорий памятников связан с особыми техническими приемами текстологии. Наиболее часто встречается на практике вторая из перечисленных категорий памятников, которая в свою очередь разбивается на три группы. Такую разбивку можно довольно четко провести на памятниках древнерусской литературы:

1) списки почти тождественные (имеются только орфографические и стилистические варианты, незначительные вставки или пропуски);

2) списки как сходные, так и значительно отличающиеся друг от друга (различные варианты сюжета, вставные эпизоды);

3) списки, резко расходящиеся между собой, сохраняя лишь общий остов сюжета.

Каждый из этих трех случаев требует особых методов исследования. В первом случае в основу сравнения кладется один список, а все остальные подводятся под него как варианты, образуя собой критический аппарат; при этом основой сравнения должен быть старший список с типичным текстом, хотя «типичный» текст отнюдь не всегда является древнейшим текстом (древнейший текст может дойти до нас как раз в одном из позднейших списков); в результате построения аппарата, т. е. подведения всех вариантов под один список, устанавливается взаимоотношение списков, и они разбиваются на группы, затем устанавливается «архетип» каждой группы и, наконец, взаимоотношение между группами. Назовем условно такой метод **генеалогическим**.

Таким путем строится «генеалогическое древо списков», являющееся схематическим изображением истории текста, – **стемма**. Работа эта является более или менее сложной, в зависимости от относительной полноты списков; чем больше промежуточных звеньев утеряно, тем она сложнее. Так, в одном случае мы можем установить, что один из списков первой группы является архетипом для всей второй группы, в другом случае мы можем ограничиться только утверждением, что вторая группа восходит к такому-то списку первой группы, но сам этот список – архетип – должен считаться утерянным.

Этот путь исследования, методологически проверенный для первого из приведенных трех случаев, значительно модифицируется для второго и третьего случаев. Конечно, встречаются и в средневековой литературе несколько иные случаи: так, среди списков «Песни о Роланде» один, так называемый оксфордский, по структуре сюжета может быть противопоставлен как особая группа всем остальным спискам XIII–XIV вв., образующим вторую группу, но в этой последней один из самых молодых списков, венецианский (конца XIV в.), сближается по одному признаку (ассонансы вместо рифм) с древнейшим, оксфордским.

Палеографический метод призван помочь историкам в работе над письменными памятниками. Хорошее знание рукописных текстов разных времен является предпосылкой для использования их как исторических источников. В XV–XVII вв. в России в судебных процес-

сах часто применялась палеографическая экспертиза представленных документов для определения их подлинности. Первым русским собственно палеографическим исследованием были так называемые «Поморские ответы» (1717) Андрея Денисова. Путем тщательного анализа он разоблачил поддельные документы, представленные церковью. Большой вклад в дело становления русской палеографии внесли историограф первой половины XVIII в. В.Н. Татищев, великий русский ученый М.В. Ломоносов, просветитель второй половины XVIII в. Н.Н. Новиков, которые, изучая исторические документы, сделали целый ряд важных палеографических наблюдений, способствовавших выработке приемов анализа рукописей.

Историки первой половины XIX в. вели большую работу по собиранию и публикации летописных и документальных текстов. Одновременно появились и специальные исследования, которые помогли палеографии сложиться в самостоятельную вспомогательную историческую дисциплину. Большое значение для развития русской палеографии имели труды А.Х. Востокова, К.Ф. Калайдовича, А.В. Горского и других ученых первой половины XIX в. Знаток русских древностей А.Х. Востоков сделал подробное описание рукописей Румянцевского музея, К.Ф. Калайдович издал многие памятники древнерусской письменности, приложив к ним образцы письма того времени, А.В. Горский дал палеографический обзор славянских памятников по истории церкви.

В 1885 г. вышел обобщающий труд И.И. Срезневского, который представлял собой обработанный курс лекций, прочитанных им в Петербургском университете. Срезневский рассмотрел вопросы возникновения и развития славянской азбуки и распространения письменности на Руси, описал ряд памятников XI–XIV вв. и этим положил начало разработке истории возникновения и развития палеографии в России, однако в своем труде автор рассмотрел только ранние типы письма: устав и полуустав XI–XIV вв. Значительное место в разработке вопросов русской палеографии принадлежит А.И. Соболевскому. Помимо изучения развития русской графики до XV в., он исследовал также и скоропись XV–XVII вв. Кроме того, А.И. Соболевский затронул более широкий круг вопросов: он рассматривал и изучал материалы и орудия письма, водяные бумажные знаки, формат и переплет рукописей, орнамент, украшения и декоративное письмо.

В начале XX в. было опубликовано большое количество палеографических альбомов, имевших практическое значение, издавались и учебники. Их авторами были Е.Ф. Карский, И.А. Шляпкин, Р.Ф. Брандт, Н.М. Каринский. Но из трудов дореволюционного времени следует особо отметить исследования Н.П. Лихачева и И.С. Беляева. Н.П. Лихачеву принадлежит заслуга в разработке вопросов, связанных с историей бумаги и бумажных водяных знаков. Он собрал и описал свыше 4000 таких знаков, являющихся важнейшими пособиями для датировки рукописей. В отличие от своих предшественников Н.П. Лихачев выделил дипломатическую, или документальную, палеографию (акты и делопроизводительные документы) и указал специфику ее исследования.

В начале 1950-х гг. в истории русской палеографии произошло крупное событие: при раскопках древнего Новгорода были открыты сотни берестяных грамот XI–XIV вв. и началось изучение их письма. Большой вклад в изучение палеографии внесли работы А.В. Арциховского и М.Н. Тихомирова.

Нужно сказать, что если число русских письменных памятников до XVIII в. ограничено и палеография стремится выявить, обработать и учесть данные по возможности всех рукописей и книг, то неография, напротив, испытывает трудности из-за обилия материала. Письменные памятники нового времени (с XVIII в.) дошли до нас поистине в неисчислимом количестве. Палеографические наблюдения очень важны при решении вопроса о подлинности изучаемого документа, так как историку иногда приходится иметь дело с поддельными рукописями. Выявление таких подделок является одной из главных задач исследователя.

Практическое занятие 5. Текстология древних памятников

1. Вопросы:

- Каковы результаты эдичионно-текстологической работы второй половины XVIII в.?
- В чем сущность текстологической деятельности XIX в.?
- Каковы современные методы текстологии применительно к изучению древнего текста? В чем специфика каждого метода?

2. Задания:

- Охарактеризуйте особенности изучения древних памятников в первой половине XVIII в.
- Подготовьте доклады в форме презентации для выступления на практическом занятии на тему «Достижения текстологии XVIII–XX вв.». Темы докладов рекомендуется связать с деятельностью выдающихся российских текстологов.

Использованная и рекомендуемая литература

Колесов В.В. История русского языкознания: очерки и этюды. СПб., 2003.

Лихачев Д.С. Текстология: На материале русской литературы X–XVII вв. 2-е изд. Л., 1983.

Лихачев Д.С. Текстология: краткий очерк. 2-е изд. М., 2006.

Рачков Л.И., Чуистова Л.И. Вспомогательные исторические дисциплины: учебно-методическое пособие. М., 1982.

Рейсер С.А. Основы текстологии: учебное пособие. 2-е изд. Л., 1978.

Томашевский Б.В. Писатель и книга: Очерк текстологии. 2-е изд. М., 1959.

СИНХРОННЫЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ТЕКСТА И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕОРИИ ТЕКСТА

Тема 1. СОВРЕМЕННЫЕ ТЕКСТОВЫЕ ТЕОРИИ: КРАТКИЙ ОБЗОР СДЕЛАННОГО

1.1. Основные определения текста и его ведущих категорий

Становление и развитие текстовых теорий в синхронии имеет обширную традицию научного описания. В частности, широко известно направление теории текста, получившее название «лингвистика текста»: объемное представление о динамике развития этого научного направления, истории походов к тексту как целостному объекту, истоках интерпретации текста с позиций риторики, лингвистическом анализе текста в XX в. (от структурализма В.Я. Проппа до сложного синтаксического целого А.М. Пешковского, «анализа дискурса» Э. Харриса, насущных задач современной лингвистики текста) [Филиппов 2003].

Обратим внимание на базовое понятие «текст», поскольку оно будет необходимо для аналитической работы и выполнения практических заданий.

Понятие текста

Разные исследователи текста на протяжении второй половины XX в. давали неоднозначные определения данного понятия. Традиционное понимание текста – от «авторского сочинения или документа, воспроизводимого на письме или в печати», до последовательности знаков, образующих единое целое [Филиппов 2003: 61–63] – комментируется лингвистами в направлении семиотического акцентирования (подчеркивается сущность текста как знакового объекта) – «осмысленная последовательность словесных знаков, обладающая свойствами связности и цельности, а также свойством невыводимости общего смысла из простой суммы значений составляющих» [Васильева, Виноградов, Шахнарович 1995: 127]. В процитированной выше книге К. Филиппова можно найти и другие определения текста [Филиппов 2003: 61–63].

И лингвисты, и обычные носители языка XX в. под текстом в первую очередь понимали связное произведение, зафиксированное на письме (именно этот подход отражен в дефиниции «Толкового словаря русского языка» С. Ожегова и Н. Шведовой).

Для данного периода развития теории текста актуальным было соотношение понятий «текст» – «письменная речь» – «разговорная речь». В зависимости от решения проблемы соотношения указанных феноменов подходы к тексту данного периода делятся на «включенный» – такой, при котором проблематика анализа разговорной речи может считаться составным компонентом проблематики лингвистики текста, и «параллельный» – такой, при котором анализ разговорной речи считается направлением, автономным от анализа текста [там же: 236].

Основные свойства текста

Проблема выделения свойств текста напрямую зависит от понимания самого текста. В данной области существуют те же противоречия и трудности, что и в области отграничения текста от единиц других уровней.

В большинстве синхронных концепций текста обязательными параметрами считаются *интенция*, *референция* (соотнесение с определенным отрезком действительности), *пресуппозиция* (см. анализ подходов к параметрам у разных авторов [Филиппов 2003: 122–125]). Этот набор, наряду с *когерентностью*, *относительной законченностью*, *оформленностью по грамматическим, коммуникативно-прагматическим правилам*, не случаен. Интенция связана с текстом как коммуникативным произведением, в котором намерения говорящего определены условиями общения. Если говорящий максимально учитывает фоновые знания, то коммуникация достигает цели, является успешной. Данные свойства обозначают как *прагматические пресуппозиции текста* [там же: 125].

В ряде концепций текста (в частности это касается позиции О.И. Москальской) лингвисты оперируют величинами «текст (макротекст) – микротекст», связывая эти феномены со смысловой, коммуникативной и структурной целостностью речевого произведения. *Микротекст* в такой интерпретации – единица текста, *сверхфразовое единство* – «специальным образом организованная закрытая цепочка предложений, представляющая собой единое высказывание» [там же: 139]. *Сверхфразовое единство* – структурная и смысловая величина одновременно. Для него характерна одна тема, переход от одной темы к другой указывает на начало нового сверхфразового единства. Деление на сверхфразовые единства (микротексты) связано с тематическим развитием текста, разными уровнями его целостности.

Смысловая целостность проявляется в единстве темы (смыслового ядра, конденсированного и обобщенного содержания).

Коммуникативная целостность реализуется в тема-рематических связях и отношениях.

Структурная целостность – наличие в тексте формально выраженных маркеров связей между его частями, в первую очередь – предложений.

Указанные свойства К.А. Филиппов считает также критериями членения текста на сверхфразовые единства и относит к ним смену микротемы, «нарушение непрерывности тема-рематической цепочки, нарушение непрерывности внешних сверхфразовых связей» [там же: 140].

Два качества – *цельность* и *связность* – выделяются в любых современных концепциях текста. Не исключение – концепция Л.Н. Мурзина и А.С. Штерн [Мурзин, Штерн 1991]. Особенность их позиции – отнесение текста за счет указанных свойств к единицам системы языка.

Под связностью ученые понимали наличие у компонентов текста общей части. Они выделяли два типа связности: *интросвязность* (смысловую, внутреннюю) и *экстрасвязность* (охватывающую субстанциальную сторону текста, внешнюю) [Филиппов 2003: 143–144].

Цельность для ученых – содержательная категория, связанная с его смыслом, гештальтностью восприятия, основанных на том, что текст воспринимается читателем как нечто, связанное с определенной ситуацией.

Комментируя эту позицию, психолингвист И.Г. Овчинникова, подчеркивая психологичность данного феномена, акцентирует и в определении Л.Н. Мурзина и А.С. Штерн, и в психологическом подходе предвербальность, соотнесенность цельности с внутриречевыми и до-речевыми этапами порождения и восприятия речи, образом объекта, замыслом, замкнутой смысловой системой, смыслом [Овчинникова 1998: 90–91].

«Цельность невербальна, субъективна. Чтобы воплотиться в вербальной форме, нуждается в структурировании, т. е. в определении иерархии отношений в системе признаков... Цельность структурируется по мере осознания замысла при порождении речи и в ходе моделирования смысла речевого сообщения при восприятии речи» [там же: 91].

Смысл И.Г. Овчинникова интерпретирует как «субъективное переживание содержания текста индивидом» [там же]. Соотнося два понятия и две текстовые категории, ученый подчеркивает, что «цельность соотносится со смыслом как объективное, коммуникативно ориентированное, структурированное представление субъективного смысла» [там же: 98].

1.2. Коммуникативный подход к тексту, коммуникативные и деривационные теории текста

Коммуникативный подход к тексту

Коммуникативный подход к тексту, широко представленный в русской и зарубежной лингвистике [Болотнова 1992, 2009], много лет развивается алтайской лингвистической школой под руководством А.А. Чувакина [Чувакин 1995; Панченко 2007; Теория текста 2010].

Для коллектива алтайских ученых принципиальным является выделение коммуникативной доминанты в интерпретации текста, что заставило их находить истоки текстовых теорий в риторике, общей филологии и синтаксисе. Для разграничения риторического и текстологического подхода к крупным речевым объектам используется понятие *среда*. Несовпадение того, что понимается под средой, обнаруживается при сравнении риторики и теории текста: среда текста в филологии – «условия существования текста», среда в риторике – «ситуация, в которой произносится речь».

Не менее важным в коммуникативной теории текста является понятие *коммуникации*, из которого вытекают понятия *субъекта*, *объекта*, *диалога*, тесно связанные с отношениями текста к системе языка и субъектам, высказыванием как единицей речевого общения, порождением высказывания, диалогичностью. Такая коммуникативная интерпретация текста созвучна философско-филологической концепции М.М. Бахтина [Бахтин 1997].

Не только коммуникативность подхода, стремление лингвистов выйти за рамки грамматического и структурного понимания текста изменили взгляд на данный феномен. Развитие новых форматов, средств общения, типов речевых объектов, «наступление» теории дискурса привели к ситуации, когда «на современном этапе развития теории текста он начинает представлять как более сложный, чем язык, лингвистический объект, напрямую "завязанный" на человеке в единстве его речевой и речевой деятельности, его мышлении-сознании» [Теория текста 2010: 26]. Создавшееся положение привело к тому, что «... в сфере наименования предмета теории текста вновь создается терминологическая неустойчивость» [там же]; «многообразие текстов еще сильнее, чем в 60–70-е годы, затрудняет решение проблемы построения типологии текстов» [там же: 25]; «Теория текста послужила одним из источников учения о дискурсе» [там же].

Текст – микросреда – макросреда

В коммуникативном подходе к тексту актуальны его отношения со «средой» (микро- и макросредой). *Микросредой* является «акт коммуникативной деятельности человека посредством текста» [там же: 32]. В модели коммуникативного акта коммуниканты играют главные роли, традиционно фигуры *говорящего и слушающего* (образ автора и образ читателя) разделены, их единство обозначается в категории *текстовой личности Ното Локуэнс*, репрезентируется в «двуединстве субкатегорий – текстовой личности говорящего и текстовой личности слушающего» [там же: 34].

Коммуникативный акт в отношении текста получает вид процессов *вербализации-понимания*, в которых текст предстает в качестве *процесса и предмета* одновременно (текст как замысел) – текст как порождаемое – текст как продукт порождения (новый текст-1) – текст как продукт понимания (текст как реальность) – текст как понимаемое – текст как продукт понимания (новый текст-2) [там же]. Очевидно, что замысел не равен реализации, продукт порождения не равен продукту понимания (на каждом этапе возникает коммуникативная и когнитивная трансформируемость, обусловленная несовпадением концептуальных систем автора и читателя, разницей культур, эпох, дискретностью знаковой природы текста и не дискретностью сознания его автора и читателя, что выражается в известной формуле $T_1 \neq T_2 \dots \neq T_n$).

В рассматриваемом варианте коммуникативного подхода, при котором учитываются связи *обстоятельства коммуникативного акта – текста*, значимыми являются категории *ситуативности и эвокации* [Теория текста 2010: 36–37]. Данные категории нужны для описания текста как феномена, связанного с внешним миром и миром других текстов. «Категория *ситуативности* обеспечивает вывод текста в аспект прагматики, категория *эвокации* раскрывает отношения текста с внешним миром – миром действительности (реальной, вымышленной) и миром текстов» [там же: 37]. В этом проявляется связь текста с микросредой. *Текст и макросреда* рассматриваются в отношениях текста к культуре, природе, социальной сфере.

Определение текста в коммуникативной парадигме учитывает его коммуникативную, семиотическую, языковую, субъектную природу, что отражается в дефиниции. Текст – это «коммуникативно направленный и прагматически значимый сложный знак лингвистической природы, репрезентирующий участников коммуникативного акта в текстовой личности Homo Loquens, обладающий признаками эвокативности и ситуативности, механизм существования которого базируется на возможности его коммуникативной трансформируемости» [там же: 38].

Текст в отношении к участникам коммуникации

Такое рассмотрение текста предполагает обращение к категориям *коммуникативный акт и коммуникативная ситуация*. Ю.Н. Земская видит основной категорией, организующей текст в системе «*говорящий – текст – слушающий*», категорию коммуникативности. Данный аспект изучения текста выводит на первый план понятие текстовой (дискурсивной) личности, поскольку текст является продуктом речевой деятельности адресанта и объектом деятельности адресата [там же: 80].

Семиотическая природа текста

При рассмотрении данной стороны текста компоненты организации, свойства текста, типы знаков, функционирующих в его пространстве, анализируются авторским коллективом во взаимодействии с ведущими семиотическими теориями (Ю.М. Лотмана, Н.С. Болотновой, У. Эко, Ю.Н. Караулова, Б.А. Успенского, Т. ван Дейка, А.И. Новикова и пр.). Такой принцип позволяет показать историю вопроса и то, как ведущие теории языка преломляются сквозь призму теории текста.

Обобщая разные знаковые теории и проводя собственную линию, Н.В. Панченко делает ряд выводов. В частности, ею выделяются *признаки* текста как знакового устройства: выраженность, отграниченность, структурность; как последовательности знаков: гетерогенность, т. е. использование знаков разных типов (индексов, символов, икон и метаязыков); как организационной величины: наличие трех типов организации – конструктивной (членимость, связность, целостность, парадигматичность и синтагматичность), семантической (денонативная и концептуальная структуры) и коммуникативно-прагматической (фигура говорящего и фигура слушающего, внутренние и внешние границы текста, дейктические, эгоцентрические и пресуппозитивные элементы) [Панченко 2007а; Теория текста 2010: 134–135].

Текст в отношении к действительности и текстам

Этот аспект жизни текста решается по-разному. В частности, алтайские лингвисты прибегают к категории *эвокации* как проявлению его коммуникативной природы (разработку понятия эвокации на разном текстовом материале [Чувакин 1995; Савочкина 2007; Везнер 2008]). «... Действительность и тексты, будучи преобразованными в данном тексте, становятся фактором существования данного текста, а он, в свою очередь, превращается в рычаг преобразования действительности и других текстов, в фактор, служащий порождению новых текстов» [Теория текста 2010: 139].

Отношения текста к внетекстовой действительности в рассматриваемом пособии решаются через понятия «отношения между текстовыми мирами говорящего, слушающего и си-

туаций. Текстовые миры структурируются взаимосвязанными процессами порождения и понимания» [Теория текста 2010: 187]. Порождение текста при таком подходе считается способом его включения во внетекстовую действительность. При этом актуальными оказываются творческая функция и функция памяти, условия порождения, прагматическая установка, авторская модальность.

Оборотной стороной указанных отношений является понимание как способ включения во внетекстовую действительность. Этот аспект формируют категория *интерпретации*, ее механизмы, *межтекст* как промежуточный коммуникативно-деятельностный этап межтекстовой трансформации, адаптивная единица, подстраивающая текст под ситуацию [там же: 162–163].

Отношения текста к другим текстам обычно включают *парадигматические и синтагматические, интертекстуальные и гипертекстуальные, деривационные*.

Первый тип отношений разработан В.А. Кухаренко [Кухаренко 1988]. Парадигмы текста по В.А. Кухаренко: жанровая, функционально-стилевая, индивидуально-авторская. У каждой разновидности есть свои признаки. Синтагматические связи между текстами образуют циклы и эпопеи.

Второй тип отношений охватывают такие совокупности текстов, «центром которых является данный конкретный текст, сопряженный с текстами, указываемыми отсылками (в теории гипертекста предпочтительно: ссылками) данного» [Теория текста 2010: 177].

Деривационные отношения рассматриваются как «образование текстов на базе уже существующих в текстовой совокупности текстов» [там же: 179]. Как и в теории словообразования, вводятся понятия *исходного (первичного) и производного (вторичного)* текстов. *Исходный текст* определяется как соотносящийся с действительностью (денотативный аспект) и / или выражающий модусные, «собственно» коммуникативные смыслы (целеустановочный, актуальный и др.) непосредственно. Производный текст – такой, который выражает всё перечисленное посредством первого текста, опосредованно [там же: 182].

А.А. Чувакиным были предложены три типа деривационных процессов в сфере текстообразования: *развертывание* (исходный текст получает формально-семантические добавления, например, тексты рассказов В.М. Шукшина и тексты сценария по ним); *свертывание* (исходный текст получает формально-семантические опущения, например, жанры аннотации и автореферата); *усложнение* (исходный текст претерпевает функциональные, а не формально-семантические изменения) [Чувакин 1998: 23].

Теория текстовой деривации имеет и другие варианты. В частности, в работе Т.И. Киркинской «Вариативность русских репродуцированных текстов (системно-функциональный и лингвоперсонологический аспекты)» (2004) при сходном понимании деривации вводится понятие *репродуцирования* – создания «вторичного текста на базе некоторого исходного в результате его переложения в той или иной форме» [Киркинская 2004: 4]. Работа выполнена в направлении лингвоперсонологии, разрабатывает введенную Н.Д. Голевым категорию персонотекста. В качестве исходного текста использованы художественные произведения, вторичными были тексты, написанные школьниками на их основе (изложения).

Вторичный текст (*репродукционная модель*) рассматривается в работе как величина, зависящая от типа языковой личности и способов языковой репродукции (копиального или креативного) [там же: 14]. Важным для автора является понятие «*вариативность репродуцированных текстов*», для измерения которой предлагаются аналитико-статистические процедуры (в их основу положены три понятия – «*деривационная область репродуцированного текста*», «*элемент деривации текста*», «*текстовый маркер*»).

Понятие «текстовый маркер» играет важную роль в данной концепции, поскольку он «ключевая единица исходного текста, наблюдение за которой позволяет классифицировать

производные тексты по различным признакам» [Киркинская 2004: 33]. Маркеры делятся на *логические* («слова или словосочетания, несущие информацию о денотативно-сигнификативной стороне текста, о сюжетных фрагментах текста») и *художественные* («лексические и синтаксические компоненты, создающие эмоциональную образную картину, эстетическое впечатление») [там же: 36]. Изначально выделяются при анализе исходных текстов, затем выявляются их трансформации во вторичных текстах.

В понятийной системе работы не менее важным является понятие «*фрагмент*» – часть текста (как антропотекста), обладающая семантическим и синтаксическим единством и представляющая собой фокус актуализации внимания автора, «единица актуализации сознания воспринимающего и автора» [там же: 56]. С функциональной точки зрения фрагменты неравноценны, предстают в виде *микрофрагментов* – минимальных по объему частей текста, обладающих указанными свойствами. Их совокупность, актуализирующих одну тему, образует *макрофрагменты*. Такой подход напоминает рассмотренные выше категории *макротекста* и *микротекста*.

В разрабатываемой теории текста основными теоретическими понятиями являются понятия «*элемент деривации*» и «*деривационная область*» (фрагмента репродуцированного текста). Понятие «*элемент деривации*» вводится для фиксации всех изменений, происходящих с исходным текстом. Он понимается как языковая реализация фокуса внимания автора.

Деривационной областью считается «совокупность тех элементов деривации фрагмента исходного текста и элементов деривации репродуцированного фрагмента, которые не являются для них общими» [там же: 60–61]. Кроме указанных понятий актуальными являются единицы большего уровня – деривационное поле (левое и правое). *Левое деривационное поле* – «элементы деривации (слова, вместе с их позициями, импликационные элементы), входящие в рассматриваемый фрагмент ИТ, и утраченные в соответствующем репродуцированном фрагменте», *правое (креативное) деривационное поле* – «элементы деривации (новые слова, синтаксические конструкции и пр.), имеющиеся в репродуцированном фрагменте и отсутствующие в ИТ» [там же: 61]. Вместе они образуют *деривационную область фрагмента*.

Применение указанных понятий обусловлено появлением 5 типов деривационных преобразований исходного текста: *упрощающие* (потеря эпизода, потеря эпитетов и других выразительных лексических средств, упрощение синтаксической конструкции), *разворачивающие* (связаны с процессом внутреннего перевода, когда автор репродуцированного текста получил некоторые впечатления, ассоциации от чтения исходного текста и пытается их передать более убедительно), *заместительные* (замены слов (синонимичные абсолютные и относительные), словосочетаний, синтаксических конструкций), *контаминация* («смешение, "слипание" фрагментов текста в плане событийно-логического диктума, выраженное переносом признака предмета, явления из одного фрагмента в другой»), *перестановки* (изменения пространственно-временных составляющих диктумной семантики текста) [там же: 82–84]. Эти типы соотносимы с теми разновидностями, которые предложил А.А. Чувакин (см. выше), разница обусловлена спецификой процесса получения вторичных текстов в лабораторных условиях и жанром этих текстов (изложение).

Еще один вариант деривационного подхода к тексту предложила Ю.В. Трубникова в работе «Лексико-деривационная концепция текста (на материале современного русского языка)» (2012).

В данной концепции единицы деривационного процесса текстообразования определяются на основе представления о том, что у любого текста есть изначально лексикоориентированная структура, объективирующая его как единицу высшего уровня языка и обеспечивающая существование текстового инварианта [Трубникова 2012: 13]. Центральным является понятие *лексико-деривационной структуры* и ее компонентов – вертикальных семантических и фор-

мально-семантических лексических рядов текста как единиц синтаксического уровня языка, объединенных семантико-синтаксическими отношениями, возникающими на основании внутритекстовых деривационных связей разной степени выраженности [Трубникова 2012: 13].

Лексико-деривационная структура (ЛДС) понимается как способ формальной организации языковой единицы высшего уровня, основание формирования семантики и функционирования текста, формирования его парадигм [там же]. При этом автор настаивает на ее универсальности как категории порождения и восприятия текста, независимости от говорящего или воспринимающего, так как «в процессе порождения текста его субъект лишь использует различные языковые модели и возможности» [там же: 84].

Чтобы установить ДРС, нужно «выделить повторяющиеся лексические единицы, формирующие сквозные вертикальные ЛДР текста», «определить, какие в данном тексте устанавливаются логические связи и семантико-синтаксические отношения между этими рядами и чем они выражены» [там же: 55].

ЛДС противопоставлена традиционно выделяемым текстовым единицам – *ключевым словам, когнитивным структурам*. От набора ключевых слов ЛДС отличается тем, что «строится на основании названных связей и фиксирует различные семантические и синтаксические отношения между частями текста», она «вбирает в себя ключевые слова текста, но лишь к набору их не сводится, а результатом свертывания ее всегда будет другая форма текста» [там же: 68].

Отличается ЛДС и от когнитивной структуры текста, его ассоциативно-вербальной сети в плане константности – изменчивости, поскольку ЛДС «представляет собой материальную, языковую основу текста, обеспечивает общность множества его толкований и интерпретаций» и полагает, что подвижные когнитивные структуры «всегда формируются на основе структур деривационных» [там же].

Основная единица ЛДС текста – *лексико-деривационный ряд (ЛДР)*, имеющий две основные модели организации, актуальные для линейного развертывания текста, – *цепочечная и радиальная* – и две менее частотные – *перекрестная и параллельная*. Такую организацию структуры текста, когда «сополагаются, объединяясь, несколько, чаще два, ЛДР, имеющих одинаковую структуру и реализующих одинаковые семантико-синтаксические отношения», Ю.В. Трубникова назвала *зеркальной*. При таком развертывании текста между ЛДР «во-первых, возникает внешняя по отношению к ряду синтаксическая связь, объединяющая два самостоятельных ЛДР в единый комплекс, во-вторых, возникают добавочные детерминационные связи» [там же: 78–79].

В данной концепции, как и других теориях производности, основная единица деривации текста рассматривается и в межтекстовой проекции. Автор полагает, что использование термина «внутренняя форма текста» («особенности его структурно-семантической организации в деривационном аспекте, т. е. его лексико-деривационная структура») позволит решить проблему основы межтекстовых отношений. Она выполняет системообразующую роль и влияет на парадигматические и синтагматические связи производных текстов и их соотношение [там же: 177].

Понимание текста и его свойств в рассмотренных парадигмах отличается следующим:

- Переход от грамматического (синтаксического) подхода к антропоцентрическому, что обусловило (при сохранении традиционных категорий – цельности, связности, последовательности словесных знаков) введение категории смысла, акцентирование свойства невыводимости смысла из суммы значений составляющих текст единиц, роли говорящего и воспринимающего в этом процессе.
- Сопоставление теорий текста и теорий разговорной речи, а также самих объектов – текста и речи, что связано с развитием антропоцентрического подхода в лингвистике.

- Сохранение остроты проблемы выявления свойств текста в силу обусловленности данного процесса характером интерпретации текста как единицы языка / речи; решение проблемы свойств и единиц текста напрямую зависит от разграничения текста и не-текста, текста и единиц других уровней.

- Признание текста частью акта коммуникации, в котором связь намерений говорящего и конкретных условий общения неразрывны, что заставило лингвистов вводить для описания текстовых объектов и их свойств категории: интенцию, референцию, пресуппозицию.

- Перенос категории целостности на уровень «текст (макротекст) – микротекст», продиктованный стремлением показать реализацию разных сторон целостности – *смысловой, коммуникативной, структурной*. Единицы текстового устройства, выделенные в структурных и функциональных теориях текста, – *сверхфразовое единство, тема-рема* – начинают соотноситься с коммуникативными величинами – *микротекстом, коммуникативной целостностью*. В психологически ориентированных концепциях говорят не о целостности, а о *цельности* как *содержательной* категории, связанной со смыслом текста, гештальтностью восприятия, поскольку текст порождается и воспринимается как нечто, связанное с определенной ситуацией.

- Привнесение из теории коммуникаций ведущих понятий *коммуникации, коммуникативной ситуации*, из которых вытекают понятия *субъекта, объекта, диалога, среды*; с помощью понятия *среды* текст начинают описывать через отношения «*текст – микросреда – макросреда*».

- Формирование коммуникативного подхода к тексту, заимствование из прагматики базовой единицы – *коммуникативного акта*; последний охватывает процессы вербализации – понимания, с его помощью текст описывается как процесс и предмет, замысел, порождаемое, продукт порождения, продукт понимания, понимаемое и новый продукт понимания.

- Развитие на базе коммуникативного подхода семиотической интерпретации текста как сложного знака языка, из чего вытекает представление о тексте как системе знаков разных типов; организационной величины, в которой есть разноуровневые структурные типы: конструктивный (*членимость, связность, целостность, парадигматичность и синтагматичность*), семантический (*денотативная и концептуальная структуры*) и коммуникативно-прагматический (*фигура говорящего и фигура слушающего, внутренние и внешние границы текста, дейктические, эгоцентрические и пресуппозитивные элементы*). Объемная модель текста увязывает его строение, функциональные особенности и свойства, известные из теорий предыдущего этапа развития лингвистики.

- Усложнение теории текста, обусловленное формированием аспекта «отношение текста к другим текстам», развитием рекламной и виртуальной среды, внесением компонентов интертекстуальных и общелингвистических системных теорий, что привело к описаниям его *парадигматических и синтагматических, интертекстуальных и гипертекстуальных, деривационных* свойств.

Вопросы и задания для самопроверки

1. Прочитайте курс лекций К.А. Филиппова «Лингвистика текста» (2007), ответьте на вопросы:

- Какие направления в теории текста выделяет К.А. Филиппов?
- С каких позиций к пониманию текста подходили авторы, работавшие в каждом направлении, и какие единицы анализа текста они предлагали?
- Составьте перечень основных положений теорий, определений текста, предложенных их авторами, единиц, которые они соотносят с разными сторонами организации текста (гл. 3, 4, 10, 13 книги).

➤ Какие определения текста рассматриваются в гл. 5 «Понятие текста»? Согласны ли вы с комментариями автора? Обоснуйте свою позицию.

➤ Какие признаки текста выделяют разные ученые? Какое отношение к ним высказывает К.А. Филиппов? Подумайте, как проявляется связность и цельность в современных текстах телевизионной, баннерной, радиной рекламы? Согласны ли вы с Л.Н. Мурзиным и А.С. Штерн, относящих текст к единицам языковой системы?

➤ Оцените позицию ученых и автора книги по поводу соотношений разговорной речи и текста. С какой точкой зрения вы согласны? Как вы полагаете, можно ли приравнять разговорную речь к тексту и дискурсу (гл. 6 и § 4 гл. 5)? Приведите аргументы в пользу избранной позиции.

➤ Сопоставьте позиции К.А. Филиппова, И.Г. Овчинниковой, Л.Н. Мурзина и А.С. Штерн в подходах к тексту и его определениях с позициями, проанализированными Т.А. Голиковой [Голикова 2015: 6–18]. Составьте сопоставительную таблицу, отражающую определение текста автора, выделяемые признаки и категории, тип направления теории текста.

2. Прочитайте учебное пособие «Теория текста» (2010), ответьте на вопросы:

➤ В каких измерениях предстает текст в понимании авторов пособия? Какие базовые термины и понятия выделяют авторы для каждого направления теории текста? Выпишите их, составьте таблицу, в которой были бы отражены термины, соответствующие им понятия, направление теории текста.

➤ Как можно описывать текст в рамках каждого из направлений? Приведите свои примеры таких описаний.

➤ Сопоставьте коммуникативное понимание текста авторами пособия с тем, то пишет Н.С. Валгина: «В методике анализа соотношение "автор – текст – читатель" занимает далеко не последнее место. Двунправленность текста как результата деятельности (для автора) и как материала для деятельности (для читателя) таит в себе многие секреты конструирования текста и его функционирования, порождения текста и его восприятия» [Валгина 2003]. Каким образом авторами пособия конструируется двунправленность текста?

3. Сопоставьте деривационные варианты текстовых теорий в данном учебном пособии и в диссертациях Т.И. Киркинской и Ю.В. Трубниковой.

3.1. Прочитайте на выбор диссертации по деривационным теориям текста и проанализируйте выбранную работу по следующему плану (разные работы должны быть выбраны разными магистрантами, не нужно выбирать одну работу всем).

3.2. План анализа диссертации Т.И. Киркинской «Вариативность русских репродуцированных текстов (системно-функциональный и лингвоперсонологический аспекты)» (2004):

➤ Какой проблеме посвящена работа? Что понимается в ней под репродуцированием текста (начало введения)? Как отношения деривации применяются автором к основной проблеме работы? Какое понятие предлагается для описания процесса перехода от исходного текста (ИТ) к репродуцированному (РТ) (начало введения и § 1 гл. 1)?

➤ Как связаны основные понятия диссертации с деривационной и лингвоперсонологической вариативностью языка (с. 7–8 работы)? Как вы относитесь к используемому в работе понятию «анропотекст»? Как вы его понимаете?

➤ Какие деривационные трансформации текстов как результат тексто-репродуктивной деятельности человека рассматривает Т.И. Киркинская?

➤ Как конкретно при репродуцировании проявляется деривационный компонент языковой способности человека? Какие компоненты исходного текста в большей степени подвержены изменениям, какие – нет? (гл. 1 со с. 21)?

➤ Какой эксперимент на репродукцию текстов проводила автор, какие тексты она использовала (§ 1.2 гл. 1)?

➤ Для чего было введено понятие «маркер», как его использовала автор (§ 1.4)? Какие типы маркеров она учитывала для каких описаний?

➤ Каким образом были описаны деривационная вариативность на уровне фрагментов текста (§ 2.1, 2.2 гл. 2 работы, выводы)? Как соотносены микрофрагменты – макрофрагменты и текст? Что понимается под первыми двумя терминами? Для чего нужно понятие «элемент деривации» (§ 2.2)? Какие типы элементов деривации выделяются в работе? Как понятие элемента деривации соотносится с понятием «деривационная область» фрагмента (с. 6 (60–61) гл. 2) и с понятиями левого / правого деривационного полей?

➤ Каким предстает лингвоперсонологический аспект вариативности репродуцированных текстов в гл. 3 работы? Как решается автором «проблема портретирования языковой личности по тексту»?

3.3. План анализа диссертации Ю.В. Трубниковой «Лексико-деривационная концепция текста (на материале современного русского языка)» (2012):

➤ Какую позицию относительно деривационной теории текста занимает автор работы? Как Ю.В. Трубникова обосновывает необходимость понимать текст как динамическую единицу высшего уровня языка (введение)?

➤ Почему она сосредоточена на описании феномена лексико-деривационной структуры как способа формальной организации текста, определении возможностей названной структуры в формировании семантики текста и специфики ее функционирования в процессе межтекстового взаимодействия?

➤ На каком материале выполнена работа, почему именно такой материал был выбран? Кажется ли вам такой выбор оптимальным (с. 12 введения)?

➤ Почему лексико-деривационная структура признается автором способом формальной организации текста? Что под ней понимается (начало гл. 1)? В чем состоят особенности деривационного подхода к тексту (§ 1.3.1)?

➤ Для чего автор вводит понятие «тип формально-семантического взаимодействия единиц (тип ФСВ) и лексико-деривационного ряда (ЛДР)»? Что оно обозначает (с. 44 работы)?

➤ Что понимается под лексико-деривационной структурой текста (§ 1.4 с. 52 и далее)? Как эта структура связана с другими типами текстовых структур и ключевыми словами текста (следующие параграфы)?

➤ Какие типы линейного развертывания текста рассматривает Ю.В. Трубникова (§ 1.6.1–1.6.3)? Чем перекрестный и параллельный типы отличаются от цепочечных и радиальных структур? Приведите примеры из текстов. Что такое зеркальный тип организации текста (§ 1.6.5)?

➤ Как связана лексико-деривационная структура текста и семантика (гл. 2)? Как эти отношения отличаются в художественном / нехудожественном, прозаическом / поэтическом текстах?

➤ Как рассматриваются с помощью категории лексико-деривационной структуры отношения между текстами (гл. 3) и формирование парадигмы текста (гл. 4 – особенно заголовки, аннотация, перевод как вторичные типы текстов)?

Использованная и рекомендуемая литература

Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и гуманитарных науках: опыт философского анализа // Русская словесность: хрестоматия. М., 1997.

Болотнова Н.С. Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня. Томск, 1992.

Болотнова Н.С. Коммуникативная стилистика текста. Словарь-тезаурис. М., 2009. Режим доступа: <http://znanium.com/bookread2.php?book=199910&spec=1>.

Валгина Н.С. Теория текста: учебное пособие. М., 2003. Режим доступа: <http://evartist.narod.ru/text14/01.htm>.

Васильева Н.В., Виноградов В.А., Шахнарович А.М. Краткий словарь лингвистических терминов. М., 1995.

Везнер С.И. Речевой жанр «брачное объявление»: эвокационное моделирование: дис... канд. филол. наук. Барнаул, 2008.

Голев Н.Д. Лексико-деривационное пространство русского текста: структура, семантика, прагматика // Фатическое поле языка (памяти профессора Л.Н. Мурзина): межвуз. сб. науч. тр. Пермь, 1998.

Голикова Т.А. Теория текста: учебное пособие. М.; Берлин, 2015. Режим доступа: http://biblioclub.ru/index.php?page=book_red&id=441279&sr=1.

Киркинская Т.И. Вариативность русских репродуцированных текстов (системно-функциональный и лингвоперсонологический аспекты): дис. ... кад. филол. наук. Барнаул, 2004.

Кухаренко В.А. Интерпретация текста. М., 1988.

Москальская О.И. Грамматика текста. М., 1981.

Мурзин Л.Н. Полевая структура языка: фатическое поле (текст лекции) // Фатическое поле языка (памяти профессора Л.Н. Мурзина): межвуз. сб. науч. тр. Пермь, 1998.

Мурзин Л.Н., Штерн А.С. Текст и его восприятие. Свердловск, 1991.

Овчинникова И.Г. О феномене цельности текста // Фатическое поле языка (памяти профессора Л.Н. Мурзина): межвуз. сб. науч. тр. Пермь, 1998.

Панченко Н.В. От единиц текста к единицам композиции // Филология и человек. 2007а. № 1.

Панченко Н.В. Состав единиц композиции текста (на материале русской прозы конца XX – начала XXI века) // Сибирский филологический журнал. 2007б. № 4.

Папина А.Ф. Текст: его единицы и глобальные категории: учебник для студентов-журналистов и филологов. М., 2002.

Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 1990. Режим доступа: <http://lingvisticheskiy-slovar.ru/description/teoriiia%20teksta/632>.

Савочкина Е.Ю. Лингвоэвокационное исследование литературно-художественного жанра юридического триллера (на материале романа J. Grisham "The Runaway Jury" и его переводов на русский язык): дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2007.

Теория текста: учебное пособие / Ю.Н. Земская и др. М., 2010.

Трубникова Ю.В. Лексико-деривационная концепция текста (на материале современного русского языка): дис. ... д-ра филол. наук. Барнаул, 2012.

Тураева З.Я. Лингвистика текста. М., 1986.

Филиппов К.А. Лингвистика текста: курс лекций. СПб., 2003. Режим доступа: <https://superlinguist.ru/lingvistika-teksta-skachat-knigi-besplatno/filippov-k-a-lingvistika-teksta.html>.

Чувакин А.А. Смешанная коммуникация в художественном тексте: Основы эвокационного исследования. Барнаул, 1995.

Чувакин А.А. Деривационные отношения как тип межтекстовых отношений (к предмету текстодеривтологии) // Актуальные проблемы дериватологии, мотивологии, лексикографии. Томск, 1998.

Тема 2. ТЕОРИЯ ТЕКСТА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА: КЛАССИЧЕСКИЕ ВАРИАНТЫ

2.1. Текст и его грамматические параметры

Во второй половине XX века сформировались ведущие подходы к тексту как комплексному лингвистическому объекту. Один из походов связан с именем И.Р. Гальперина. Позиция ученого относительно статуса текста определена: текст – объект лингвистического исследования, на этом основании к нему необходимо применять основные понятия лингвистики [Гальперин 2005: 3]. При общем посыле лингвистического отношения к тексту ученый применяет субъектный (от говорящего и воспринимающего), функциональный и коммуникативный подходы. Это видно из понятийного ряда, выстроенного в работе, общих определенных текста, анализа вычленяемых базовых категорий.

Текст лингвист рассматривает в речедетальности и коммуникативной парадигмах как «сознательный результат речетворческого процесса», который «подчиняется определенным для него закономерностям», единицу *речи*, ставя задачу определения, какие «единицы являются конституэнтами текста и какие содержательные и формальные категории можно в нем найти» [там же].

Такой подход связан с акцентированием функциональной природы речи вообще и письменной в частности, сориентированной на «выполнение какой-то заранее намеченной цели сообщения», из чего вытекает прагматичность письменного текста [там же: 16]. Кроме того, раз речь, как и язык, системна, то и текст «как факт речевого акта системен» [там же: 20].

И.Р. Гальперин определяет его с заданных позиций как «некое завершенное сообщение, обладающее своим содержанием, организованное по абстрактной модели одной из существующих в литературном языке форм сообщений (функционального стиля, его разновидностей и жанров) и характеризующее своими дистинктивными признаками» [там же].

Общее определение текста, чрезвычайно распространенное и широко известное в лингвистике, также принадлежит И.Р. Гальперину: «Текст – это произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку» [там же: 18].

Определение указывает на письменную форму существования объекта, обязательность заглавия, материализацию разных типов связи, наличие сверхфазового единства (СФЕ). Набор признаков, содержащихся в дефиниции, выводит за рамки текста устные целостные речевые произведения, как и те, что не имеют заглавий (поэтические тексты, например), выражены не только вербально и т. п. Это не значит, что И.Р. Гальперин чего-то не предусмотрел: дефиниция создавалась тогда, когда письменные речевые произведения были в центре теории текста, теория поликодовых речевых произведений только формировалась, как и теории дискурса – особенно это касается рекламного, PR и т. п.

Для заданного таким образом объекта в данной концепции выделен ряд категорий:

- *Информативность (информация)*: по прагматическому назначению делится на содержательно-фактуальную (СФИ) (информация о фактах, событиях, процессах, реальных или воображаемых), содержательно-концептуальную (СКИ) (информация об индивидуально-авторском понимании отношений между явлениями, описанными СФИ; «замысел автора плюс его содержательная интерпретация»), содержательно-подтекстовую (СПИ) (скрытая информация, «извлекаемая из СФИ благодаря способности единиц языка порождать ассоциативные и коннотативные значения, а также благодаря способности предложений внутри СФЕ приращивать смыслы»), факультативную информацию [там же: 28].

• *Членимость*: интеграция частей текста создает его цельность в процессе его осмысления, что становится возможным благодаря наличию дискретных единиц.

Объемно-прагматическое членение – часть, глава, абзац, СФЕ и пр.

Контекстно-вариативное – речь автора, чужая речь, несобственно-прямая речь.

Основная мельчайшая единица – СФЕ, имеющая ряд терминологических синонимов, – СС, компонент текста, дискурс, регистр, синтаксический комплекс, коммуникативный блок и пр. Это не «механическая сумма предложений, а качественно новое структурно-смысловое образование», «обладающее смысловой целостностью в контексте связной речи и выступающее как часть завершенной коммуникации» [Гальперин 2005: 69].

Наличие СФЕ определяется, по мнению И.Р. Гальперина, видами составляющих единство предложений и характером связей между ними [там же: 71]. Указанные факторы зависят от типа текста, его жанра, стиля, индивидуальных свойств сознания автора и пр.

• *Когезия (внутритекстовые связи)* – «особые виды связи, обеспечивающие континуум, т. е. логическую последовательность (темпоральную и / или пространственную), взаимозависимость отдельных фактов, сообщений, действий и пр.» [там же: 74].

• *Континуум* – «непрерывное образование чего-то, т. е. нерасчлененный поток движения во времени и пространстве» [там же: 67]. Категория непосредственно связана с понятием времени и пространства. И.Р. Гальперин представляет эту текстовую категорию как «определенную последовательность фактов, событий, развертывающихся во времени и пространстве, причем развертывание протекает не одинаково в разных типах текстов» [там же: 87]. Очевидно, что особенно сложно может быть выражена категория в художественном тексте, поскольку за ее счет создается эффект конкретности, реалистичности описания. Конкретное пространство и время в текстах с эстетической направленностью является «уловным "заземлением" содержательно-фактуальной информации» [там же: 89].

Также очевидно, что данная категория в медийных, рекламных и официально-деловых текстах имеет совершенно иной вид, но не перестает быть актуальной.

• *Автосемантия отрезков текста* – «форма зависимости и относительной независимости отрезков текста по отношению к содержанию всего текста или его части» [там же: 98]. Разные единицы текста обладают разной степенью зависимости и независимости. Это относится и к СФЕ, и к предложениям, и к вставным элементам. Тексты нехудожественного типа также реализуют данную категорию, хотя и лишены эстетико-познавательной функции.

В описываемом подходе средствами выражения автосемантии являются: графические, грамматические, лексические, семантические, композиционные, стилистические. В современных поликодовых текстах медийного, рекламного типа графические и композиционные средства играют всё более заметную роль.

Важно то, что независимость СФЕ, отрезков текста, предложений всегда относительна. Всё, что кажется независимым, взаимообусловлено замыслом автора и реализовано в организации текста, следовательно, автосемантия отрезков текста работает на его когезию, является приемом структурирования текста, обеспечивает «более углубленно раскрытие содержательно-концептуальной информации, как ее хочет передать автор» [там же: 105].

• *Ретроспекция и проспекция в тексте* – формы дисконтинуума. И.Р. Гальперин называет их «передышкой» «в беге линейного развертывания текста» [там же]. Осмысление происходящего читателем текста производится за счет восприятия того, что было и что будет.

Ретроспекция интерпретируется лингвистом как грамматическая категория текста, которая объединяет формы языкового выражения всего, что отсылает читателя к предшествующей содержательно-фактуальной информации. И.Р. Гальперин выделяет три вида ретроспекции по параметру «прагматическая установка»: восстановить в памяти читателя данные ранее сведения или сообщить новые; дать возможность переосмыслить сведения в новых усло-

виях в другом контексте; актуализировать определенные части текста, опосредованно относящиеся к содержательно-концептуальной информации [Гальперин 2005: 106].

Важно то, что категория ретроспекции обуславливает смысловую «переакцентуацию отдельных частей текста» [там же: 107]. Она выражается с помощью повтора, сама является таковым, выполняет роль паузы континуума повествования, интегрирует временные срезы произведения.

Для реализации данной категории актуальна роль читателя: чем подготовленнее читатель, тем лучше он воспринимает содержательно-концептуальную информацию. Именно поэтому категорию считают сущностным свойством восприятия целого.

- *Проспекция* – категория, присущая разным типам текста. Она «редко вызвана ходом сюжетного развертывания» [там же: 112]. Как и ретроспекция, бывает объективно-авторской и субъективно-читательской.

- *Модальность текста* – отношение говорящего к действительности, сущность коммуникативного процесса, категория, «присущая языку в действии, т. е. речи» [там же: 113]. Эта категория присуща как высказыванию, так и тексту в целом. Категория хорошо разработана грамматистами, в частности Н.Ю. Шведовой, понимающей модальность как отношение говорящего к предмету высказывания с точки зрения реальности / ирреальности [Грамматика современного русского языка 1970: 545; Гальперин 2005: 113–115]. На этом основании выделяют объективно-модальное и субъективно-модальное значения. И.Р. Гальперин предлагает последний тип модальности дифференцировать на фразовую (выражается грамматически и лексически) и текстовую (имеет дополнительные ресурсы выражения в виде характеристик героев, распределении предиктивных и релятивных отрезков высказывания, предложениях, умозаключениях и пр.).

В текстах нехудожественного типа (публицистических и научных) модальность проявляется по-разному, но она есть.

- *Интеграция и завершенность текста* – связанность отдельных частей текста в целое и одновременно – процесс, ведущий к этому. И.Р. Гальперин акцентирует процессуальность интеграции, считает, что она «задана системой текста и возникает в нем по мере развертывания», помогает последовательно осмысливать содержательно-фактуальную информацию [Гальперин 2005: 124]. «Объединяя смыслы отдельных СФЕ, содержания отдельных главок, глав и пр. в единое целое, интеграция нейтрализует относительную автосемантию этих частей и подчиняет их общей информации, заключенной в произведении» [там же].

Лингвист отмечает ряд принципиально важных моментов для характеристики указанной категории. Он указывает на связь интегрирования с категорией завершенности, разное проявление в научных, публицистических, деловых и художественных текстах, связь с объемом (чем больше текст, тем менее ощутима категория интеграции) и индивидуальными особенностями личности автора (чем индивидуальнее личность автора, тем сложнее воспринимается целостность текста и способы его интеграции).

В работе указано также на отношения интеграции с *когезией*. И.Р. Гальперин считает их взаимообусловленными, но различными по формам и средствам выражения. Когезия – формы связи между отдельными частями текста, интеграция – объединение частей текста в единое целое. На этом основании ученый квалифицирует когезию как категорию логического плана, а для интеграции определяет психологический статус. «Интеграция может осуществляться средствами когезии, но может строиться и на ассоциативных и пресуппозиционных отношениях» [там же: 125].

При характеристике интеграции, анализируя тексты разного типа, И.Р. Гальперин приходит к сущностному выводу о широте понятия грамматической категории применительно к тексту, допущении относительно категорий текста размытости и неопределенности. В силу

этого интеграция признается им своего рода «скрытой» категорией, которая является формой упорядочивания текста.

Относительно категории *завершенности* ученый придерживается четкой позиции. Как речетворческий акт, фиксированный коммуникативный процесс текст отражает ту часть картины мира, которая попала в поле зрения автора. В этом смысле текст имеет начало и конец. Не случайно И.Р. Гальперин считает текст завершенным, если «с точки зрения автора его замысел получил исчерпывающее выражение», а саму завершенность – функцией замысла, «положенного в основу произведения и развертываемого в ряде сообщений, описаний, размышлений, повествований и других форм коммуникативного процесса» [Гальперин 2005: 131].

2.2. Идеи и принципы формализации и смысла текста

2.2.1. Формализация текста в разных аспектах

Примерно в то же время, что и монография И.Р. Гальперина, появилась книга А.И. Новикова «Семантика текста и ее формализация» (1983). При этом автор решал другую задачу, что было акцентировано в заглавии.

На передний план выходит семантическая сторона текста, способы ее анализа и представления для целей машинной обработки. Именно поэтому в качестве основного свойства текста автор выделяет способность содержать и передавать *информацию*, в качестве основных методов – методы формализации (на уровне языкового и логического компонентов текста). Художественные тексты изначально исключались из рассмотрения, поскольку их формализовывать нет необходимости. Для коммуникации «человек – машина» важным оказывается текст в аспектах классифицирования, свертывания, преобразования структуры и содержания, хранения и поиска информации.

Текст понимается А.И. Новиковым как единица речи и элемент системы коммуникации, «где единицы языка служат средством его реализации, а содержание задается интеллектом» [Новиков 1983: 4], обусловлен признанием психологической природы текста (по Н.И. Жинкину), что означает рассмотрение его как целостного комплекса языковых и речевых факторов в их взаимодействии [там же].

Исходя из психологического подхода, текст квалифицируется в монографии как *речемыслительная единица*, содержание которой определяется только в процессе его восприятия. А.И. Новиков всесторонне анализирует подход к тексту и его единицам позиции направления «лингвистика текста», убедительно показывает объективные сложности, идущие от традиции Ф. де Соссюра: противопоставлять язык и речь (соответственно единицы языка / речи), противоречивость установления в тексте ССЦ / СФЕ [там же: 6–16]. Для ученого важно то, что за любыми показателями связности лежат глубокие внутренние процессы. В силу этого «на уровне целого текста неизбежен переход от формально-структурных категорий к категориям содержательным, смысловым» [там же: 16].

Для автора принципиальным было несходство языка / речи: язык предназначен для построения сообщений, но сам их не содержит, состоит из дискретных единиц различных уровней, находящихся в иерархических отношениях.

В процессе построения сообщения единицы отбираются и выстраиваются по определенным правилам в линейную последовательность. Определенная часть таких построений автоматизирована, формализована. Но для создания осмысленных сообщений формальных правил языка недостаточно, нужно речевое управление, вступающее в силу на этапе отбора слов при реализации замысла речи (схемы построения речевого сообщения детально разработаны Н.И. Жинкиным, А.Н. и А.А. Леонтьевыми и др.). «Замысел – не формальное, а содержательное, смысловое образование. Он базируется на представлении о том фрагменте действитель-

ности, которая является предметом сообщения» [Новиков 1983: 19]. А.И. Новиков отводит в процессе отбора и синтеза языковых средств важнейшую роль знаниям о специфике предмета сообщения, поскольку они составляют специфические речевые закономерности, которые вырабатываются в процессе коммуникации.

Еще один важный момент связан с разграничением текста и письменной речи. Для проведения разграничения автор вводит понятия *коммуникативной задачи, замысла внешней формы текста*.

Текст, будучи подготовленным речевым произведением, не равен письменной речи. Его подготовленность предполагает наличие коммуникативной задачи. Она «управляет процессом формирования замысла, который представляет собой целостное интеллектуальное образование, моделирующее в свернутом виде содержание будущего текста. Замысел управляет отбором языковых средств, необходимых для его реализации» [там же: 20].

В процессе восприятия на читателя воздействует именно внешняя форма – «совокупность языковых средств, поставленная в соответствие замыслу» [там же: 22]. Только осмыслив языковые единицы текста и поняв его в целом, можно составить представления о замысле. Поэтому в противопоставление понятию «внешняя форма» вводится понятие «*внутренняя форма*» – то, что понимается, что «формируется в интеллекте партнера по коммуникации и соотносится с внешней формой не поэлементно, а в целом соответствует всей совокупности данных языковых средств» [там же: 21].

Во внутренней форме есть своя иерархия единиц: преобладающими являются те, что передают главный предмет речи. Он может быть раскрыт только по отношению к другим предметам речи. Наиболее существенные элементы внутренней формы текста, включая главный предмет, образуют *тему текста* – «свернутое содержание, которое сопоставимо с замыслом», в определенной степени эксплицирует его, «формируется на одном из этапов понимания текста» [там же: 21]. *Теме* текста в описываемой концепции отводится значительная роль: она соотносится с замыслом, эксплицирует, но не равна ему, является сверткой текста, может быть развернута в полный связный текст.

Общими признаками текста в данной концепции являются:

- *Развернутость* – свойство, представляющее замысел на содержательном уровне (количество непосредственных отношений главного предмета с другими предметами – подтемами; количество уровней опосредованных отношений с предметами, выступающими в роли субподтем и микротем; подтемы обеспечивают *полноту описания*, а субподтемы – *глубину*) и на уровне внешней формы. Поэтому текст, с точки зрения лингвиста, не может состоять из одного предложения, являет собой последовательность связанных между собой предложений. Еще один момент, имеющий отношение к развернутости, – соотношение в тексте новой и известной информации. Оптимальное сочетание этих типов информации таково, что часть известной информации опускается, образуя «смысловые скважины» (термин Н.И. Жинкина), которые заполняются известной читателю информацией в процессе восприятия.

- *Последовательность* – представляет собой развертывание текста в определенном направлении как реализация коммуникативной задачи [там же: 23]. В описании этого феномена разграничивается мыслительное содержание, не имеющее линейной организации, и способы его воплощения с помощью языковых единиц, поэтому «мыслительное содержание должно быть определенным образом расчленено и организовано в соответствии с закономерностями линейной структуры текста» [там же]. Для реализации указанного процесса при порождении текста должна существовать схема, в которой закреплён порядок следования компонентов содержания. Эту схему лингвист называет *композицией текста*. В общем виде она выражена в замысле и детализируется в ходе его развертывания.

• *Связность* – фундаментальное свойство, поскольку средства связности, реализуемые на разных уровнях текста, позволяют перевести нелинейное содержание мысли в линейную структуру текста (уровни слова, предложения, фрагментов текста). В описанной теории связи дифференцируются на внешние и внутренние. *Внешние связи* – связи, проявляющиеся формально с помощью грамматических и лексических средств (грамматика предложения и грамматика текста), производные, дополнительные средства связности. *Внутренние связи* – общность предмета описания, «стержень», «который проходит через весь текст и как бы стягивает его части в единое целое», основной тип связи (сравнимы с категориями интеграции и целостности у И.Р. Гальперина) [Новиков 1983: 27–28]. Такое деление связывается ученым с центральным положением предмета описания в оперативной памяти автора, вхождением его в ядро прогноза темы текста при восприятии читателем (автор последователен в подходе к тексту как порождаемому и воспринимаемому объекту).

• *Законченность* – интегративный параметр, не имеющий формального выражения. Она возникает на основе таких параметров, как *развернутость*, *последовательность*, *внутренняя связность* и пр. Они подчинены одной цели – «формированию целостного образа содержания, соответствующего замыслу автора, при восприятии и понимании текста» [там же: 28]. Законченность связана с темой. Возможность выделения темы считается критерием законченности. Схема их взаимосвязи имеет следующий вид: раз в замысле в свернутом виде имеется содержание будущего текста, обладающего иерархической структурой, то элементы содержания, выполняющие роли подтем, очерчивают линии развития по ширине, а линии развития, связанные с микротемами, накладывают ограничения на первые линии, задавая глубину [там же: 29].

• *Глубинная перспектива* – категория, связанная речемыслительными процессами, единством замысла и реализации, формы и содержания текста. «Переход от внешней формы текста к внутренней составляет его глубинную перспективу, проходящую через различные этапы этого процесса» [там же: 30].

• *Статика и динамика* – связаны с конечностью и линейностью материальной формы текста и с формированием его содержания в процессе восприятия и понимания. Очень важным в данной концепции текста является вывод о том, что «содержание не существует вне процесса понимания», «вызывается в мозгу человека, воспринимающего текст» [там же: 31]. *Статическое состояние текста* – его отождествление с результатом, продуктом речемыслительной деятельности; *динамическое* – с процессами порождения, восприятия, понимания. Это важно еще и в том отношении, что А.И. Новиков настаивает на доминировании внутренней формы над внешней, что обязательно следует учесть в теории текста и практике его анализа.

Связность и законченность встречались и в концепции И.Р. Гальперина, могут быть обнаружены в любой структурной интерпретации текста. Развернутость и глубинная перспектива не случайны для психологического подхода, поскольку связаны с реализацией замысла говорящего.

Определение базовой категории в концепции *семантики текста* таково: некоторое мыслительное образование, «которое поставлено в соответствие внешней форме текста в целом, т. е. своего рода значение текста как некоторой целостной единицы», «возникает каждый раз при восприятии текста как результата его понимания» [там же: 32]. Неоднократно акцентируется, что такое значение не сводится к сумме значений составляющих текст единиц, так как происходит качественный переход, поэтому его нельзя считать значением в том смысле, в каком данный термин употребляется применительно к языковому знаку. Это «содержание текста в его отношении к средствам его выражения», «мыслительное образование, которое соответствует непосредственному результату понимания» [там же: 33].

Все теоретические положения были применены И.А. Новиковым для разработки экспериментальной методики описания восприятия текста и его порождения в рамках теории ре-

чевой деятельности. Рассматривая разные модели порождения речи и текста, автор сделал выводы о невыраженности образа содержания текста средствами языка, его «модельном» относительно фрагмента действительности статусе, соответствии денотативному уровню отражения. На этом основании основной единицей содержания признается «образ некоторого фрагмента действительности», который лингвист называет *денотатом* [Новиков 1983: 56].

При описании моделей понимания текста (глава 3) подчеркивается статус текста как продукта речемыслительной деятельности, «где язык служит средством выражения, а содержание задается интеллектом» [там же: 86]. Роль интеллекта в процессе понимания не менее важна, поскольку он «позволяет не только задавать смысл, но и осуществлять осмысление материальных знаков языка, что является необходимым условием перехода к содержанию» [там же].

На основе экспериментов с использованием публицистических текстов лингвист сделал ряд выводов о характере понимания текста: распределение и отбор слов – основной механизм декодирования текста, который функционирует «через соотнесенность с предметной ситуацией, что позволяет определить тему текста» [там же: 97]; «наиболее существенным условием осмысления и понимания текста является не языковое знание само по себе, а знание реальной действительности, с которой соотносятся языковые выражения в процессе их декодирования» [там же: 100].

В процессе декодирования существенна роль языковых знаков, которые в состоянии выполнять свою функцию в силу того, что являются нежестко заданной областью «предметной отнесенности слова, границы которой, хотя интуитивно осознаются, не могут быть заданы точно» [там же: 106]. Благодаря этому свойству создается «возможность обозначения с помощью ограниченных материальных средств неограниченной сферы реальной действительности» [там же].

А.И. Новиков в качестве *основного условия декодирования* в процессе понимания выделяет *осмысление языковых выражений*. Чаше всего в этом процессе происходит поиск неизвестного через известное, «...целостность восприятия языкового выражения делает возможным поиск его денотата» [там же: 105]. Денотат как раз и соответствует целому, не сводимому ни к одному из элементов сочетания, является динамической единицей речи, которая возникает в мышлении и «за которой стоит предметная действительность» [там же: 106]. Содержание текста, таким образом, – результат его понимания, зафиксированный в сознании в виде системы денотатов. В результате интерпретирования содержания текста читателем возникает смысл, «осуществляющийся в мышлении при дальнейшей переработке информации уже независим от самого текста» и получивший название *личностный* [там же: 117].

А.И. Новиков предложил оригинальную *методику построения структуры текста как результата его понимания*. Основой методики является *денотативный анализ текста*, результатом которого является *денотатная структура*. Она и ее основной элемент – денотат – понимаются ученым как *внутреннее мыслительное образование, не имеющее собственных средств внешнего выражения, кроме средств естественного языка*. Такое положение лингвист связывает с природой текста, который «есть лишь форма этого содержания, а не само содержание "в чистом виде"» [там же: 129]. Экспликация денотатной структуры связана с преодолением противоречия между целостностью содержания мысли и дискретностью языкового способа его выражения, а также «неизоморфностью единиц внешнего и внутреннего планов текста» [там же: 130]. Такой вывод психолингвистичен по сути, соответствует пониманию языка, речи, речевого произведения в теории речевой деятельности.

Формально выразить денотатную структуру можно графически – в виде схемы, графа или сети. В таких схемах вершинами могут выступать имена денотатов, полученные в ходе содержательного анализа текста и применения знаний о фрагменте действительности, а ребрами – предметные отношения между денотатами [там же: 131].

Выявление следует производить на основе определения элементов, замещающих широкое содержание и имеющих непосредственное отношение к главному предмету (денотаты, выступающие в роли подтем). Следующий уровень связей образуют денотаты, непосредственно относящиеся к подтеме (являются субподтемами).

Критерий для определения доминантности одних элементов и подчиненности других – «осознание уровня связей и отношений между элементами текста» [Новиков 1983: 137–138].

Еще один *критерий* – определение уровня отношений подтем главным предметом в качестве исходного уровня отношений, «отталкиваясь от которого можно распутать всю сложную сеть отношений между денотатами данного текста» [там же: 138]. Нужно каждой подтеме «поставить в соответствие все денотаты, находящиеся в непосредственных отношениях с ней» [там же]. Эта операция дает возможность дальнейших действий в двух направлениях: выявление дальнейших уровней связей (субподтем) и определение мощности (представленности) каждой из подтем (по количеству субподтем).

На следующем этапе производится «экспликация всех необходимых предметных отношений между денотатами и организаций денотатов с учетом этих отношений» [там же: 140].

Методика экспликации смыслового содержания текста на основе денотатной структуры имеет следующий вид:

1. Определение иерархии подтем и субподтем:

• Выделение «ключевых» элементов текста (важных, существенных для понимания, обозначающих то, о чем говорится в определенном отрезке текста).

• Выделение подтем.

• Определение субподтем (раскрывают содержание подтем и их связи).

• Графическое представление иерархии подтем и субподтем.

• Определение соотношения денотатов.

2. Определение имен денотатов.

3. Определение наименований отношений [там же: 141–155].

Все указанные процедуры могут быть осуществлены экспериментальным путем, в процессе предъявления текста информантам. Гипотеза и ход эксперимента будут зависеть от того, какие задачи по формализации текста ставить. В последнем разделе монографии А.И. Новиков показывает виды экспериментов, уточняет их методику и описание результатов.

2.2.2. Текст как решение задачи на смысл

В последней, изданной после смерти ученого монографии «Текст и его смысловые доминанты» он продолжает развивать подход, который назвал «психолингвистика текста». Именно поэтому самая важная категория – смысл – вынесена в заглавие книги. Эта категория была четко задана в его книге «Семантика текста и ее формализация». Основные категории текста, заданные в первой монографии, развиваются и получают новое видение во второй.

Рассматривая разные варианты «лингвистики текста», А.И. Новиков подчеркивает иную плоскость решения задачи выделенности текста и его основных признаков – уровень целого текста. В этой плоскости ведущими признаками становятся *интегративность*, *завершенность*, «в основе которых лежит явление целостности, имеющее не формально-языковую основу, а содержательно-смысловую» [Новиков 2007: 18].

Не только связность, но и *целостность* (проекция целостности смысла), *информативность* (наличие новой информации с точки зрения автора), *компрессионность* (возможность свертывания без ущерба для содержания) образуют систему взаимосвязанных свойств текста, которые лингвист называет *психолингвистическими*. Их психолингвистический статус обусловлен тем, что признаки не содержатся в тексте, а обнаруживаются в процессе его *восприятия*, являются функцией воспринимающего текст сознания. А.И. Новиков говорит не толь-

ко о восприятии, но и понимании – таком процессе, «где совершается переход от языковых структур к когнитивным» [Новиков 2007: 23]. Базой для процесса понимания является *смысл* (он и результат процесса понимания, и «основное средство его реализации», интегратор основных закономерностей и организации, и функционирования текста в целом) [там же]. Именно поэтому анализ *проблемы смысла* интерпретируется в монографии как *центральная проблема теории текста*.

Лингвист связывает предварительную подготовленность текста с наличием *коммуникативной задачи*, которая управляет процессом формирования *замысла*. Будучи целостным интеллектуальным образованием, он моделирует в свернутом виде содержание будущего текста. «Замысел управляет отбором языковых средств, необходимых для его реализации» [там же: 25]. Совокупность языковых средств и их содержание, реализующие замысел, А.И. Новиков назвал *внешней формой текста*.

Внутренняя форма текста – то, что понимается, именно оно «формируется в интеллекте партнера по коммуникации и соотносится с внешней формой не поэлементно, а в целом соответствует всей совокупности данных языковых средств» [там же: 26]. Элементы внутренней формы текста образуют иерархию. Среди них выделяется *тема текста* («совокупность наиболее существенных элементов... включая главный предмет», «свернутое содержание, которое сопоставимо с замыслом») [там же].

При оценке *глубинной перспективы текста* (переходе от внешней формы текста к внутренней), *его статики и динамики* (внешняя форма текста / текст в процессе порождения, восприятия, понимания) в этой проекции А.И. Новиков считает, что «следует говорить не об организации текста, а об организации структуры сознания» [там же: 28]. «Смысл лежит и в основе целостности» [там же: 30], к нему прямое отношение имеет связность как категория и «те единицы, которые формируются на основе этой связности». Всё в совокупности позволяет ученому сделать вывод о наличии еще одного свойства – наличие смысла (осмысленности) как определяющего «саму сущность текста как сложного речемыслительного образования», интегрального для всех остальных [там же].

Ученый полагал, что интегративным признаком смысла является нечто, похожее на *доминантность* (в духе А.А. Ухтомского [Ухтомский 2002]). Доминанта – очаг возбуждения в сознании, который «стягивает вокруг себя определенное содержание, переструктурирует его, тем самым организует определенным образом семантическое пространство» [Новиков 2007: 56]. Ученый считал доминантность всеобъемлющим принципом, «свойством смысла, объединяющим "все его виды и проявления", в основе которого лежит заместительность» [там же: 128]. На уровне текста она проявляет себя в оперировании автором единицами, похожими на ключевые слова (они реализуют семантическое пространство, формирующееся в сознании).

Доминантность связана с ключевыми словами, поскольку при восприятии разные люди по-разному выделяют ключевые слова в разных частях семантического пространства текста. А.И. Новиков полагал, что в сознании воспринимающего содержится ранее сформированный механизм порождения синонимичных текстов, имеющий смысловой характер; ключевые слова являются материальными носителями смысла (активируют в сознании элементы знания, будучи компонентами потенциальной темы; ограничивают тематический ряд, влияют на отбор языковых средств и общую организацию порождаемого текста) [там же: 64–65]. Эти идеи ученого (особенно идея доминанты) будут развернуты в дальнейшем в работах В.И. Пищальниковой и Ю.А. Сорокина и их учеников, сформировавших направление в теории текста под названием «психопэтика» [Пищальникова, Сорокин 1983; Пищальникова 1999; Кинцель 2000; Бутакова 2001; Пищальникова, Чернова 2003; Пищальникова 2010].

Результаты экспериментов ученого направлены на создание встречных текстов на базе предъявленных информантам текстов разных стилей. Результаты экспериментов были коли-

чественно и качественно обобщены. *Количественный анализ* схождения-расхождения смысла и содержания показал минимальное расхождение содержания и смысла текстов научной технической тематики, максимальное – художественных текстов разных жанров. *Качественный анализ* позволил увидеть ученому закономерности процесса осмысления текста реципиентами, среди которых обнаружилась общая закономерность текста при восприятии – свертывание, в процессе которого происходит *транспозиция*, при этом величина исходного текста не влияет на размер сверток [Новиков 2007: 113–124].

А.И. Новиков сформулировал тезисы *теории смысла* (их 15). Среди них важным является квалификация смысла в качестве ментального образования, отграничивающая его от понятия «содержание» (тезис 3).

Ученый признает их результатами понимания, но отмечает наличие разных речемыслительных механизмов в их основе: содержание – ментальное образование, отражающее фрагмент действительности, о котором говорится в тексте; смысл – мысль о действительности, т. е. «интерпретация того, что сообщается в тексте». Базой для содержания являются денотативные структуры, передающие реальную действительность, базой смысла – понимание того, что передал, закодировал автор в замысле текста (при восприятии этот код нужно расшифровать) (тезис 4) [там же: 132].

Лингвист противопоставляет оба образования по способу проецирования на сознание, что является очень важным в психолингвистической теории текста. Содержание – «проекция текста на сознание», «смысл – проекция сознания на текст» (тезис 5) [там же].

Тезисы 7–11 дают представления о способах членения мира и формах репрезентации результатов этих процессов в памяти и сознании человека в виде многомерных проекций системы связей и отношений явных и неявных.

Важно то, что ученый признает *смысл* осознанием или обнаружением новых «неявно заданных... отношений между элементами различных уровней репрезентации», «переход от одних уровней к другим», «выведение такого уровня отношений из подсознания на уровень сознания» (тезис 12) [там же: 134]. Процесс такого выведения есть осмысление как «ситуация решения задачи» (тезис 13). Лингвист высказывает очень современное предположение о вопросно-ответном режиме функционирования модели мира, что в его понимании означает активную сверку сознанием поступающих новых данных со своим состоянием и отображаемым миром. Когда возникает несоответствие, сознание провоцирует постановку задач, «в процессе которых и обнаруживаются (или актуализируются) новые связи и отношения, выходящие, переживаемые как новый смысл» (тезис 14) [там же].

Материальными носителями смысла, его знаками, индикаторами А.И. Новиков считает ряд образований – *концепт, денотат, доминанту, смысловую вежу, ключевое слово, образ, отдельный элемент ситуации, эмоцию* (тезис 15). Они замещают осознанные отношения «между элементами различных уровней репрезентации», именно поэтому ученый отмечает свернутость смысла, который «фигурирует какое-то время на "поверхности" в виде определенной доминанты, сохраняя функциональную значимость» [там же: 135]. Она может далее вытесняться на периферию, а «носитель смысла становится обыкновенным элементом нейтрального (абстрактного) знания» [там же: 135].

Оценивая описанные концепции, можно говорить о следующих их свойствах:

- Позицию И.Р. Гальперина можно охарактеризовать как функционально- и субъектно-грамматическую (в широком понимании грамматики, на чем настаивает сам ученый), учитывающую и говорящего / воспринимающего, и функционирование текста в коммуникации.

- Для ученого текст – в первую очередь письменное произведение, снабженное заглавием, имеющее завершенность, реализующее целенаправленность и прагматическую установку автора.

- Категории текста в данной концепции определены как грамматические, но они связаны не только со структурой, но и с восприятием речевого произведения читателем. Система категорий охватывает единицы разных уровней организации текста: *информативность, членимость, интеграцию, когезию (внутритекстовые связи), континуум, автосемантию отрезков текста, ретроспекцию и проспекцию, модальность и завершенность*.

- Основной мельчайшей единицей признается структурно-содержательная величина – СФЕ.

- Подход А.И. Новикова определен им самим как «психолингвистика текста». Текст понимается ученым как единица речи и элемент системы коммуникации, причем общий подход к тексту основан на интерпретации его в психологической парадигме, что значит признание *речемыслительной единицей*, содержание которой определяется только в процессе восприятия.

- Важными понятиями психолингвистики текста становятся *связность, замысел, тема, внешняя форма, внутренняя форма*.

- *Связность, замысел* интерпретируются не как внешние величины, а как репрезентация глубоких внутренних процессов, для которых необходим переход на уровень формально-структурных категорий при порождении и на уровень содержательных, смысловых категорий при восприятии.

- *Тема* – центральная величина в указанном наборе понятий, соотносится с замыслом, является сверткой текста, может быть развернута в полный связный текст (причем у каждого читателя развертка имеет разный вид).

- Понятия *внешней и внутренней формы* текста не противопоставлены в концепции А.И. Новикова, а представляют собой единство, поскольку в процессе восприятия на читателя воздействует внешняя форма (знаковое единство, реализующее замысел автора), которая активизирует в сознании определенные участки, связанные с различными знаниями, приводя к *внутренней форме* – той смысловой целостности, которая является результатом понимания.

- Общие признаки текста в концепции А.И. Новикова – *развернутость, связность, законченность, глубинная перспектива*. Для всех этих признаков есть уровни внешнего выражения, за которыми стоят уровни мысли, каждый раз при порождении текста происходит перевод нелинейного содержания мысли в линейную структуру текста (уровни слова, предложения, фрагментов текста) и обратный перевод при его восприятии.

- *Семантика текста* определяется как мыслительное образование, значение текста как целостной единицы, то, что возникает каждый раз при восприятии и понимании.

- Для формализованного описания текста ученый вводит процедуру *денотативного анализа*, в ходе которого строится *денотатная структура*. Структура и ее единица денотат – *внутренние мыслительные образования, не имеющие собственных средств внешнего выражения, кроме средств естественного языка*. А.И. Новиков предлагает поэтапную *методику экспликации смыслового содержания текста на основе денотатной структуры*.

- Развитие «психолингвистики текста» было произведено А.И. Новиковым в плоскости категории «смысл», поскольку *проблема смысла* признается ученым *центральной проблемой теории текста*.

- Для установления интегративного признака смысла им применена концепция доминанты А.А. Ухтомского. Возникая как очаг возбуждения в сознании, смысл притягивает определенное содержание и структурирует семантическое пространство, что находит выражение в выборе языковых единиц (своего рода ключевых слов) в процессе порождения текста. По ключевым словам читатель восстанавливает семантическое пространство, идет от языковых единиц к смыслу и замыслу.

• На этом основании лингвист противопоставил два ментальных образования (две проекции) – «содержание» и «смысл». Первое он назвал проекцией текста на сознание, второе – проекцией сознания на текст.

• Оба ментальных образования – результат понимания, полученный с помощью разных речемыслительных механизмов, поскольку содержание – ментальное образование, отражающее фрагмент действительности, о котором говорится в тексте; смысл – мысль о действительности.

Вопросы и задания для самопроверки

1. Прочитайте книгу И.Р. Гальперина «Текст как объект лингвистического исследования» (2005). Ответьте на вопросы:

1.1. Разные понятия текста и разные подходы в лингвистике текста: какую оценку им дает И.Р. Гальперин?

1.2. Информация как категория текста. Все ли типы текстов информативны? Обоснуйте свою позицию.

1.3. Членимость текста – обязательная категория или нет? Докажите, аргументируя свою точку зрения, приводя в качестве примеров тексты разных типов, жанров, стилей.

1.4. Когезия: как ее понимать, какими способами в разных типах текста выражена эта категория?

1.5. Текстовый континуум: с какими категориями (понятиями по И.Р. Гальперину) связан? Докажите на своих примерах из текстов.

1.6. Автосемантия отрезков текста: способы ее формирования на разных уровнях текстовой организации.

1.7. Интроспекция и проспекция: пространство и время. Актуальны ли они в рекламных текстах современности?

1.8. Модальность текста, модальность его единиц и частей: как они взаимосвязаны? Актуальна ли категория модальности для научных, учебных, официально-деловых текстов? Приведите примеры.

1.9. Завершенность текста: идеал или реальность?

2. Прочитайте книгу А.И. Новикова «Семантика текста и ее формализация» (1983).

2.1. Что автор понимает под текстом (с. 4 книги)? В чем состоит комплексный подход автора? На каких идеях он базируется (с. 4)?

2.2. Текст как объект лингвистического анализа: анализ подходов разных ученых к тексту как языковой и речевой единице (гл.1):

➤ Что акцентирует в этих подходах А.И. Новиков? Почему так важна категория замысла (Новиков о подходе Н.И. Жинкина)?

➤ Что такое тема, свернутость и развернутость текста, последовательность, связность, законченность, глубинная перспектива, статика и динамика?

➤ Почему эти выделенные параметры (или категории) А.И. Новиков связывает с текстом как речемыслительной единицей?

➤ Семантика, значение, содержание текста: позиция автора по этим вопросам в сопоставлении с позицией И.Р. Гальперина и др. исследователей.

2.3. В чем видит А.И. Новиков основные закономерности порождения и понимания текста (гл. 2)? Как это связано с механизмами внутренней речи?

2.4. Структура содержания текста (гл. 5):

➤ Как она связана с информационной структурой (с. 123–124 и далее)?

- В чем состоит денотативный анализ текста (с. 127 и далее)?
- Какую методику выделения денотатов предлагает автор?
- Как это связано с выделением тем, подтем, наименованиями имен, отношений и пр.?
- Про какие экспериментальные исследования денотатной структуры он пишет? Какие тексты предлагались респондентам, как описываются результаты?

2.5. Сопоставьте основные свойства и единицы текста, представленные в книге А.И. Новикова «Текст и его смысловые доминанты» (2007):

- Какое развитие получили в последней монографии ученого идеи, относящиеся к категории смысла? Какие особенности смысла акцентирует автор в своих тезисах к теории смысла в части «Вместо заключения»?

- Почему ключевые слова признаются автором «материальными носителями смысла»?

- Какой вид теории доминанты А.А. Ухтомского приобретает в книге А.И. Новикова?

Почему стало возможным использовать эту теорию?

3. Составьте презентацию по основным моментам книг.

4. Попробуйте проанализировать медийные (в том числе телевизионные и радионные), официально-деловые, рекламные тексты по параметрам, которые предложили И.Р. Гальперин и А.И. Новиков. Тексты подберите сами.

Использованная и рекомендуемая литература

Балаш М.А. Фоносемантическая структура текста как фактор его понимания (экспериментальное исследование): дис. ... канд. филол. наук. Горно-Алтайск, 1999.

Бутакова Л.О. Авторское сознание в поэзии и прозе: когнитивное моделирование. Барнаул, 2001.

Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. 3-е изд., стереотип. М., 2005.

Голикова Т.А. Теория текста: учебное пособие. М.; Берлин, 2015. Режим доступа: http://biblioclub.ru/index.php?page=book_red&id=441279&sr=1.

Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.

Кинцель А.В. Экспериментальное исследование эмоционально-смысловой доминанты как текстообразующего фактора: дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 1998.

Кинцель А.В. Психолингвистическое исследование эмоционально-смысловой доминанты как текстообразующего фактора. Барнаул, 2000.

Новиков А.И. Семантика текста и ее формализация. М., 1983.

Новиков А.И. Текст и его смысловые доминанты. М., 2007.

Пищальникова В.А., Сорокин Ю.А. Ведение в психопэтику. Барнаул, 1983.

Пищальникова В.А. Психопэтика. Барнаул, 1999.

Пищальникова В.А., Чернова М.М. Ритмомелодическая структура текста как репрезентант эмоционально-смысловой доминанты. М.; Горно-Алтайск, 2003.

Пищальникова В.А. История и теория психолингвистики: в 3 ч. М., 2005–2010. Ч. 3: Психопэтика. 2010.

Текст и его понимание: теоретико-экспериментальное исследование в русле интегративного подхода / Н.П. Пешкова и др. Уфа, 2010.

Ухтомский А.А. Доминанта. СПб., 2002.

Тема 3. ТЕОРИЯ ТЕКСТА: ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Психолингвистическая теория текста, базирующаяся на русской теории речевой деятельности, не является одинаковой у разных авторов и авторских коллективов. Исследовательские группы в Москве, Твери, Барнауле, Уфе, Омске работают над разными аспектами порождения и восприятия текстов разных типов и жанров.

3.1. Развитие «психолингвистики текста» в работах учеников А.И. Новикова

Ряд теоретических и экспериментальных исследований был проведен научными «внуками» А.И. Новикова под руководством его ученицы Н.П. Пешковой в Уфе. Для коллектива уфимских психолингвистов важны позиции, выработанные учителем в области понимания текста, их развитие вылилось в исследование воздействующих свойств текстов разных стилей, типов, жанров.

Проблема понимания решалась учеными с позиции совершенствования общей теории и методики проведения эксперимента [Текст и его понимание 2010]. В частности, в поле зрения ученых находились механизмы переживаний эмоций и чувств как механизмы формирования смыслов, механизм экспликации имплицитного (не вербализованной автором информации, которая имеет вид либо пресуппозиций, либо импликаций), понимание текста как процесс субъективного «переживания».

Авторы разрабатывали введенное А.И. Новиковым противопоставление *содержания и смысла текста* в направлении изучения «обратной проекции» – создание «встречного текста» в процессе чтения как набора реакций адресата (в аспектах наборов актуализированных смыслов, индивидуальных стратегий понимания, особенностей языковых личностей адресатов).

Результатом применения методики построения *встречного текста* стал перечень *механизмов и стратегий понимания*. В частности, при восприятии научно-популярного, художественного и научного текстов были получены реакции оценки, перевода, ассоциации, перефразирования, мнения, прогноза, ориентировки и др. Было установлено, что по всем видам текстов преобладают реакции мнения и оценки [там же: 112–114].

Понимание как процесс реконструкции имплицитного смысла текста, оптимальное сочетание эксплицитных и имплицитных смыслов также исследовалось авторским коллективом в ходе экспериментов. Был сделан вывод о том, что идеальное понимание – восстановление большей части имплицитной информации.

Имплицитность интерпретируется в работе как толчок к запуску процессов продуктивной мыслительной деятельности [там же: 138]. Было предположено, что «понимание текста, в ходе которого осуществляется обработка и декодирование его внешней формы и внутренней структуры, во многом определяется процессами реконструкции имплицитной информации» [там же: 141]. *Реконструкция* понималась как сложный неоднолинейный феномен: «непосредственное восстановление всех невербализованных компонентов текстового содержания» и одновременно – их *смысловая интерпретация* (извлечение имплицитного авторского содержания и смысла, *приписывание* новых смыслов восстановленному содержанию, *порождение* реципиентами личностных смыслов) [там же]. В качестве общих механизмов реконструкции, составляющих имплицитности, были выделены механизмы интеграции, дополнения и трансформации [Пешкова 2006; Текст и его понимание 2010: 141].

Эксперимент позволил сделать авторам вывод о том, что «при понимании текста взаимоотношения пресуппозиции и импликации внутри категории имплицитности находятся в отношениях такого равновесия, при котором то одна, то другая составляющая может быть

преобладающей в зависимости от условий коммуникации, типа текста и группы потребителей текстовой информации» [Текст и его понимание 2010: 150].

Был сделан еще один вывод о роли реципиента как активного участника процесса понимания, которого имплицитная информация «втягивает» в «переживание», эксплицирование на внутреннем уровне, «проецирование» содержания собственного сознания, всех видов знаний и опыта, построение собственного «встречного текста» как заполнения «смысловых скважин» и оптимальное решение задачи на понимание [там же].

В другом исследовании уфимских лингвистов идея понимания как построения «встречного текста» использована для анализа механизмов речевого воздействия [Текст как инструмент... 2017].

Авторы выделили два типа встречных текстов, порождаемых реципиентами: основанные на *реакциях разногласия* (развернутые контр-аргументы) и *реакциях согласия* («достаточно простые и похожие друг на друга высказывания: "согласен", "конечно", "действительно так" и т. п.») [там же: 17].

Лингвисты считают, что для описания текста как воздействующего устройства актуальны признаки внутренней формы – *тип структуры содержания, пресуппозиция / импликация, внутренняя развернутость, внутренняя связность* [там же: 49]. Эти же признаки анализировались в других работах участников авторского коллектива как текстообразующие в целом.

Важным для установления воздействующих параметров является замечание о целостности текста. Авторы намеренно исключили его из перечня, потому что это качество не имеет градуальности, как остальные. «Полноценный, не ущербный текст естественного языка не может быть целостным в большей или меньшей степени; не известны на сегодняшний день и различные виды целостности, что, по сути, и обуславливает отсутствие данной характеристики среди оснований для дифференциации различных видов речевых произведений» [там же: 50].

Анализируя *содержательную структуру текста* с помощью методики денотатного анализа, Н.П. Пешкова и др. выделили несколько типов и подтипов: 1-й тип, граф денотатной структуры которого имеет вид «дерева» (термин А.И. Новикова [Новиков 1983]), в нем преобладают «базисные отношения», определяющие связи элементов внутри целого, передающие сущность объекта описания; 2-й тип, граф денотатной структуры которого имеет вид «сети», в нем преобладают «ситуативные отношения», связывающие денотаты независимо от их иерархии, отражающие «взаимодействия предметов и явлений между собой» [там же: 51]; 3-й тип, имеющий три подтипа, «графы которых сочетают в себе элементы "дерева" и "сети"» [там же].

Общая картина содержания текста имеет вид трех основных инвариантов, представленных в одиннадцати вариантах.

Характеризуя *второй* важный признак текста – *пресуппозицию*, – авторы отметили доминантную роль структуры содержания текста по отношению к пресуппозиции и другим признакам внутренней формы. *Пресуппозицией текста* в анализируемой монографии называется «вся дополнительная информация, не имеющая в тексте вербального выражения, но привлекаемая как необходимое условие его понимания, включающая предварительные "старые" знания общего и специального характера, а также "новые" знания, выводимые из содержания текста на основании известных связей и отношений» [Текст как инструмент... 2017: 52]. Такое понимание соответствует общелингвистической традиции в отношении указанного феномена. Авторы выделяют два вида таких явлений: «предтекстовая пресуппозиция» и «внутритекстовая импликация». Эти термины были введены в предшествующих работах [Пешкова 2002, 2015]. *Предтекстовая пресуппозиция* – «предварительные знания, необходимые для понимания текста и включающие знание языка сообщения, общие или энциклопедические знания – знания о мире, знание предметной области, освещаемой в тексте, а также узкой специ-

альной области или предметной ситуации» [Текст как инструмент... 2017: 56]. *Внутритекстовая импликация* – новая информация, имплицитно присутствующая в тексте, выводимая из его содержания на основе известных реципиенту связей и отношений и обуславливающая дальнейшее понимание сообщения. В процессе восприятия текста они работают по-разному: *предтекстовая presupпозиция* реализуется в виде опоры на предварительный запас знаний, которыми обладает реципиент, на основе чего он понимает текст; *внутритекстовая импликация* включает знания, «почерпнутые непосредственно из содержания текста, как новые связи и отношения между известными предметами или понятиями, как следствия, вытекающие из известных условий и причин, наконец, как выводы из прочитанной и осмысленной информации» [там же].

Развернутость содержания текста интерпретируется в монографии в двух направлениях – *внешняя и внутренняя*. С *внутренней формой* текста связан второй тип, так как она «ассоциируется с главным предметом изложения, выступающим темой текста», которая развертывается через подтемы, субподтемы, микротемы и т. д. Главный предмет описания (тема) «вступает в систему отношений с другими предметами» описания [там же: 58]. В духе И.А. Новикова коллектив авторов говорит о наличии непосредственных (подтем) и опосредованных (субподтемы, микротемы) отношений с главным предметом сообщения. «Уровень подтем отражает развертывание изложения "в ширину" и соответствует полноте описания. Чем больше аспектов описания главного предмета рассматривается в тексте, т. е. чем больше подтем основной темы вводится в рассмотрение, тем более полным будет содержание текста» [там же]. Подтемы, их количество и отношения формируют горизонтальное развитие текста, субподтемы создают развертывание содержания «в глубину». Оба способа организации текста можно описать интроспективно и экспериментально, представив полученные структуры в виде *денотатного графа*, как предлагал в первой своей монографии И.А. Новиков. Такой граф, с одной стороны, отражает способы внутренней развернутости сообщения, с другой – дает возможность лингвисту увидеть способы проявления данной текстовой характеристики в разных типах речевых произведений.

За точку отсчета при построении графа и определении *степени развернутости* текста принимается его *главная тема*, которая не всегда может оказаться вершиной графа («выше нее могут располагаться вершины, денотаты которых носят общий характер по отношению к главному предмету описания» [там же]).

Важно в описываемой концепции текста понимание *подтем, субподтем, микротем* как своеобразных рамок, которые накладывают ограничения на развертывание содержания текста. Для описания этого процесса и качеств текста вводится понятие *общей «развернутости»* текста как определенной степени развертывания замысла, происходящей «на содержательном уровне внутренней формы, а также и на уровне языковых средств, образующих внешнюю форму сообщения» [там же]. Данный параметр может быть представлен в разной степени, в зависимости от отношений главного предмета описания с подтемами, субподтемами и микротемами он может соответствовать трем степеням развернутости – максимальной, минимальной и промежуточной [Пешкова 2002; Текст как инструмент... 2017: 58–59]. *Максимальная развернутость* наблюдается там, где есть подтемы, которые развиваются в глубину, распадаются на субподтемы, микротемы, микро-микротемы и пр., следовательно, тема «представлена полно и глубоко на содержательном уровне, что должно обеспечивать полноту и глубину описания и на уровне внешнем» [Текст как инструмент... 2017: 59]. *Минимальная развернутость* имеется там, где «подтемы лишь обозначены, названы, но не развернуты в глубину» [там же]. Такой же ассоциируется с одноярусными «деревом» или «сетью», подчеркивает, что «минимальная развернутость содержания соотносится и с незначительной развернутостью на уровне языковых средств» [там же]. Промежуточная развернутость фиксируется в

текстах, в которых наблюдается частичное развитие некоторых из подтем, а другие не развиваются в глубину. Такой вид развернутости определяют как неравномерный на том основании, что при «полном и глубоком развитии одного из аспектов главной темы, т. е. одной подтемы, другие подтемы остаются нераскрытыми» [Текст как инструмент... 2017: 59].

У описываемого подхода есть явные преимущества. В первую очередь это универсальность: его можно применять к любым текстам как средство дифференциации их типов и маркер степени развернутости содержания, которую намеренно реализовал, «закодировал» автор. На этом основании ее называют «авторской» *развернутостью* и предлагают считать *объективной* характеристикой текста, соответствующей взгляду на текст с позиции порождения – «от замысла к тексту» [там же: 60].

Кроме этого взгляда на текст в монографиях введен и другой – с позиций *понимания сообщения*, выстроенного в результате эксперимента (построения встречного текста испытуемыми). Авторы монографии акцентируют субъективно-объективный характер такого подхода, поскольку в построении модели важны *индивидуальные когнитивные пространства* испытуемых. При этом объективным моментом является «возможность выявить идентичность графов испытуемых эталонному графу» и «делать достаточно объективные выводы о степени понимания реципиентом того или иного текста» [там же].

Еще один дифференцирующий признак текста – его *внутренняя связность*. Данное свойство понимается в монографии как отражение общности «предмета описания, вступающего в различные отношения с другими предметами содержания сообщения», отражение отношений иерархии, «базисных» и «ситуативных», сеть «связей и отношений, образующих внутреннюю структуру текста», неотъемлемая «часть структуры содержания любого нормального (не дефектного) текста естественного языка» [там же: 61]. Для оценки данного свойства текста вводится математическое описание степени проявления во внешней форме речевого произведения по формуле *коэффициента связности* (КС) М.И. Бэлза с уточнением Т.Н. Рыловой. С помощью КС высчитывается *формальная связь* между предложениями текста на уровне слов и производится дифференциация произведений на тексты *эксплицитной / имплицитной внутренней связности*.

По формам выражения внутренней связности на поверхностном уровне авторы монографии классифицируют ее виды традиционно – *линейные и радиальные* [там же: 62].

Линейная форма связности состоит в следовании друг за другом компонентов и частей текста разного уровня. На уровне предложения она реализуется в виде контактной связи, когда два соседних предложения связаны семантически и грамматически.

Радиальная форма связности проявляется в «смысловой связи всех частей текста, объединенных одним главным предметом» [там же]. Она реализуется на уровне разных фрагментов текста, предложения которых связаны дистантно, расположены далеко друг от друга.

Кроме традиционных выделяются еще два типа связности – *плавная и прерывистая* [там же]. Их наличие обусловлено характером развертывания темы сообщения с помощью *подтем и субподтем*. Если развитие текста происходит в рамках «одной тематической линии, и главный предмет которого эксплицитно проходит через все его части», то такую связность авторы монографии называют *плавной* [там же]. При отступлении главного предмета описания время от времени на второй план реализуется *прерывистая* внешняя связность.

Для оценки внутреннего содержания текста важен психологический подход, согласно которому *авторский замысел* определяет тип структуры содержания сообщения и его внешнюю форму. Внутренняя форма является составной частью этого феномена, ее параметры и свойства «опосредованно связаны с внешней формой речевого произведения» через тип структуры содержания [там же: 63].

В монографии анализируется также *внешняя структура текста*. Авторы придерживаются оригинального взгляда на эту сторону речевого произведения, относя сюда *способ изложения, внешнюю последовательность элементов, структурно-синтаксическую организацию и модальность*. Такая позиция основана на наблюдаемости механизмов действия указанных параметров непосредственным восприятием читателя. Характеристики письменного текста, значимые для процессов понимания и воздействия: *структурно-синтаксическая организация текста, последовательность, текстовая модальность и способ изложения* [Текст как инструмент... 2017: 64].

Структурно-синтаксическая организация текста – проявление внутренней связности текста через варианты проявления признаков *доминирующей структурно-синтаксической схемы* построения текста (катафорический и анафорический типы); преобладающего *типа номинативных цепочек* (НЦ) (отношения равнозначности, включения, пересечения), представляющих главную тему, подтемы, субподтемы; линии *синтаксического движения текста* (ЛСД) (термин Н.С. Поспелова) (синтаксическая однородность, синтаксическая перспектива расширения, зигзагообразная линия синтаксического движения) [Пешкова 2002, 2015; Текст как инструмент... 2017: 65].

Еще один важный параметр текста в рассматриваемой концепции – *последовательность элементов текста*, определенный порядок следования его элементов [Текст как инструмент... 2017: 69]. Существует определенная упорядоченность в линейной последовательности внешней организации речевого произведения, которая выражает некоторое положение вещей в мире и его отражения в картине мира автора. Авторы монографии называют отражение в данной стороне текста логики связей и отношений объективного мира, хронологической последовательности событий *хронологической или объективно-логической последовательностью, или объективной последовательностью*. В противовес ей действие авторской логики изложения фактов и событий формирует *ахронологическую и субъективно-логическую последовательность* [там же: 71].

Еще одна важная категория текста – *текстовая модальность* – понимается традиционно как характер коммуникативной целеустановки высказывания (утверждение – вопрос – побуждение); признак «утверждение – отрицание»; градации значений в диапазоне «реальность – ирреальность»; различные виды связей и отношений между подлежащим и сказуемым (между субъектом и его действием); степень уверенности говорящего в достоверности формирующейся у него мысли о действительности [Ляпон 1990: 303; Текст как инструмент... 2017: 72].

Категория текста *способ изложения* интерпретируется также в лингвистической традиции как *описание, повествование и рассуждение* с учетом того, что есть определенные наборы инвариантных признаков, с помощью которых говорящий вариативно передает информацию в текстах того или иного типа в зависимости от коммуникативной задачи, замысла, объекта описания. Н.Н. Пешкова говорит о том, что с позиций порождения речевого произведения указанные способы будут различаться «тем, какие отношения и связи главного объекта описания (из всего множества отношений и связей, в которые он вступает с другими объектами действительности) представляют интерес для автора текста в данном конкретном случае» [Текст как инструмент... 2017: 76].

Идея понимания как построения встречного текста применима ими к моделированию воздействующих свойств речевых произведений. В этом ключе они предлагают реакции, полученные как результат понимания текста реципиентами, разделить на две группы. К первой группе отнести «реакции, связанные с принятием, одобрением, позитивной оценкой воспринимаемой информации, иными словами, с согласием, ко второй – реакции несогласия, негативной оценки, неприятия сообщения в целом или его отдельных фрагментов» [там же: 86]. Подчеркивается тот факт, что «контртекст» несогласия практически всегда обнаруживается

внутри «встречного текста», квалифицируя его как текст «несогласия адресата с автором и одновременно своего рода защиту от информации, неприемлемой, неинтересной, нежелательной и, возможно, враждебной сознанию реципиента» [Текст как инструмент... 2017: 86].

Развитие уфимскими лингвистами базовых идей теории текста А.И. Новикова в духе психолингвистического подхода состоит в следующем:

- Текст, речевое произведение были рассмотрены в аспектах понимания, порождения, воздействия с помощью развития теории понимания и методики проведения экспериментов по построению «встречного текста».

- В ходе разработки общей теории были выявлены механизмы переживаний эмоций и чувств как механизмы формирования смыслов, роль механизма экспликации имплицитного содержания в ходе процесса субъективного «переживания» при понимании.

- Экспериментальным путем было установлено, что идеальное понимание – восстановление большей части имплицитной информации. При этом *имплицитность* играет роль своеобразного толчка к запуску процессов продуктивной мыслительной деятельности читателя.

- Для характеристики процессов понимания речевого произведения было введено еще одно понятие – *реконструкция* (неоднолинейный феномен восстановления содержания, проходящий одновременно как непосредственное восстановление всех невербализованных компонентов авторской системы и их *смысловая интерпретация* в ходе *порождения* реципиентами личностных смыслов).

- Для описания текста как воздействующего устройства были разграничены понятия *внутренней* и *внешней* формы текста. Актуальными считались признаки внутренней формы – *тип структуры содержания, пресуппозиция / импликация, внутренняя развернутость, внутренняя связность*. Текст может соответствовать трем степеням развернутости – максимальной, минимальной и промежуточной.

- Параметр целостности текста, ведущий в структурных теориях текста, был намеренно исключен на основании отсутствия у данного свойства градуальности.

- Проявления *внешней структуры текста* обнаружили в *способе изложения, внешней последовательности элементов, структурно-синтаксической организации и модальности*.

3.2. Психопэтика и не только: психолингвистический подход к тексту в концепции В.А. Пищальниковой, А.А. Залевской и их учеников

Теория речевой деятельности как общая теория русской психолингвистики положена в основу теории текста в психопэтике. Это направление анализа текста отличается субъектной направленностью, динамическим подходом, разграничением понятий «смысл», «значение». Оно разработано В.А. Пищальниковой на основе теории порождения речи А.А. Леонтьева, опробовано в ряде работ ее учеников и последователей.

Термин «психопэтика» распространен в психологии для описания процессов создания литературного произведения (в первую очередь поэтического) и его восприятия. В.А. Пищальникова расширила его содержание до психолингвистики художественной речи [Пищальникова 2010: 4].

Целью психопэтики является «не установление содержания художественного текста, а выявление представлений о характере речевой деятельности автора текста» [там же: 5]. В работах алтайских лингвистов данный аспект текста анализировался с помощью экспериментов, основанных на теории *смысловой доминанты* [Староселец 1997; Кинцель 1998, 2000; Балаш 1999].

Применим ли указанный подход к нехудожественным текстам? Да, применим. Отличия обычной речевой деятельности от эстетической состоят в разных целях. «Целью эстетической

речевой деятельности является *репрезентация личностных смыслов*, а результатом ее – *художественный текст* как совокупность эстетических речевых актов, представляющая определенное содержание концептуальной системы автора» [Пищальникова, Чернова 2003: 11].

В данной концепции текста, как и в теории речевой деятельности в целом, теории текста А.И. Новикова и его школы, принципиальной является роль *реципиента* (адресата, читателя), поскольку содержание речевого произведения является результатом процесса понимания смысловой структуры текста, «репрезентирующего авторские личностные смыслы», но не представляющего собой «ни совокупности авторских смыслов, ни суммы конвенциональных значений, соотносящихся с данными в художественном тексте единицами языка» [там же]. Активная роль реципиента состоит в том, что именно в его мышлении, его смысловой системе создается проекция как актуализированная текстом *система смыслов*. «До восприятия реципиентом художественный текст существует как совокупность языковых знаков, которые в процессе восприятия ассоциируются со значениями, извлекаемыми из вербальной памяти читателя, и порождают смыслы» [там же: 12].

Такой подход основан на введенной А.А. Леонтьевым триаде «психологическое значение – чувственная ткань – личностный смысл». Психологическим значением он называл то, что «открывается в предмете или явлении объективно – в системе объективных связей, отношений, взаимодействий», и отмечал его фиксированность в языке, устойчивость и принадлежность общественному сознанию [Леонтьев 1977: 297]. Личностный смысл – результат деятельности человека, направленной на активное отражение мира и приобретение «в собственность» психологического значения, «личное отношение субъекта к миру, фиксирующееся в субъективных значениях» [там же: 147]. В психолингвистической теории текста используется триада: психологическое значение, личностный смысл, смысл [Пищальникова 1991–1999, 2010]. *Смысл* (концепт) трактуется В.А. Пищальниковой как категория, объединяющая «визуальные, тактильные, слуховые, вкусовые, вербальные и другие возможные характеристики объекта» [Пищальникова 1999: 11]. Языковое выражение при таком понимании – средство «конвенциональной ориентации концептуальных систем», основа для понимания текста [Пищальникова 2010: 13]. Личностный смысл актуален для разных типов коммуникации, он «не является привилегией эстетической коммуникации, но в художественном тексте происходит намеренная, целенаправленная акцентуация "личностности", "субъективности" смысла, поэтому особую роль приобретает аспект представления личностного смысла» [Пищальникова 1999: 13]. С характером представления связывается в данной концепции уровень, характер и способ понимания смыслов художественного текста читателем.

Отличия эстетической речевой деятельности следующие: возникает из потребности, предметом которой является сам процесс деятельности; ее целью «является репрезентация личностных смыслов, а результатом ее – художественный текст как совокупность эстетических речевых актов, представляющая определенное содержание концептуальной системы автора»; эстетически значимая форма («характер взаимообусловленности языковых элементов в структуре художественного текста») – способ представления системы мотивов эстетической речевой деятельности [Пищальникова 2010: 14].

В рамках рассматриваемой психолингвистической концепции анализируются фундаментальные свойства текста вообще и художественного в частности.

В первую очередь это касается *цельности / целостности и связности*. *Цельность / целостность* вслед за А.А. Леонтьевым признается характеристикой текста «как смыслового единства, как единой структуры» [Леонтьев 1977: 12; Пищальникова 2010: 20]. Ее невозможно соотнести с единицами языка и текста непосредственно, так как ее истоки – в единстве коммуникативной интенции говорящего. В силу сказанного цельность понимается как особое

состояние текста, которое возникает в процессе его взаимодействия с реципиентом [Сорокин 1985: 65]. С этим свойством сопряжена связность.

В этой же трактовке *связность* – «рядоположенность и соположенность строевых и нестроевых элементов языка / речи» [там же]. В.А. Пищальникова, как и Ю.А. Сорокин, соотносит цельность и связность как проявление внутренних и внешних связей текста, считает их категориями, отражающими разные состояния текста: процессуальное, рецептивное и семиотическое. Именно поэтому «цельность обеспечивается не "технологией" соответствующего языка, а активацией участков ассоциативно-вербальной сети и разного рода ментальных механизмов (в том числе когнитивных), которые осуществляют процесс восприятия и понимания текста» [Пищальникова 2010: 21]. Эта позиция созвучна позиции А.И. Новикова (см. выше его понимание).

Ученики В.А. Пищальниковой исследовали и другие базовые характеристики текста на основе анализа его содержания. Э.В. Губернаторова вслед за И.А. Герман рассматривала метафору как динамичную когнитивную структуру, сделала вывод о роли метафоры как одной из форм реализации универсального ментального механизма компрессии смысла [Губернаторова 2003: 11].

М.М. Чернова анализировала ритмомелодическую структуру как компонент самоорганизации текста, квалифицировала ритм как универсальный интегративный механизм, приводящий разрозненные элементы текста в сложное, иерархически организованное, динамически развивающееся системно-структурное единство [Чернова 2002].

Кроме базовых категорий текста в концепции В.А. Пищальниковой разработаны психолингвистические основания понимания художественного текста. Эти основания выработаны в рамках *деятельностного подхода* А.А. Леонтьева, направленного на анализ *ментальных операций, смысловых единиц*, а не языковых элементов. Художественный текст, как и любой другой, рассматривается как форма опосредованной коммуникации, его понимание – как «сложный ментальный процесс, который управляется смысловыми доминантами – актуальными смыслами данного речевого произведения, вокруг которых оно структурируется» [Пищальникова 2010: 35].

Идея *смысловой доминанты* как конституента семантического пространства текста базируется на физиологической теории доминанты как ведущего принципа деятельности нервных центров, определяющего целенаправленный характер поведения живого организма, временно господствующего рефлекса А.А. Ухтомского [Ухтомский 2002: 39, 55].

Теория доминанты в излагаемой концепции понимания художественного текста обусловила ряд понятий: *смысловой доминанты* как инварианта личностных смыслов; *доминантных смыслов* – смысловых универсалий концептуальной системы, представленных в разных произведениях одного автора, выражающих его знания, мнения о реалиях и их эстетическую оценку, своеобразных «интеграторов» содержательных компонентов; *доминантного смысла концептуальной системы* (сознания) индивида (автора текста) [Пищальникова 1999, 2010: 35–36].

Доминантный смысл концептуальной системы выявляется в результате смыслового, а не традиционного семантического анализа творчества автора, «не из интегративного значения фиксирующих его *лексем*, а из индивидуальных ассоциативных связей ряда реалий, их признаков, свойств, отношений к ним, репрезентированных в тексте» [Пищальникова 2010: 45]. В конечном итоге такой анализ – всегда проникновение «за значение», поскольку установлением общезыковой семантики не исчерпывается объемное содержание личностного смысла. Его представлению и пониманию способствует не только общность концептуальных систем автора и читателя, но и эмоция, которая в художественном тексте приобретает статус эстетического средства. Учитывая особую роль эмоции в образовании и представлении субъективных смыслов, психолингвисты ввели еще одно понятие. *Доминантная эстетическая*

эмоция текста – совокупность преобладающих эмоционально-оценочных смыслов текста, фиксируемых, как правило, с помощью метафор [Пищальникова 2010: 52].

В данной теории текста важен «модельный», «конструктивный» статус ведущих понятий: их содержание моделируется исследователем или читателем на основе содержания речевого произведения или всей системы личностных смыслов автора, выявленных по всему творчеству.

Процедура *выявления личностного смысла* базируется на процедуре определения намеренной акцентуации языковой единицы, являющейся его репрезентантом.

Установление *доминантной эстетической эмоции текста* (субъективного эмоционального инварианта) опирается на психологическое положение об эмоциональной мотивированности речевой деятельности, в том числе – эстетической. В анализируемой концепции с помощью данного положения объясняется характер порождения и понимания текста (в первую очередь художественного). Речевое произведение – результат речевой деятельности автора, обусловленной системой мотивов его деятельности. Именно это определяет *цельность* текста, представленную читателю в виде структурно-смыслового единства текста, возникшего на эмоциональной основе. В.А. Пищальниковой формулируется следующее допущение: «эстетизированная эмоция, фиксированная в художественном тексте, играет регулирующую роль как в представлении, так и в понимании авторских личностных смыслов» [там же: 63].

Свойства эстетизированной эмоции: система ведущей и производных эмоций индивидуальна в концептосистеме автора; их разграничение функционально. Содержание эстетической эмоции можно построить в виде модели при анализе структурных отношений элементов художественного текста. Представление доминантной эстетизированной эмоции регулирует характер понимания доминантных смыслов текста. Характер представления эмоций позволяет реципиенту определять мотивы эстетической речевой деятельности автора. Эстетизированная эмоция – компонент личностного смысла, который проявляется через элементы языковой формы; наличие доминантной эмоции как проявление мотивации – существенный признак текста, определяющий цельность и связность (последние находятся в отношениях структурного изоморфизма) [там же: 64–67, 69].

Смысл текста определяется как своеобразная интерпретация в определенной системе языковых значений, «соотносящихся с содержанием сознания воспринимающего текст» [там же: 36]. Именно указанным механизмом одновременного оперирования значениями и смыслами определяется принципиальная нетождественность структуры смыслов автора и реципиента текста, что психологически и когнитивно обосновывает известную формулу $T_1 \neq T_2 \neq T_n$.

Еще одним принципиальным положением анализируемой концепции является положение о том, что в художественном тексте происходит «не личностное представление конвенционального смысла – психологического значения, а *представление личностного смысла в конвенциональных языковых единицах*» [там же: 37]. Роль языка в этом процессе – быть средством конвенциональной ориентации в сознании автора и читателя (языковые единицы помогают автору репрезентировать актуальный смысл, а читателю – понять и выработать свой как его интерпретацию в собственной концептуальной системе).

Таким образом, в психолингвистической концепции текста последовательно развиваются основные положения теории речевой деятельности, базовые категории речевого произведения определяются через мотивационную сферу говорящего и воспринимающего, специфику их концептуальных систем, особенностей актуального смыслообразования.

Базовые положения данной концепции получили развитие в работе А.В. Кинцель. Она разрабатывала в психолингвистическом ключе роль эмоционально-смысловой доминанты как текстообразующего фактора [Кинцель 1998, 2000]. Лингвист намеренно работала с нехудожественными текстами, определяла категорию *эмоциональности текста* как универсальную –

репрезентацию «в нем ведущего мотива речевой деятельности, единственным представителем которого на уровне психического отражения являются эмоции» [Кинцель 2000: 16]. Работы А.В. Кинцель имеют экспериментальный характер, направлены на выявление эмоциональной доминанты с помощью метода семантического дифференциала у текстов, традиционно считающихся нейтральными.

Вслед за А.А. Леонтьевым, А.И. Новиковым, Ю.А. Сорокиным, В.А. Пищальниковой лингвист утверждает, что закономерности смыслового структурирования текста имеют психическую природу, обусловлены мотивом речевой деятельности, поэтому грамматика текста не может объяснить его смысловую связность. На основе ряда экспериментов по порождению и восприятию научных, официально-деловых, публицистических текстов было доказано, что грамматическая связность не оказывает значительного влияния на восприятие смысла текста. Восприятие и порождение текста – сложный процесс «иерархизации фиксированных смыслов, регулируемый эмоцией», «эмоционально-смысловая структура текста может быть представлена в виде иерархии ядерных (ключевых) слов, репрезентирующих эмоционально-смысловую доминанту текста»; существует эмоционально-смысловое единство текста [там же: 136].

Эту же проблематику разрабатывали в психолингвистическом и комплексном когнитивно-дискурсивном ключе далее омские лингвисты, решая проблему речевой деятельности в официально-деловой сфере: порождения и восприятия современного русскоязычного документа (А.В. Алексеева, Г.А. Боброва, Л.О. Бутакова, К.Р. Ваганова, Е.Н. Гуц, Н.В. Орлова, О.В. Попова), восприятия кинотекста (Т.А. Винникова), восприятия научно-учебного текста (О.В. Попова), порождения текстов школьных сочинений (Л.О. Бутакова, Н.В. Орлова, Е.Н. Гуц, Е.А. Козловская, М.Х. Исенова); восприятия мультсериалов, рекламных роликов, современных песен (Л.О. Бутакова, Е.Н. Гуц, Е.А. Козловская).

Вопрос *понимания текста как части фундаментальной проблемы понимания* вообще разрабатывает в русской психолингвистике А.А. Залевская [Залевская 2005]. Она считает, что «понимание текста как психическая деятельность является процессом, который реализуется при взаимодействии осознаваемого и неосознаваемого, вербализуемого и не поддающегося вербализации, сам по себе он не доступен для прямого наблюдения» [там же: 336]. В работах А.А. Залевской не только дается продуктивный анализ разных подходов к тексту, принципов его анализа, обращается внимание на наличие рациональных зерен в каждом из них, но и говорится об актуальности разработки *интегративной теории*, «уточняющей или заменяющей трактовку фундаментальных понятий теории текста и его понимания благодаря ориентации на процессы *функционирования текста у пользующихся им индивидов*» [там же: 364].

Основу теории понимания текста составляет положение о том, что «естественные процессы понимания текста обеспечиваются работой слаженного ансамбля соответствующих психических механизмов и протекают на разных уровнях осознаваемости при взаимодействии внешних и внутренних факторов» [там же: 393].

Процесс понимания текста индивидом А.А. Залевская связывает с *ролью слова* в общении и устройством лексикона как динамической функциональной системы. Роль слова такова, что при столкновении с «телом текста» читатель опознает слова, увязывает словоформы с их значениями «как достоянием социума для выхода на концепт как достояние индивида, но только благодаря сложной работе понимания, учитывающей и связи между словами, их значениями и грамматическими отношениями, и взаимодействия между соответствующими полями концептов, он может выйти на смысл текста как интегративный продукт этой работы» [там же: 418]. Слово в единстве формы и значения – средство доступа к концепту, который не существует в сознании изолированно, функционирует в составе некоторого «поля» и входит «в сложные взаимоотношения с другими полями целостного образа мира индивида» [там же:

419]. Развивая идеи многоярусного устройства внутреннего лексикона человека, его специфики как средства доступа к единому информационному тезаурусу, психической природы значения, А.А. Залевская говорит о *двойственной медитативной функции значения*: обеспечение взаимопонимания при общении, выведение на определенный фрагмент индивидуальной картины мира «во всем богатстве его связей и отношений в сопровождении эмоционально-оценочных переживаний» [Залевская 2005: 433]. Она сравнивает роль слова при его функционировании в индивидуальном лексиконе как самоорганизующейся системе с ролью лазерного луча при считывании голограммы: «оно "высвечивает" определенный **условно-дискретный фрагмент континуальной и многомерной индивидуальной картины мира** во всем богатстве связей и отношений, полнота которых обеспечивается в разной мере осознаваемой опорой на прямые и / или опосредованные выводные знания и переживания разных видов» [там же: 434]. Рассуждая таким образом, А.А. Залевская делает проблему изолированного слова неактуальной, поскольку в сознании индивида слово существует в сложном контексте предшествующего опыта (не только речевого или языкового), включено в многочисленные связи по линиям разнообразных знаний и переживаний.

Процесс такого включения индентифицируемого слова описывается с помощью оригинальной *спиралевидной модели* [Залевская 1988, 2005], соответственно, процесс понимания текста принимает вид *двунаправленной спирали* [Залевская 2005: 434–435]. Эта спираль «раскручивается» от «тела текста» «вглубь многостороннего предшествующего опыта индивида (языкового и неязыкового; осознаваемого и неосознаваемого; перцептивного, когнитивного, эмоционально-оценочного)», а также в проекцию текста, «которая формируется, трансформируется, пересматривается при взаимодействии множества факторов» [там же: 434].

Ученики А.А. Залевской в своих экспериментальных исследованиях разрабатывали разные части психолингвистической концепции текста и его понимания. Ими было выявлено формирование *проекции текста* у реципиента как уровня понимания, основополагающего для всех последующих уровней, установлена организация *смыслового поля* текста по принципу «ядро – периферия», между которыми находится *маргинальная зона элементов*; наличие у каждого текста *структурно-смыслового прототипа*. Черты проекции текста – динамичность, вовлечение глубинных базовых процессов активной конструктивной деятельности читателя, опора на слово как живое знание.

Процесс формирования проекции текста был описан с помощью *модели маятника* (инвариантные и вариативные тенденции понимания «раскачиваются» на разных этапах то в одну, то в другую сторону), при этом опорные элементы понимания у читателя и автора могут быть разными; доказано, что создание цельной и связной проекции текста происходит тогда, когда у читателя есть *установка на текст* как предмет деятельности [Рафикова 1994, 1998, 1999, Мохамед 2000].

Психопозитическая концепция текста и психолингвистическая теория текста как результата и процесса порождения / восприятия имеют общие черты:

- Они базируются на ведущей в русской психологии и психолингвистике теории речевой деятельности, отличаются «субъектоцентризмом» (в центре – человек, его концептуальная система, ментальные механизмы порождения смысла и его восприятия).
- Психопозитика как психолингвистическая концепция художественной речи сосредоточена на описании процессов речевой деятельности автора и читателя текста.
- «Субъектоцентризм» восприятия текста предполагает акцентирование активной роли реципиента, так как в его смысловой системе создается проекция как актуализированная текстом *система смыслов*. Этот процесс описывается с помощью разработки предложенной А.А. Леонтьевым триады «психологическое значение – чувственная ткань – личностный смысл».

• Категории *психологического значения, личностного смысла и смысла* соотнесены таким образом, что *смысл текста* определяется через интерпретацию в определенной системе языковых значений субъективного содержания, возникающего в сознании читателя как проекция *субъективных смыслов* автора.

• Категория *личностного смысла* для художественного текста разрабатывается в направлении «намеренной эстетизации» и целенаправленной акцентуации «субъективности», по которым моделируются ведущие характеристики.

• Текст вообще и художественный в частности признается формой опосредованной коммуникации, а его понимание – сложным ментальным процессом, который управляется *смысловыми доминантами*.

• В психопоэтике понятие доминанты является ведущим, на его основе разработаны понятия *смысловой доминанты текста, доминантных смыслов текста, смысловой доминанты авторской концептосистемы, доминантной эстетизированной эмоции текста*.

• Принципиальным является вывод о том, что в художественном тексте происходит *представление личностного смысла в конвенциональных языковых единицах*, следовательно, тексты разных авторов различаются не тем, что они содержат разные единицы языка, а тем, что представляют разные субъективные смыслы, образованные в разных концептосистемах.

• Над фундаментальной моделью *понимания текста как часть проблемы понимания* работают много лет А.А. Залевская и ее ученики. Понимание интерпретируется ими с позиций психической деятельности человека, что приводит к учету сложного взаимодействия у автора и читателя осознаваемого и неосознаваемого, вербализуемого и невербализуемого, языкового и внеязыкового. Для описания подобной деятельности требуется *интегративная теория*, сориентированная не на текст, а на процессы *функционирования текста у пользующихся им индивидов*.

• Теория текста в тверской школе выросла из разрабатываемой А.А. Залевской концепции слова, в которой утверждается двойственная медитативная природа слова, его особая роль в общении, устройстве ментального лексикона человека как динамической функциональной системы, лазерного луча, высвечивающего определенные участки этой системы, средства доступа к единой перцептивно-когнитивно-аффективной информационной базе человека.

• Процесс понимания текста представлен в концепции в виде *двунаправленной спирали*, раскручивающейся одновременно от внешней формы текста внутрь всего многостороннего предшествующего опыта индивида и в создаваемую в сознании проекцию текста, которая пребывает в динамическом состоянии, постоянно перестраивается под воздействием многих факторов, внешних и внутренних.

• Важна роль понятия «*проекция текста*», которое, как в психологии, у А.И. Новикова и его учеников, В.А. Пищальниковой и ее учеников, интерпретируется как *уровень понимания*. Дальнейшая разработка данной категории в школе А.А. Залевской привела к установлению ее статуса, основополагающего для всех последующих уровней понимания; выявлению *полевого* принципа организации, при котором в сознании реципиента активизируется *смысловое поле текста*, устроенное по принципу «ядро + периферия + маргинальная зона». При понимании текста в сознании работают разные опорные компоненты, которые меняются по ходу деятельности как маятник. Читатель, создавая проекцию текста, формирует разные по степени сложности модели ситуаций, зависящие от идентификации им своего места в моделируемом ментальном пространстве.

• В создании проекции текста основой ее построения является не первое предложение, а то, репрезентация которого впервые начинает использоваться для интерпретации предыдущих и последующих предложений.

• Понимание текста – творческий процесс, в ходе которого у читателя создается *базовая проекция текста* – основа для дальнейших действий с текстом, динамическое многомерное, многоуровневое, вариативное образование.

• Категория *смысл текста* одна из ведущих в концепции. Смысл текста, согласно результатам экспериментов, целостен, формируется в процессе приведения в движение одним и тем же и разными единицами «тела текста» «наборов» ассоциативных полей, образующих в лексиконе человека обширную сеть, которая учитывается индивидом на разных этапах формирования смысла; не всегда вербализован; опирается на широкий внутренний контекст.

• Структурные компоненты текста в данной концепции актуальны в том отношении, что при восприятии внешней формы текста («тела текста») читатель должен воспринять графемы как слова, реализовав принцип «словоформа – значение – концепт – интегративный смысл». Свойства *цельности и связности* важны постольку, поскольку проекция текста будет цельной и связной, если у читателя есть *установка на текст* как предмет деятельности.

Вопросы и задания для самопроверки

1. Прочитайте общетеоретические главы проанализированных в пункте 3.1 монографий. Ответьте на вопросы:

➤ Какие положения теории текста А.И. Новикова актуальны для его научных «детей» и «внуков»? В каком направлении с учетом современных представлений о текстовых теориях они развивают его идеи?

➤ На выявление каких параметров текста направлено использование методики построения *встречного текста*, разработанной А.И. Новиковым? Какие *механизмы и стратегии понимания* представил авторский коллектив?

➤ На каком основании говорится в монографиях о понимании как процессе реконструкции имплицитного смысла текста, а также об оптимальном сочетании эксплицитных и имплицитных смыслов? Для чего вводится ряд терминов и понятий, в частности, *имплицитность, реконструкция* и т. п.? Какую роль выполняет текст, его информация, в том числе имплицитная, для процесса понимания читателя?

➤ О какой *внутренней форме* текста идет речь в данной концепции? Как с ней связаны понятия «*тип структуры содержания*», «*пресуппозиция / импликация*», «*внутренняя развернутость*», «*внутренняя связность*»?

➤ В каком отношении находятся воздействующие параметры текста и его целостность? Для каких типов текстов актуальны такие отношения?

➤ Каким образом характеризуется *пресуппозиция* текста и почему авторы монографий рассматривают ее как один из важнейших признаков текста? Что они называют *предтекстовой пресуппозицией* и *внутритекстовой импликацией*?

➤ С какими категориями текста в других концепциях связана категория *развернутости содержания текста*? Как она интерпретируется в монографиях? Чем связано разграничение *внешней и внутренней развернутости*? Что понимается под *степенью развернутости* текста? Чем *максимальная развернутость* отличается от *минимальной*?

➤ Как связаны с разными категориями текста в данной теории понимание *подтем, субподтем, микротем* как своеобразных рамок, которые накладывают ограничения на развертывание содержания текста? Чем можно доказать тезис: «степени развернутости квалифицируют степень развернутости содержания, которую намеренно реализовал, "закодировал" автор»?

➤ Каким образом описывается *внутренняя связность* текста? Как эта категория текста связана с предметом описания, связями и отношениями, образующими внутреннюю структуру?

ру текста? Прокомментируйте введенные авторами типы внутренней связности – *линейная и радиальная, плавная и прерывистая*.

2. Составьте презентацию по основным положениям монографий.

3. Проектная деятельность. Возьмите небольшие по объему официально-деловые и научные тексты, составьте денотатные графы выбранных текстов с учетом текстовых категорий, предложенных Н.Н. Пешковой и ее учениками. Выберите небольшой текст любого типа и проведите с ним эксперимент у себя в группе по методике построения «встречного текста». Подготовьте сообщение по его результатам.

4. Прочитайте общетеоретические главы проанализированных в пункте 3.2 работ. Ответьте на вопросы:

➤ В чем состоит подход к тексту как процессу и результату речевой деятельности автора и читателя в психопозитике? Можно ли предложенные В.А. Пищальниковой подход и понятия применить к нехудожественным текстам? Аргументируйте свою позицию, приводя не только теоретические аргументы, но примеры из текстов разного типа.

➤ Каковы психолингвистические основания понимания художественного текста? Насколько оправданно и продуктивно в анализируемой теории и практике анализа текстов использование категорий теории речевой деятельности (*психологическое значение, смыслы, концепт*) для описания поэзии и прозы и нехудожественных текстов?

➤ Каким образом репрезентируется концептуальная система автора и система его личностных смыслов в художественном тексте? Какую роль играет концептосистема читателя и его поле интерпретации?

➤ Понятия *доминанты текста, доминанты концептосистемы* автора и *доминантной эстетизированной эмоции* как суггестивного компонента художественного текста.

➤ Модель концепта и способы его построения по художественному тексту в школе В.А. Пищальниковой.

➤ Психолингвистический подход к тексту и его пониманию в школе А.А. Залевской (по фрагментам работ А.А. Залевской и статьям ее учеников, выбранным вами): основные понятия и термины. Почему в концепции не идет речь о традиционных категориях текста, выделяемых лингвистами?

➤ Как учитывается в теории текста и его понимания школы А.А. Залевской разрабатываемая концепция слова как «живого знания», средства доступа к обширной перцептивно-когнитивно-аффективной информационной базе человека? Что такое «внутренний» контекст, как он связан с устройством ментального лексикона человека?

➤ Каким образом используются в рассматриваемой теории текста понятия «*проекция текста*», «*базовая проекция текста*», «*смысл текста*», «*смысловое поле текста*»?

5. Проектная деятельность на выбор:

➤ Возьмите небольшие по объему тексты разных типов и жанров, применяя основные категории концепции А.А. Залевской и ее учеников, проведите эксперименты у себя в группе на их понимание, обобщите результаты, выделяя сценарии понимания и опоры данного процесса.

➤ Проведите психолингвистический анализ стихотворения М. Цветаевой. Определите актуальные смыслы, эмотивные доминанты, базовые концепты художественной картины мира поэта. Постройте базовые концепты текста по модели «тело знака – предметный компонент – понятийный компонент – эмоционально-оценочный – индивидуально-ассоциативный»:

Вчера еще в глаза глядел,
А нынче – все косится в сторону!
Вчера еще до птиц сидел, –
Все жаворонки нынче – вороны!

Я глупая, а ты умен,
Живой, а я остолбенелая.
О вопль женщин всех времен:
«Мой милый, что тебе я сделала?!»

И слезы ей – вода, и кровь –
Вода, – в крови, в слезах умылася!
Не мать, а мачеха – Любовь:
Не ждите ни суда, ни милости.

Увозят милых корабли,
Уводит их дорога белая...
И стон стоит вдоль всей земли:
«Мой милый, что тебе я сделала?»

Вчера еще в ногах лежал!
Равнял с Китайскою державою!
Враз обе рученьки разжал, –
Жизнь выпала – копейкой ржавою!

Детоубийцей на суду
Стою – немилая, несмелая.
Я и в аду тебе скажу:
«Мой милый, что тебе я сделала?»

Спрошу я стул, спрошу кровать:
«За что, за что терплю и бедствую?»
«Отцеловал – колесовать:
Другую целовать», – ответствуют.

Жить приучил в самом огне,
Сам бросил – в степь заледенелую!
Вот, что ты, милый, сделал мне!
Мой милый, что тебе – я сделала?

Все ведаю – не прекословь!
Вновь зрячая – уж не любовница!
Где отступается Любовь,
Там подступает Смерть-садовница.

Само – что дерево трясти! –
В срок яблоко спадает спелое...
– За все, за все меня прости,
Мой милый, – что тебе я сделала!

Использованная и рекомендуемая литература

Балаш М.А. Фоносемантическая структура текста как фактор его понимания (экспериментальное исследование): дис. ... канд. филол. наук. Горно-Алтайск, 1999.

Бутакова Л.О. Авторское сознание в поэзии и прозе: когнитивное моделирование. Барнаул, 2001.

Валгина Н.С. Теория текста: учебное пособие. М., 2003. Режим доступа: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook029/01/>.

Голикова Т.А. Теория текста: учебное пособие. М.; Берлин, 2015. Режим доступа: http://biblioclub.ru/index.php?page=book_red&id=441279&sr=1.

Губернаторова Э.В. Метафора как компрессированный компонент перевода: деятельностный аспект: дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2003.

Залевская А.А. Понимание текста: психологический подход. Калинин, 1988.

Залевская А.А. Проблемы понимания текста // Залевская А.А. Слово. Текст. Избранные труды. М., 2005.

Залевская А.А. Значение слова через призму эксперимента. Тверь, 2011.

Залевская А.А. Интерфейсная теория значения слова: психолингвистический подход. Лондон, 2014.

Кинцель А.В. Экспериментальное исследование эмоционально-смысловой доминанты как текстообразующего фактора: дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 1998.

Кинцель А.В. Психолингвистическое исследование эмоционально-смысловой доминанты как текстообразующего фактора. Барнаул, 2000.

Леонтьев А.А. Деятельность. Сознание. Личность. 2-е изд. М., 1977.

Ляпон М.В. Модальность // Большая российская энциклопедия. Режим доступа: <https://bigenc.ru/linguistics/text/2221549>.

- Мохамед Н.В.* Психолингвистическое исследование процессов понимания текста: дис. ... д-ра филол. наук. Тверь, 2000.
- Мягкова Е.Ю.* Эмоционально-чувственный компонент значения слова. Курск, 2000.
- Новиков А.И.* Семантика текста и ее формализация. М., 1983.
- Петренко В.Ф.* Основы психосемантики. СПб., 2005.
- Пешкова Н.П.* Типология научного текста: психолингвистический аспект: монография. Уфа, 2002.
- Пешкова Н.П.* Смысл текста и его многозначность // С любовью к тексту: коллективная монография памяти А.И. Новикова. Уфа, 2006.
- Пешкова Н.П.* Типология научного текста: психолингвистический аспект (на материале научных, научно-популярных, технических текстов): монография. 2-е изд., доп. и перераб. Уфа, 2015.
- Пищальникова В.А., Сорокин Ю.А.* Ведение в психопэтику. Барнаул, 1983.
- Пищальникова В.А.* Концептуальный анализ поэтического текста. Барнаул, 1991.
- Пищальникова В.А.* Проблема смысла художественного текста. Психолингвистический аспект. Новосибирск, 1992.
- Пищальникова В.А.* Психопэтика. Барнаул, 1999.
- Пищальникова В.А., Чернова М.М.* Ритмомелодическая структура текста как репрезентант эмоционально-смысловой доминанты. М.; Горно-Алтайск, 2003.
- Пищальникова В.А.* История и теория психолингвистики: в 3 ч. М., 2005–2010. Ч. 3: Психопэтика. 2010.
- Рафикова Н.В.* Динамика ядра и периферии семантического поля текста: дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 1994.
- Рафикова Н.В.* Процесс формирования смысловых опор при понимании текста // Психолингвистические аспекты взаимодействия слова и текста. Тверь, 1998.
- Рафикова Н.В.* Психолингвистическое исследование процессов понимания текста. Тверь, 1999.
- Современный русскоязычный документ: проблемы порождения и восприятия / А.В. Алексеева и др. Омск, 2014.
- Сорокин Ю.А.* Текст: цельность, связность, эмотивность // Аспекты общей и частной лингвистической теории. М., 1982.
- Сорокин Ю.А.* Психолингвистические аспекты изучения текста. М., 1985.
- Староселец О.А.* Экспериментальное исследование понимания метафоры текста: дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 1997.
- Текст и его понимание: теоретико-экспериментальное исследование в русле интегративного подхода / Н.П. Пешкова и др. Уфа, 2010.
- Текст как инструмент вербального воздействия: психолингвистическое исследование на материале текстов различных типов / Н.П. Пешкова и др. Уфа, 2017.
- Ухтомский А.А.* Доминанта. СПб., 2002.
- Филиппов К.А.* Лингвистика текста: курс лекций. СПб., 2003. Режим доступа: <https://superlinguist.ru/lingvistika-teksta-skachat-knigi-besplatno/filippov-k-a-lingvistika-teksta.html>
- Чернова М.М.* Ритмомелодическая структура как компонент процесса самоорганизации текста: дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2002.

Тема 4. ТЕОРИЯ ТЕКСТА: КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД

Когнитивная лингвистика, по мнению З.Д. Поповой и И.А. Стернина, отличается именно по своему материалу, так как «она исследует сознание на материале языка (другие когнитивные науки исследуют сознание на своем материале)», а также по своим методам, так как «исследует когнитивные процессы, делает выводы о типах ментальных репрезентаций в сознании человека на основе применения к языку имеющихся в распоряжении лингвистики собственно лингвистических методов анализа с последующей когнитивной интерпретацией результатов исследования» [Попова, Стернин 2007: 9].

У данного неоднородного в современной лингвистике направления есть свои принципы исследования, постулаты и единицы. Основная часть направлений обобщена И.А. Стерниным и З.Д. Поповой следующим образом: *культурологическое* – исследование концептов как элементов культуры в опоре на данные разных наук (Ю.С. Степанов); в нем язык выступает лишь как один из источников знаний о концептах (например, для описания концепта используются данные об этимологии слова, называющего этот концепт); *лингвокультурологическое* – исследование названных языковыми единицами концептов как элементов национальной лингвокультуры в их связи с национальными ценностями и национальными особенностями этой культуры – направление «от языка к культуре» (В.И. Карасик, С.Г. Воркачев, Г.Г. Слышкин, Г.В. Токарев); *логическое* – анализ концептов логическими методами вне прямой зависимости от их языковой формы (Н.Д. Арутюнова, Р.И. Павиленис); *семантико-когнитивное* – исследование лексической и грамматической семантики языка как средства доступа к содержанию концептов, как средства их моделирования от семантики языка к концептосфере (Е.С. Кубрякова, Н.Н. Болдырев, Е.В. Рахилина, Е.В. Лукашевич, А.П. Бабушкин, З.Д. Попова, И.А. Стернин, Г.В. Быкова); *философско-семиотическое* – исследуются когнитивные основы знаковости (А.В. Кравченко) [там же: 12].

Для любого аспекта когнитивных исследований актуальны форматы представления знаний в сознании / мышлении человека, в силу чего на передний план исследований выдвигаются разные виды ментальных репрезентаций, форматов представления знаний и операций с ними. Этими форматами могут быть разные единицы, в зависимости от общего подхода к когниции человека (см. подробный анализ эволюции подходов, сути когнитивной революции [Сонин 2002; Залевская 2005, 2014; Попова, Стернин 2007]).

4.1. Когнитивные модели стратегической обработки связного текста

Определенные варианты когнитивной теории текста разработаны для публицистических речевых произведений (дискурсов) Т. ван Дейком и В. Кинчем [Дейк ван, Кинч 1988] и для художественных текстов. В первом случае речь идет о *модели стратегической обработки связного текста*, вводятся понятия «*локальная и глобальная когерентность*», «*макроструктура*» и «*суперструктура*». За годы исследований авторы прошли путь от структурной модели к интегративной динамичной, процессно-ориентированной, оперативной (онлайн) модели, основанной на подходе, который они определили как *стратегический*.

Лингвисты оперировали категориями *текст* и *дискурс* как взаимозаменяемыми.

Они исходили из того, что понимание событий и рассказ о них не оторваны во времени, а происходят параллельно с обработкой воспринимаемой информации, что формирует *семантический аспект обработки дискурса*.

Для обработки любой информации необходим внутренний контекст (то, что составляет содержание концептосистемы индивида), исходя из чего авторы сделали вывод об *активации в процессе понимания* не только обработки и интерпретации воспринимаемых данных, но

и внутренней, когнитивной информации. Именно эту информацию они обозначили как *предположительноное основание модели*.

Человеческое сознание обладает гибкостью использования различных видов информации, возможностью ее обрабатывать несколькими способами, целью процесса обработки является более эффективное конструирование ментальных представлений, что было обозначено как *стратегическое основание модели*, связанное с *оперативным* (онлайн) основанием *комплексной информационной обработки событий и связанных текстов*.

В данной концепции понимания текста / дискурса последовательно прописаны ограничения и основания, внимание сконцентрировано на *стратегиях* как части общего знания, в том числе о процессах понимания. Исходя из общего принципа активации ментальных репрезентаций, авторы предположили, что «понимание текста подразумевает не только представление текстовой базы в эпизодической памяти, но также активацию, обновление и другие способы функционирования так называемой ситуационной модели в эпизодической памяти: это когнитивное представление событий, действий, лиц и вообще ситуаций, о которых говорится в тексте» [Дейк ван, Кинч 1988]. Это положение они определили как основное свойство предлагаемой модели, разделив стратегии на стратегии высшего уровня (направлены на создание текстовой базы как семантического представления воспринимаемого текста в эпизодической памяти) и более конкретные стратегии.

Еще одно свойство модели – наличие *управляющей системы*, которая «контролирует обработку в кратковременной памяти, активирует и актуализирует необходимое эпизодическое и более общее семантическое знание, обеспечивает взаимодействие информации высших и низших уровней в долговременной памяти и т. д.» [там же]. Она же обеспечивает активацию всех стратегий, связанных с производством информации.

Не менее актуально в рассматриваемой модели свойство *использования больших объемов знания* (эпизодического и более общего и абстрактного знания, представленного в семантической памяти). Авторы справедливо полагают, что для стратегического понимания связного текста чрезвычайно важен «быстрый доступ и эффективный поиск», а это возможно только «при условии хорошо организованного знания» [там же].

Для модели понимания связного текста лингвисты предложили ряд понятий, которые обобщают стратегические действия индивида. Это в первую очередь *стратегическое конструирование пропозиций*, которые конструируются «на основе значений слов, активированных в семантической памяти, и синтаксических структур предложений» [там же]. Пропозиции были дифференцированы по принципам действия на *атомарные* (соответствующие лексическим значениям) и *пропозиционные схемы* (обеспечивающие быстрый анализ поверхностных структур и выстраивание относительно простой и жесткой семантической конфигурации).

Следующим типом являются *стратегии локальной когерентности (связности)* – те стратегии, которые обеспечивают установление значимых связей между предложениями текста. Локальная связность реализуется за счет обозначения сложными пропозициями *фактов* некоторого возможного мира.

Центральным компонентом разрабатываемой модели являются *макростратегии*. Они отличаются гибкостью и эвристичностью. С их помощью образуются *макропропозиции* (они имеют ту же структуру, что и предшествующие пропозиции). Авторы модели полагали, что «таким же стратегическим способом макропропозиции могут связываться в последовательности. Несколько уровней макропропозиций в совокупности образуют *макроструктуру* текста» [там же]. В когнитивной модели понимания связного текста это понятие соответствует тому, что в других моделях является общим содержанием, темой или топиком текста.

Еще один тип стратегий был квалифицирован как традиционный, культурно обусловленный. Речь идет о *схематических стратегиях*, которые являются одними из высших форм,

организующих макропропозиции (глобальное содержание текста). Их можно считать *суперструктурами текста*, определенными схемами повествования, последовательности событий, закрепленными в ряде дискурсов, обеспечивающими «обобщенный синтаксис глобального значения и макроструктуры текста», «мощное средство переработки по принципу "сверху вниз" для приписывания релевантных категорий суперструктуры (глобальных функций) каждой макропропозиции – или последовательности макропропозиций – и в то же время обеспечивать некоторые общие ограничения на возможные локальные и глобальные значения текстовой базы» [Дейк ван, Кинч 1988].

Знаменательно то, что в модели понимания связного текста был учтен компонент его производства. Это обусловило наличие в модели *продукционных стратегий*, что закономерно для объяснения когнитивных процессов, поскольку на каждом этапе понимания у слушающего и говорящего есть доступ к информации различного рода.

Авторы учли и другие стратегии – *стилистические, риторические* и пр., показав когнитивную модель в реальном режиме действия, исходя из принципа необходимости в рамках когнитивной теории сконструировать систему, «в рамках которой могут быть представлены и скоординированы (без нарушения известных ограничений на информационные способности человека) все процессы, происходящие при понимании связного текста» [там же].

Модели В. Кинча и Т. ван Дейка – не единственные интегративные исследовательские конструкторы. Понимания сложных негомогенных (поликодовых) текстов представлено в когнитивном виде на основе серии последовательных экспериментов в работе русского лингвиста А.Г. Сониной [Сонин 2005].

4.2. Когнитивная поэтика: варианты исследований

Когнитивные разработки в области поэтики имеют несколько иной вид, чем модели понимания нехудожественного текста. Они не столь стратегически ориентированы, как модели европейских, американских, русских когнитивистов, но не менее сложны. В них исследователи, причисляющие себя к когнитивной теории литературы, когнитивной поэтике, когнитивной стилистике, вырабатывают общие основания когнитивного изучения художественного текста.

Представители когнитивной поэтики полагают, что она предназначена быть «инструментом раскрытия и объяснения когнитивных процессов и стратегий, лежащих в основе формирования и интерпретации художественного текста как продукта познающего разума (*cognizing mind*) в контексте физического и социокультурного миров его, текста, создания и восприятия» [Воробьева 2002: 379].

Русский лингвист, создавший свой вариант когнитивной поэтики, И.А. Тарасова, подробно анализируя их концепции, подчеркивает, что авторы данного направления идут «от понимания специфики художественного текста к использованию данных когнитивных наук для объяснения этой специфики» [Тарасова 2016: 20–21]. Не менее подробный анализ когнитивных направлений анализа художественного текста дан О.П. Воробьевой [Воробьева 2002].

Акценты на универсальных стратегиях разума, способности человека создавать поэтические структуры и понимать их воздействующий эффект (Р. Цур), рассуждения о когнитивной природе метафор (Дж. Лакофф), фигури-фоновые отношения (Р. Цур) и пр. обусловлены главными принципами когнитивизма, выделяющими момент стабильного, универсального, типового в работе человеческой когниции (скорее, когниции в терминологии Ю.А. Сорокина, Е.Ф. Тарасова, В.А. Пищальниковой). При этом деятельная природа познания остается «за кадром» [Бутова 2003: 57–64]. Тогда как динамика познающего мир индивидуального сознания непрерывна, формирование, структурирование и переструктурирование объемных

психоментальных единиц (концептов) так же непрерывно, как и образование на базе их компонентов актуальных смыслов, выбор языковых средств их представления. Путь от мотивации к замыслу, от него – к смыслу речевого произведения проходит любой говорящий и адресат. Если отличия речевой деятельности в художественном тексте определяются мотивацией и эстетизированной эмоцией, проявляются в форме и содержании поэтического или прозаического произведения, то и когнитивные модели художественного и нехудожественного текста должны это учитывать и не «терять» человека, не приравнивать результаты эстетической деятельности его сознания (модели) к формам деятельности (феномену).

Теоретические положения в области когнитивной поэтики и методики когнитивного анализа художественного текста, предложенные М. Фримен в качестве базовых, основаны на традиционных для когнитивной лингвистики постулатах. Ученый вводит понятия *воплощенного понимания* (*the embodied mind*) и *метафорического мышления*, базой для которых являются аналоговое картирование мира, позволяющего концептуализировать абстрактные (эпистемические) понятия или сферы через проецирование конкретных (эмпирических) представлений; вытекают из опыта, преломляются через культурологический фильтр, включают ритм и сенсорику [Freeman 2002; Воробьева 2002; Тарасова 2016].

В этой концепции оперируют понятием психоанализа *когнитивное бессознательное*, с которым увязывают те формы художественной семантики, которые недоступны непосредственному наблюдению и открываются только в процессе глубинной реконструкции многомерной семантико-когнитивной структуры художественного текста.

Еще одно понятие когнитивной поэтики – *«прототипичность»*. Сфера его функционирования – концептуально-семантическая организация текста при его создании и восприятии (прочтении). Данная категория актуальна не только для работ М. Фримен, она функционирует в работах Р. Гиббса [Gibbs 2003: 28–40], П. Стоквелла [Stockwell 2002: 27–40].

Актуальным в западной когнитивной поэтике является еще одно понятие когнитивной лингвистики – *концептуальная интеграция*. Это понятие используется для описания креативности когнитивных процессов, регуляции рационального аспекта эмергентных структур в процессе генерации новых смыслов. Эмоциональный аспект эмергентных структур описывается через явление *эмотивного резонанса*, базирующегося на иконичности.

В качестве дополнительных принципов отмечают разработанный Й. Шеном принцип селективности, воплощающий когнитивные ограничения, налагаемые на формирование и функционирование поэтических фигур [Shen 1997].

Не все описанные принципы однозначно принимаются сторонниками когнитивной поэтики на Западе. В частности, Р. Цур отрицает ведущий принцип интерпретации художественного текста Дж. Лакоффом через выходы на базовые концептуальные метафоры (см. его работу «Lakoff's Roads not Taken» [Tsur 2000: 339–359] и ее анализ [Воробьева 2002: 381; Тарасова 2016: 15]). Пафос Р. Цура направлен против обязательности и прямолинейности выхода на базовые метафоры при интерпретации текста. Ученый полагает, что множественность и неоднозначность смыслов, порождаемая текстом, предполагает множественность и неоднозначность интерпретаций, «в основе которых лежит так называемая "отложенная, задержанная, приостановленная концептуализация" (*delayed conceptualization*) в отличие от "быстрой концептуализации" (*rapid conceptualization*), характерной для повседневного общения» [Воробьева 2002: 381]. Р. Цур полагает, что отложенная концептуализация не обязательно активирует кластеры концептуальных метафор, оставляет возможность для неопределенности, неоднозначности, амбивалентности художественных (поэтических эффектов) [Tsur 2000; Воробьева 2002: 380–381; Бутакова 2011]. Поддержку Р. Цуру с позиций принципов анализа художественной речи в русской школе выражает И.А. Тарасова, говоря о том, что «раскрыть когнитивную природу таких смысловых приращений значительно труднее, чем кон-

статировать принадлежность тропа к той или иной серии концептуальных метафор» [Тарасова 2016: 16].

Вариант когнитивной поэтики, предложенный И.А. Тарасовой, имеет вид *когнитивной модели идиостиля*. Автор оперирует понятием «*индивидуальная концептосфера*», которую исследует как ментальную основу поэтического идиостиля в аспекте структурной организации и типологии базовых единиц. Для анализа художественной системы и текста вводится еще одно понятие – «*художественный концепт*». Это многослойное полевое образование, которое моделируется как исследовательский конструкт, «отражает статичное понимание концепта как элемента когнитивной системы языковой личности» [Тарасова 2003: 74]. Слойная модель концепта, включающая предметный, понятийный, ассоциативный, образный, символический, ценностно-оценочный слои, опирается на модель В.А. Пищальниковой [Пищальникова, Чернова 2003] с рядом уточнений и определений места каждого слоя в структуре «ядро – периферия».

И.А. Тарасова высказала гипотезу о двухуровневом строении индивидуальной концептосферы: на первом уровне функционируют *индивидуальные авторские концепты* как единицы поэтического сознания автора, на втором – *когнитивные структуры* как процесс и результат взаимодействия между концептами [Тарасова 2003: 7–8]. На первом этапе анализа производится внутреннее структурирование концептов различных типов, выявление языковых средств, их представляющих. На втором этапе определяются способы мыслительного структурирования концептуального пространства на отдельных участках [там же: 75]. Главной задачей исследования идиостиля в когнитивном аспекте лингвист считает «установление соответствия между ментальными феноменами и средствами их языковой репрезентации» [там же: 76].

Автор подчеркивает, что художественный концепт рассматривается в первую очередь как «единица *индивидуального* сознания, авторской концептосферы, вербализованная в едином тексте творчества писателя» [там же: 77], следовательно, необходимо анализировать всё творчество автора, учитывая эволюцию концептуального содержания в разные периоды.

Анализируя творчество поэта Г. Иванова на основе предложенной методологии, И.А. Тарасова вводит классификацию художественных концептов, основанную на типах, выделенных Дж. Лакоффом и М. Джононсом: концепты с чувственно воспринимаемым ядром, концепты-гештальты, образно-схематические (типологические) концепты, эмоциональные концепты [Johnson 1987; Lakoff 1987]. Данная классификация ограничена теми типами, которые выделяются в творчестве поэта, и не охватывает все разновидности, которые в свое время описывали Дж. Лакофф и М. Джонсон. Зато из научного наследия Дж. Лакоффа было извлечено еще одно продуктивное для данной теории художественного текста понятие – «*когнитивная структура*» как форма ментального представления концепта [Lakoff 1987]. Данное понятие удобно для методики И.А. Тарасовой потому, что универсально, позволяет описывать ментальные репрезентации и процессы порождения индивидуально-авторских смыслов. Из этого же источника выбираются три типа моделей – пропозициональные (соотносятся с понятиями фрейма и сценария), метафорические (соотносятся с понятиями ментального пространства и бленда), метонимические [Тарасова 2003: 142–143].

Когнитивная модель художественного текста как интерпретация идиостиля индивидуальной концептосистемы автора продуктивна не только как одна из разновидностей теории текста, но и как основание для двустороннего словаря языка писателя, построенного по принципам «от средства – к концепту» и «от концепта – к средствам его выражения» [Тарасова 2017].

Другой вариант когнитивного исследования текста был предложен Л.О. Бутаковой [Бутакова 2001]. Автор разрабатывала в качестве базовой для построения модели мира автора

категорию *авторского сознания*. Лингвист настаивает на том, что текст как модель авторского сознания должен исследоваться как функциональное устройство, передающее особенности авторской интерпретации мира, форма воплощения специфических черт авторского сознания, организующего художественную материю для воплощения индивидуальных актуальных смыслов, существующих в рамках имеющихся когнитивных моделей.

Признаки текста в данной концепции: цельность, динамичность / статичность, открытость, системность каждого участка и всего целого, смысловая континуальность (любой уровень структурной организации текста отличается системообразующими свойствами в функционально-динамическом понимании системы). Доминирующим в когнитивном отношении признается *авторское сознание*.

Предлагаемый вид анализа – исследование моделирующих свойств сознания как креативной системы его автора, в котором текст – продукт когнитивного восприятия мира, продукт в первую очередь ментальной, а затем уже – художественно-образной, коммуникативно-эстетической деятельности автора.

С точки зрения модельной методологии такой подход – «моделирование модели», т. е. построение системы и структуры вторичного или третичного порядка. Если текст считать моделью действительности (первичная модель), то исследовательская модель – «модель модели» (вторичная модель). В основе – интерпретация текста, распространенная в психопэтике, и методика сквозного когнитивно-смыслового моделирования [Бутакова 2001: 9, 11, 15–16].

Когнитивная поэтика понимается лингвистом как объединение совокупности смысловых, концептуальных, семиотических и коммуникативных методик, направленных на выяснение когнитивной мотивации любых эстетически значимых компонентов и всего текста определенного автора как целого. Когнитивная поэтика, таким образом, – специфическая комплексная когнитивно-семантическая интерпретация речевого произведения, художественного творчества автора [Бутакова 2003: 57–64].

Моделирование структуры и типа сознания автора по всем компонентам текста признается центральной проблемой когнитивной поэтики как лингвистического направления, исследующего моделирующие свойства сознания как креативной системы говорящего (динамической по своему характеру, когнитивной по направленности и способу функционирования), воплощенные в результате его эстетически мотивированной речевой деятельности – тексте.

Для такого типа когнитивной поэтики *когнитивный анализ* – специфическая разновидность смыслового анализа. Его результатом является определение того, какие компоненты каких когнитивных структур актуализированы на определенном участке текста. Он показывает «густоту» заполнения определенного участка текста когнитивными моделями, через это – иерархию и способы взаимодействия когнитивных признаков и структур в когнитивно-концептуальной системе сознания автора.

Именно с этих позиций были определены *постулаты когнитивной поэтики* [Бутакова 2002]. *Модель авторского сознания* в данной концепции определяется как «относительно стабильное символично-семиотическое отображение динамичной совокупности внутренне упорядоченных, гомоморфных друг другу подсистем когнитивно-концептуальной системы автора, репрезентированных в тексте» [Бутакова 2001: 76]. Была предложена следующая методика ее построения: поэтапное концептуально-когнитивно-смысловое моделирование ядерно-периферийной иерархической структуры когнитивной системы, аналогичных структур знаковой, коммуникативной и эмотивно-смысловой систем текста.

Основанием такой методики является выделение в качестве элементарной единицы смысла, базовой структурной психо-ментальной единицы – *концепта* (объемного смыслового образования), элементарной когнитивно-ментальной единицы – *когнитивного признака*, базовой структурной когнитивно-ментальной единицы – *когнитивной структуры*, соотнесе-

ние принципов организации и самоорганизации текста как модели сознания автора и модели мира.

Этапы моделирования:

1. Конструирование системы ядерных и периферийных когнитивных структур (концептов) авторского сознания на основе вербальных единиц текста, представляющих субъективные смыслы, актуализирующие когнитивные признаки, оценка приоритетности смыслов, средств их репрезентации, способов и степени трансформации использованных для этого языковых единиц, привлечение для этих целей смыслового, семантического анализов, фрейм-анализа.

2. Построение аналогичным образом эмотивно-смысловых компонентов, учет доминантной и производной эмоции текста, способов их преимущественной вербальной репрезентации, установление качества, степени, способов гомоморфного выявления инвариантных эмотивных смыслов, установление ядра и периферии смысловых и эмотивных полей текста, способов взаимоотношений когнитивных структур в их пределах с помощью семного и семантического анализов.

3. Моделирование структуры концептосистемы авторского сознания на основе выделенных концептов, выявления качества и форм осуществления вербальных, когнитивных, логических связей между ними с помощью семантического, концептуального, логического и «структурно-ситуационного» анализов.

4. Описание иерархии когнитивных структур вербальных единиц текста на базе выявления способов представления их компонентов с помощью когнитивного анализа, определение доминантных и периферийных когнитивных признаков значений, актуализированных в тексте, оценка способов гомоморфного выявления инвариантных когнитивных компонентов, оценка семиотических стратегий автора.

5. Построение коммуникативной структуры текста, определение специфики коммуникативных моделей, установление ведущих и вспомогательных видов, форм основной и вспомогательной коммуникативной организации, оценка их константности / эволюционности в поэтическом тексте, использование коммуникативно-дейктического анализа форм коммуникативной организации основного повествования, его трансформации, речи главных и периферийных персонажей, диалогичности и речевой полифонии прозы на основе прагмасемантического описания дейксиса говорящего.

6. Выявление иерархии когнитивных, коммуникативных, эмотивно-смысловых знаков текста, оценка их когнитивного потенциала, когнитивного и коммуникативного потенциала самого текста, определение когнитивных, смысловых, коммуникативных полей текста, способов их организации, установление на их основе семиотических, когнитивных, коммуникативных, эмотивно-смысловых доминант авторского сознания и основной стратегии акцентного выявления смысла.

7. Сведение всех полученных схематичных представлений в единую модель авторского сознания по тексту на базе принципа гомоморфизма [Бутакова 2001: 77–79].

Практическое применение предложенной модели лингвист осуществила, выбрав поэтические системы В. Высоцкого и Б. Окуджавы, прозаические системы В. Токаревой и Л. Петрушевской.

Особенности применения когнитивного подхода к теории текста таковы:

- Ученые пытаются объяснить форму и содержание текста через когнитивные механизмы человеческого сознания, памяти, языковой способности, креации и пр., что вытекает из когнитивных теорий языка / речи. Основные способы описания, понятийно-терминологический аппарат заимствуются авторами из разных видов когнитивной лингвистики, в которых

нет единообразия в определении форматов ментальных репрезентаций, но есть единство в признании самого их существования.

- Опираясь на понятие «форматы представления знаний», исследователи описывают виды ментальных репрезентаций и операций с ними, для того чтобы объяснить работу концептуальной системы человека при порождении и восприятии речевого произведения.

- Один из первых широко известных вариантов когнитивной теории текста / дискурса был разработан для анализа публицистических речевых произведений (дискурсов) Т. ван Дейком и В. Кинчем, имел вид многоступенчатой объемной *модели стратегической обработки связного текста*.

- Модель имеет вид интегративной, динамичной, процессно-ориентированной, оперативной (онлайн) конструкции, основанной на *стратегическом* подходе. Последний состоит в учете способности людей гибко использовать различные виды информации, признании возможности обрабатывать информацию несколькими способами одновременно, поиске более эффективного конструирования ментальных представлений как главной цели данного процесса.

- Т. ван Дейк и В. Кинч анализировали различные структуры текста (*локальную и глобальную когерентность, макроструктуры и суперструктуры*) и в связи с их ролью в понимании и порождении текста, и с точки зрения их значения для психологии, принципиально отказавшись от собственно лингвистического анализа.

- Когнитивные поэтики в западном или русском вариантах различаются по исходным принципам и объекту описания, представляя порождение и понимание речевого произведения с помощью лингвистических, литературоведческих, герменевтических и др. подходов, отказавшись от нейрофизиологических, психологических экспериментальных процедур.

- Западные представители когнитивной поэтики создали методики когнитивного анализа художественного текста, в коротких компонентах художественного сознания связаны с процессами аналогового картирования мира, категоризации, концептуализации, опытом, культурой и перцепцией.

- Актуальными в когнитивной поэтике являются категории психоанализа и когнитивной науки – *коллективного бессознательного, прототипичности, концептуальной интеграции, ментального пространства, когнитивной метафоры, концепта, фрейма, отложенной концептуализации*. При этом нет единства их понимания и применения.

- Русский вариант когнитивной поэтики в виде *когнитивной модели идиостиля* предложен И.А. Тарасовой. Автор оперирует понятиями «*индивидуальная концептосфера*», «*ментальная основа поэтического идиостиля*», «*художественный концепт*».

- Лингвист создала двухуровневую модель индивидуальной концептосферы, в которой первый уровень образуют *индивидуальные авторские концепты* (единицы поэтического сознания автора), второй – *когнитивные структуры* (процесс и результат взаимодействия между концептами). Для их описания применена классификация художественных концептов (концепты с чувственно воспринимаемым ядром, концепты-гештальты, образно-схематические (типологические) концепты, эмоциональные концепты) и типология *когнитивных структур*.

- Когнитивно-психолингвистическая модель построения авторского сознания как базовой категории текста разработана Л.О. Бутаковой. В данной модели актуальны понятия элементарной единицы – смысла, базовой структурной психо-ментальной единицы – концепта (объемного смыслового образования), элементарной когнитивно-ментальной единицы – когнитивного признака, базовой структурной когнитивно-ментальной единицы – когнитивной структуры. Для построения модели предложена методика поэтапного моделирования.

Вопросы и задания для самопроверки

1. Прочитайте статью Т.А. ван Дейка и В. Кинча «Стратегии понимания связного текста» (1988). Напишите ее аналитический конспект, отвечая на вопросы:

➤ Почему авторы задались целью создать *модель стратегической обработки связного текста* (начальные обзорные разделы статьи: достоинства и недостатки структурализма, лингвистики текста, социального, психологического подхода и подхода с позиций искусственного интеллекта, теорий памяти и восприятия)?

➤ Как авторы соотносят текст и дискурс? Какой объект является для них главным?

➤ Какие ранние когнитивные модели понимания текста / дискурса авторы разрабатывали, какими категориями оперировали в них?

➤ Почему раннюю модель авторы назвали *структурной*, а предлагаемую – *стратегической*?

➤ Каковы в новой модели *когнитивные основания*? Что понимают авторы под *построением ментального представления*? Что авторы назвали *конструктивистским* основанием модели? Что обозначено ими в виде *интерпретирующего* основания модели, почему речь идет о *семантическом аспекте обработки дискурса*? Что было названо *оперативным* основанием обработки дискурса? Какое *важное следствие* есть у *конструктивистского основания*?

➤ Как доказывают авторы следующий тезис: «*Люди, понимающие реальные события или речевые события, способны сконструировать ментальное представление, и в особенности осмысленное представление, только при том условии, что они располагают более общими знаниями о таких событиях*»? Какую роль в процессах понимания отводят авторы активации и использованию когнитивной информации? Почему ее они рассматривают с когнитивных предпосылок (*presuppositions*) конструирования модели и называют *пресуппозиционным* основанием модели?

➤ Что понимается авторами под *контекстуальным основанием* понимания связного текста, почему оно было названо основанием (социальной) *функциональности*?

➤ Как связаны формы и интерпретации рассказа и речеактовая функция высказывания? Какое название получил этот параметр модели понимания связного текста?

➤ Какие три важнейшие ограничения модели предложили авторы?

➤ В чем состоит для авторов ориентировка модели не на уровни, а на *комплексность описания*? Как авторы доказывают для своей модели, что «стратегические процессы во многом противоположны процессам алгоритмическим, или управляемым правилами»? Как они интерпретируют стратегию вообще, стратегию высшего уровня и субстратегию?

➤ Как авторы разъясняют следующее положение: «понимание текста подразумевает не только представление текстовой базы в эпизодической памяти, но также активацию, обновление и другие способы функционирования так называемой *ситуационной модели* в эпизодической памяти»?

➤ Какие функции определяют авторы для *пропозиционных стратегий*, какое место они занимают в модели, на чем основаны, как происходит выделение *атомарных пропозиций*, как они организуются в *пропозиционные схемы*?

➤ Что представляют собой *стратегии локальной когерентности (связности)*? Прокомментируйте высказывание с точки зрения В. Кинча и Т. ван Дейка: «Основное абстрактное условие локальной связности состоит в том, что сложные пропозиции обозначают *факты* некоторого возможного мира. Следовательно, стратегическое установление локальной когерентности в когнитивной модели требует, чтобы пользователь языка по возможности эффективно проводил поиск потенциальных связей между фактами, обозначенными пропозициями».

➤ Что такое макростратегии? Что образует множество макростратегий и несколько уровней макропропозиций?

➤ Какая роль в понимании текста отводится *схематическим стратегиям*? Почему авторы считают схематическую структуру одной из высших форм, организующих макропропозиции (глобальное содержание текста), и на каком основании они квалифицируют их как *суперструктуры* текста?

➤ Какие еще стратегии рассматриваются авторами?

➤ Какую когнитивную модель описывают авторы в следующей части статьи? Как они демонстрируют путь от *репрезентации текста* к *модели ситуации*?

2. Проанализируйте предлагаемый текст Б. Окуджавы, применив когнитивные методики анализа И.А. Тарасовой. Найдите в тексте культурные знаки, присущие русской культуре.

РАЗМЫШЛЕНИЯ ВОЗЛЕ ДОМА, ГДЕ ЖИЛ ТИЦИАН ТАБИДЗЕ

Берегите нас, поэтов. Берегите нас.
Остаются век, полвека, год, неделя, час,
три минуты, две минуты, вовсе ничего...
Берегите нас. И чтобы все — за одного.

Берегите нас с грехами, с радостью и без.
Где-то, юный и прекрасный, ходит наш Дантес.
Он минувшие проклятья не успел забыть,
но велит ему призванье пулю в ствол забить.

Где-то плачет наш Мартынов, поминает кровь.
Он уже убил однажды, он не хочет вновь.
Но судьба его такая, и свинец отлит,
и двадцатое столетье так ему велит.

Берегите нас, поэтов, от дурацких рук,
от поспешных приговоров, от слепых подруг.
Берегите нас, покуда можно уберечь.
Только так не берегите, чтоб костями нам лечь.

Только так не берегите, как борзых – псари!
Только так не берегите, как псарей – цари!
Будут вам стихи и песни, и еще не раз...
Только вы нас берегите. Берегите нас.

Использованная и рекомендуемая литература

Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Постулаты когнитивной семантики // Известия АН. 1997. Т. 56. № 1.

Бутакова Л.О. Авторское сознание в поэзии и прозе: когнитивное моделирование. Барнаул, 2001.

Бутакова Л.О. Постулаты когнитивной поэтики // Когнитивное моделирование. Обработка текста и когнитивные технологии. 2002. Вып. 7.

Бутакова Л.О. Интерпретация художественного текста: поэтика с «человеческим лицом», «усредненным» сознанием или поэтика «без лица» и «сознания»? // Вопросы психолингвистики. 2003а. № 1.

Бутакова Л.О. Принципы когнитивной поэтики // Актуальные вопросы лингвистики: сб. ст. Тюмень, 2003б.

Бутакова Л.О. Когнитивный подход к тексту: методика моделирования авторского сознания и его составляющих // Текст в коммуникативном пространстве современной России: коллективная монография. Барнаул, 2011.

Винникова Т.А. Моделирование механизмов понимания кинотекста: дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2010.

Воробьева О.П. Художественная семантика: когнитивный сценарий // С любовью к языку: коллективная монография. М.; Воронеж, 2002.

Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.

Дейк Т.А. ван, Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. 1988. Вып. 23: Когнитивные аспекты языка.

Демьянков В.З. Когниции и понимание текста // Вопросы когнитивной лингвистики. 2005. № 3. С. 5–10.

Демьянков В.З. Можно ли измерить динамику нарратива? // Художественный текст как динамическая система: материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 80-летию В.П. Григорьева. М., 2006. Режим доступа: http://infolex.ru/For_gr.html.

Залевская А.А. Проблемы понимания текста // Залевская А.А. Слово. Текст. Избранные труды. М., 2005.

Залевская А.А. Интерфейсная теория значения слова: психолингвистический подход. Лондон, 2014.

Исенова М.Х., Орлова Н.В. Между Агнией Барто и Мистером Максом: дискурсивное пространство младшего школьника. Омск, 2018.

Пищальникова В.А., Чернова М.М. Ритмомелодическая структура текста как репрезентант эмоционально-смысловой доминанты. М.; Горно-Алтайск, 2003.

Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. Воронеж, 2007.

Сонин А.Г. Когнитивная лингвистика: становление парадигмы. Барнаул, 2002.

Сонин А.Г. Понимание поликодовых текстов: когнитивный аспект. М., 2005.

Тарасова И.А. Идиостиль Георгия Иванова: когнитивный аспект. Саратов, 2003.

Тарасова И.А. Когнитивная поэтика: предмет, терминология, методы. Саратов, 2016.

Тарасова И.А. Словарь ключевых слов поэзии Георгия Иванова: словарь-справочник. М., 2017.

Филиппов К.А. Лингвистика текста: курс лекций. СПб., 2003. Режим доступа: <https://superlinguist.ru/lingvistika-teksta-skachat-knigi-besplatno/filippov-k-a-lingvistika-teksta.html>.

Шаховский В.И., Сорокин Ю.А., Томашева И.В. Текст и его когнитивно-эмотивные метаморфозы (межкультурное понимание и лингвоэкология). Волгоград, 1998.

Freeman M. Poetry and the scope of metaphor: Toward a Cognitive Theory of Literature // Metaphor and Metonymy at the Crossroads: A Cognitive Perspective. Berlin; N.Y., 2002.

Gibbs R.W. Prototypes in dynamic meaning construal // Cognitive Poetics in Practice. 2003.

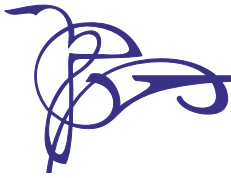
Johnson M. The Body in the Mind. The Bodify Basis of Meaning, Imagination, and Reason. Chicago; London, 1987.

Lakoff G. Women, Fire and Dangerous Things. What Categories Reveal About Mind. Chicago; London, 1987.

Shen Y. Cognitive constraints on poetic figures // Cognitive Linguistics. 1997. Vol. 8. № 1.

Stockwell P. Cognitive Poetics. An introduction. London, 2002.

Tsur R. Toward a Theory of Cognitive Poetics // Pragmatics and Cognition. 2000. № 7.

ЗАДАНИЯ ДЛЯ ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЙ

Практическое занятие 1. ТЕОРИЯ ТЕКСТА В ОБЛАСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ЗАЩИТА ПРОЕКТОВ

Для первой части группы:

1. Просмотрите основные моменты первой главы книги М.Я. Дымарского «Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX–XX вв.)» (2001).
2. Составьте самостоятельно вопросы по основным положениям главы с краткими ответами на них.
3. Каково определение художественного текста у автора? Расскажите о категориях ХТ, способах их выявления и описания.
4. Сравните его позицию с подходом Н.С. Болотновой («Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня», 1992).

Для второй части группы:

1. Просмотрите основные разделы книги Ю.М. Лотмана «Структура художественного текста» (1998). Разделы: 3. Понятие текста; 4. Текст и система; 5. Конструктивные принципы текста.
2. Выделите ключевые понятия и термины, выпишите их определения, установите их соотношения и принципы функционирования в концепции филолога.

Для третьей части группы:

1. Просмотрите основные разделы книги Л.В. Карасева «Вещество литературы» (2001).
2. Составьте самостоятельно вопросы по основным положениям главы с краткими ответами на них.
3. Определение онтологического метода исследования художественного текста у автора; способы выявления «предметов» и их описания.

Подготовьте презентации по своим проектам, будьте готовы представить свои проекты максимально эффектно и доходчиво.

Рекомендуемая литература

Болотнова Н.С. Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня. Томск, 1992.

Дымарский М.Я. Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX–XX вв.) 2-е изд., испр. М., 2001. Режим доступа: <https://book.org/book/3135798/2a1b59>.

Карасев Л.В. Вещество литературы. М., 2001. Режим доступа: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=211099>.

Лотман Ю.М. Структура художественного текста // Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб., 1998. Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/Lotman/Index.php.

Практическое занятие 2.
ТЕОРИЯ ТЕКСТА КАК СИНЭРГЕТИЧЕСКОГО ОБЪЕКТА
(физическое понимание текста)

КРУГЛЫЙ СТОЛ

1. Прочитайте работы школы Г.Г. Москальчук на выбор:

- К.И. Белоусов «Синергетика текста: От структуры к форме» (2013).
- А.Ю. Корбут «Текстосимметрия как раздел общей теории текста» (2005).
- И.Ю. Моисеева «Синергетическая модель текстообразования» (2007).
- Г.Г. Москальчук «Структура текста как синергетический процесс» (1999).

2. Подготовьте ответы на вопросы:

По книге К.И. Белоусова:

- Как понимается текст в указанной парадигме? Какие физические свойства автор ему приписывает?
- Почему текст считается «материально-идеальным единством»?
- Как интерпретируются онтологические качества текста: пространственно-временной протяженности, полионтологичности, сукцессивно-симультанной организации, функциональности и целостности?
- Что такое «пространственно-временное бытие текста»?
- Как реализован системно-деятельностный подход к анализу текста?
- Какое место занимает теория формообразования в проблемном поле общей теории текста?

По работе Г.Г. Москальчук:

- Почему именно повтор признан автором в качестве параметра структурной организации текста? Каким образом доказывается положение о том, что структура повторяющегося комплекса является основой внешней композиции текста?
- Какой вид имеет в работе теория сильных позиций текста как базовая модель описания?
- Какую типологию текстов на основе позиционной ориентации повторных комплексов предлагает автор?
- Какие позиции являются сильными и слабыми? Что такое абсолютно слабые позиции текста? Гармоничный центр (ГЦ) как абсолютно сильная позиция текста.
- Что такое инвариант структуры текста?
- Какие принципы моделирования структуры текста предлагает автор? Какой вид имеет методика выявления внутритекстовых циклов? Как определяется формула текста?
- Элементы структурной самоорганизации текста.
- Аттракторы точечные и циклические.
- Градационные модели структуры текста.
- Креативный аттрактор.
- Репеллеры. Что это за единицы? Можно ли так описывать текст?
- Как выглядят в работе процессы структурной самоорганизации текста (динамический аспект структурного интегративного синергетического процесса)?
- Динамические сценарии структурной самоорганизации текста.
- Текст как фрактальная структура.
- Лабильность и стабильность структуры текста.

- Динамика формы текста.
- Изоморфизм глубинных и поверхностных структур текста.

По книге А.Ю. Корбут:

- Что такое *внутритекстовая симметрия*, каковы ее элементы? Какими предстают форма, композиция, структура, симметрия?
- Каковы методы текстосимметрии? Как определяются элементы симметрии?
- Как определяется количество асимметрии в тексте и информационный порог? Как соотносятся степень структурности текста и его объем?
- Почему усиление симметризации автор считает инвариантным процессом формообразования текста?
- Чем внутритекстовая симметрия отличается от междутекстовой?
- Как проявляет себя междутекстовая симметрия в разных жанрах?
- Согласны ли вы с точкой зрения автора: «общетекстуальные материальные свойства можно представить как законы передачи идеальной мысли в виде материальной структуры при использовании абстрактных свойств языковой системы. Действие этих законов предназначено "заклЮчить" идеальное в некую чувственно воспринимаемую форму»? Ваши аргументы.

Рекомендуемая литература

Белоусов К.И. Синергетика текста: От структуры к форме. 2-е изд. М., 2013.

Корбут А.Ю. Текстосимметрия как раздел общей теории текста. Барнаул, 2005.

Моисеева И.Ю. Синергетическая модель текстообразования: дис. ... д-ра филол. наук. Оренбург, 2007.

Москальчук Г.Г. Структура текста как синергетический процесс: дис. ... д-ра филол. наук. Барнаул, 1999.

Практическое занятие 3. КОГНИТИВНЫЕ И ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ ТЕКСТА

КРУГЛЫЙ СТОЛ

1. Психопоэтика: подход к тексту как процессу и результату речевой деятельности автора и читателя.

➤ Постарайтесь ответить на вопрос после анализа понятий автора книги: можно ли предложенные В.А. Пищальниковой («Психопоэтика», 1999 или другое издание) подход и понятия применить к нехудожественным текстам?

➤ Психолингвистические основания понимания художественного текста (ХТ). Использование категорий теории речевой деятельности для описания ХТ поэзии и прозы: психологическое значение, смыслы, концепт в интерпретации В.А. Пищальниковой, Ю.А. Сорокина «Психолингвистические аспекты изучения текста» (1985), А.В. Кинцель «Психолингвистическое исследование эмоционально-смысловой доминанты как текстообразующего фактора» (2000), В.П. Белянина «Модели мира в литературе» (2003).

➤ Концептуальная система автора и представление его личностных смыслов в ХТ. Концептосистема читателя и его поле интерпретации.

➤ Понятия доминанты текста, доминанты концептосистемы автора и доминантной эстетизированной эмоции как суггестивного компонента ХТ.

➤ Модель концепта и способы его построения по тексту.

➤ Психолингвистический подход к тексту в школе А.А. Залевской (по статьям, выбранным студентами, из сборников «Слово и текст» или «Слово. Текст. Избранные труды», 2005).

2. Проанализируйте достоинства и недостатки когнитивной теории текста, обоснуйте свою позицию с опорой на ведущие положения когнитивного подхода, изложенного в книге Дж. Лакоффа, в работе Т. ван Дейка и В. Кинча. Постройте когнитивные модели медийного и официально-делового текста на выбор на основе работ Дж. Лакоффа, Т. ван Дейка, В. Кинча.

3. Когнитивная поэтика: варианты научной парадигмы на Западе и в России. Кратко обозначьте подходы и позиции:

➤ Понятие художественного концепта у И.А. Тарасовой и способов его построения. Виды художественных концептов. Концепт и образ.

➤ Авторское сознание как базовая категория текста. Способы моделирования данной категории. Принципы когнитивной поэтики (по работам Л.О. Бутаковой).

➤ Какие понятия и термины, подходы к тексту кажутся вам обоснованными, а какие – спорными и почему?

4. Постройте модель авторской концептосистемы по тексту по следующей схеме когнитивного анализа:

➤ Определите доминантные смыслы текста, их отношения друг с другом. На их основе постройте структуры концептов с помощью выявления доминантных языковых знаков текста как форм выражения авторских смыслов (понятийной, предметной, эмоциональной, образной, ассоциативной, оценочной составляющих концепта); выделите среди них ядерные и периферийные; оцените частотность средств их репрезентации, способов и степени трансформации использованных для этого языковых знаков.

➤ Постройте эмотивно-смысловые доминанты с учетом доминантной и производной эмоции текста, способов их преимущественной репрезентации с помощью языковых знаков;

установите ядра и периферии смысловых и эмотивных полей текста, способов взаимоотношений концептов в их пределах.

➤ Опишите состав концептосистемы авторского сознания на основе выделенных концептов.

МИСТИКА

Это была абсолютно спокойная женщина с большими деньгами, судя по рассказам посторонних, и обязательно что-нибудь всегда покупала, и, приходя за своей девочкой к частной учительнице английского языка, мерила то сапоги, то вытаскивала свертки из сумки. Девочку свою она постоянно таскала с ее пяти лет на частные уроки, и, по рассказам же очевидцев, набиралось два педагога по крайней мере, уже упомянутая англичанка плюс почему-то учительница рисования где-то у черта на рогах, в Черемушках, причем дело происходило зимой в самый гололед, а на английский девочку она возила на Динамо, тоже не ближний конец, если учесть, где она жила со своей несчастной семьей. Такое складывалось впечатление, что они жили в крайнем богатстве, строили дачу вместо сгоревшей (за которую получили по страховке, в сущности, копейки, учитывалась стоимость дачи еще до войны), и обшили дачу внутри, вернее, Рита обшила, светлой фанерой, и в комнатах было, по словам Риты, как в посылочном ящике. Может быть, впереди были планы с обоями, кто теперь узнает, ибо несчастная Рита никому теперь ничего не расскажет, а ее муж вообще час-тенько застывает в позе статуи Свободы, как бы тщаь достать до потолка и с измученным лицом, и за это получил вторую группу по шизофрении, ибо и в больнице ничего не выдал, как партизан, ничего и никого, кому он там протягивал вверх руку.

Несчастливая Рита только по фактам была как бы несчастна, поскольку грабеж и пожар дачи для некоторых много тянет, и одна постройка новой дачи и купля фанеры обходится тяжело, не говоря уж о статуе Свободы на дому по разу в день, но, странно, Рита всегда была весела, на постройке дачи ходила свободно в купальном костюме при жаре и объясняла свой вид тем, что в детстве много занималась пластикой по системе Алексеевой в группе детей Дома ученых. Соседи старались не обращать внимания на жалкий вид тонконогой и толстой Риты, которая всегда сутулилась, стараясь визуально убрать излишний вес. Соседи отводили глаза и говорили с ней как с человеком, ибо она живо всем интересовалась, что у кого на дачах происходит, то есть вела себя наравне с остальной стройной и подтянутой дачной молодежью, к тому же и прилично одетой, хоть не в городское, но все же. Рита не видела в себе недостатков – ни в фигуре, ни в лице, ни в профессии дешевого переводчика статей для рефератов, три копейки в базарный день. И откуда-то были деньги, вот в чем вопрос. Даже строители у нее трудолюбиво кропали, не отвлекаясь, деловитые и серьезные плотники, какие-то баснословно дорогие непьющие работяги, шабашники периода капитализма в России, ни у кого таких не было, кругом стоял стон из-за пьянства и воровства рабочих за любые деньги...

Л. Петрушевская

Рекомендуемая литература

Белянин В.П. Модели мира в литературе. М., 2006. Режим доступа: <http://www.twirpx.com/file/232176/>.

Бутакова Л.О. Авторское сознание в поэзии и прозе: когнитивное моделирование. Барнаул, 2001.

Бутакова Л.О. Постулаты когнитивной поэтики // Когнитивное моделирование. Обработка текста и когнитивные технологии. 2002. Вып. 7.

Бутакова Л.О. Интерпретация художественного текста: поэтика с «человеческим лицом», «усредненным» сознанием или поэтика «без лица» и «сознания»? // Вопросы психолингвистики. 2003. № 1.

Бутакова Л.О. Когнитивный подход к тексту: методика моделирования авторского сознания и его составляющих // Текст в коммуникативном пространстве современной России: коллективная монография. Барнаул, 2011.

Дейк Т.А. ван, Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. М., 1988.

Залевская А.А. Проблемы понимания текста // Залевская А.А. Слово. Текст. Избранные труды. М., 2005.

Кинцель А.В. Психолингвистическое исследование эмоционально-смысловой доминанты как текстообразующего фактора. Барнаул, 2000.

Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении. М., 2004.

Петренко В.Ф. Основы психосемантики. СПб., 2005.

Пищальникова В.А. Психопэтика. Барнаул, 1999.

Пищальникова В.А. История и теория психолингвистики: в 3 ч. М., 2007–2010. Ч. 3: Психопэтика. 2010.

Сонин А.Г. Понимание поликодовых текстов: когнитивный аспект. М., 2005.

Сорокин Ю.А. Психолингвистические аспекты изучения текста. М., 1985.

Тарасова И.А. Идиостиль Георгия Иванова: когнитивный аспект. Саратов, 2003.

Тарасова И.А. Когнитивная поэтика: предмет, терминология, методы. Саратов, 2016.

Филиппов К.А. Лингвистика текста: курс лекций. СПб., 2003. Режим доступа: <https://superlinguist.ru/lingvistika-teksta-skachat-knigi-besplatno/filippov-k-a-lingvistika-teksta.html>.

Шаховский В.И., Сорокин Ю.А., Томашева И.В. Текст и его когнитивно-эмотивные метаморфозы (межкультурное понимание и лингвозекология). Волгоград, 1998.

ВОПРОСЫ К ЭКЗАМЕНУ

Диахронный аспект

1. Проблема текста в трудах славянских первоучителей Кирилла и Мефодия.
2. Разграничение «слова» и «разума» в сочинениях Иоанна Болгарского.
3. Вопрос о порождении текста в традиции византийского исихазма.
4. Поляризация эстетических концепций: никониане и старообрядцы.
5. Релятивистское и субстанциональное отношение к тексту в русской книжной культуре XVII в.
6. Слово и текст в лингвокультуре Нового времени.
7. Текст и жанр в авторском литературном тексте конца XVII в.
8. Лингвистические идеи старообрядцев.
9. Суть никоновской sprawy. Отношение к грамматическим категориям никониан и старообрядцев.
10. Слово и текст в лингвокультуре Нового времени.
11. Текст-образец как средневековая норма литературного языка.
12. Риторика и поэтика текста в сочинениях древних славянских авторов.
13. Принципы создания текста (тезис – антитезис – синтез).
14. Компиляция как способ средневекового создания текста.
15. Понятие оригинальности текста. Оригинал – список – редакция.
16. Редактирование и авторское начало в Средние века. Понятие открытого текста.

Синхронный аспект

1. Теория текста как наука. Предмет, объект, методы исследования.
2. Понятие текста. Определение текста в разных научных парадигмах. Поиск оптимального определения. Универсальные свойства текста. Безуспешность определений текста.
3. Становление и развитие теории текста в лингвистике: основные этапы. Античная риторика и поэтика как науки о тексте. Неориторика и поэтика в соотношении с современной теорией текста.
4. Учение о тексте в науке XIX–XX вв. Языкознание. Стилистика. Лингвопоэтика. Язык художественной литературы. Лингвистика текста. Прагматика. Герменевтика.
5. Современная наука о языке и теория текста: антропоцентризм и изменение взглядов на текст. Психолингвистическая интерпретация текста.
6. Статическая и динамическая трактовки текста. Понятие системы и структуры в теории текста.
7. Текст в отношении к участникам коммуникации: коммуникативные свойства текста. Говорящий и слушающий в разных научных парадигмах (риторика, герменевтика, коммуникативистика, психолингвистика, стилистика, литературоведение, семиотика, лингвистика текста).
8. Коммуникативный круг (Б.Н. Головин), субъекты и объекты коммуникации по отношению к тексту. Идеи А.А. Потебни, М.М. Бахтина, Ю.М. Лотмана, Е.В. Сидорова. Позиция Б.М. Гаспарова (идея «коммуникативного фрагмента»).
9. Текст и дискурс: история взаимоотношений с открытым финалом. Текстовая (дискурсивная) личность в соотношении с языковой личностью.

10. Коммуникативность и другие категории текста в коммуникативной парадигме. Классификации текстов как речевых жанров.

11. Прагматическая организация текста. Дейксис говорящего. Тексты с канонической и неканонической коммуникативной организацией. Эгоцентрические элементы (Е.В. Падучева). Образ автора, авторское сознание: проблема автора и способов его моделирования. История вопроса от В.В. Виноградова, М.М. Бахтина, Г.О. Винокура до наших дней. Пресуппозиции и их типы.

12. Текст в знаковом аспекте. История вопроса семиотической интерпретации текста. Понятие знака. Текст как сложный знак, знаковая комбинация, система знаков и т. п. Иерархичность, гетерогенность знаковой структуры текста. Монокодовые, поликодовые, полимодальные и мультимодальные тексты.

13. Конструктивная организация текста. Цельность, связность, завершенность, парадигматический и синтагматический принципы. Композиционно-речевая структура текста и ее единицы (художественно-речевая структура, ССЦ, период).

14. Семантическая организация текста и ее единицы. Семантическое пространство текста. Типы информации в тексте. Способы описания семантической организации текста (И.Р. Гальперин, Н.А. Купина, М.Я. Дымарский). Т. ван Дейк: микроситуации и макроситуации.

15. Концептуальная структура текста: разные подходы (А.И. Новиков, В.А. Пищальникова, А.В. Кинцель, В.П. Руднев, В.П. Белянин). Способы реконструкции по тексту.

16. Текст в его отношении к другим текстам и действительности. Эвокационная концепция (Скаличка, А.А. Чувакин). Порождение текста как порождение смысла. Виды фоновых знаний. Хронотоп. «Точка зрения». Психолингвистическая концепция смысла, речевой деятельности, порождения текста.

17. Восприятие текста в разных научных парадигмах. Обратимость процессов восприятия и порождения. Понимание как смысловая и концептуальная интериоризация. Проекция текста и его смысл в школах А.И. Новикова и А.А. Залевской.

18. Отношение текста к другим текстам. Концепция интертекста.

ТЕМЫ РЕФЕРАТОВ

Принципы и способы создания текста в Средневековье.
Проблема изменения текста в русской лингвокультуре на рубеже XVI–XVII вв.
Текст и жанр в литературной практике русских авторов XVI в.
Термин «текст»: этимология, генезис, история терминологизации.
Риторика и поэтика в понимании средневековых авторов.
Авторское самосознание в Древней Руси.
Понимание связности и цельности текста в средневековой культуре.
Понятие «анфиладного текста» и его реализации в Древней Руси.

ПРИМЕРНЫЕ ТЕМЫ ЭССЕ

Художественный текст в древней и современной культуре.
Репродуцирование текста в Средние века.
Историчность нормы и образцовый текст.
Достоинство как базовая характеристика древнего текста.

СЛОВАРИ

Библейская энциклопедия / труд и издание архимандрита Никифора: репринтное издание. М., 1990.

Словарь русского языка XI–XVII вв. М.; СПб., 1975–... . Т. 1–30.

Словарь книжников и книжности Древней Руси: в 4 вып. / отв. ред. Д.С. Лихачев. Л., 1987–2017. Вып. 1: XI – первая половина XIV в. 1987. Вып. 2: Вторая половина XIV–XVI в.: в 3 ч. 1988–2012. Вып. 3: XVII в.: в 4 ч. 1993–2004.

Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка: в 3 т. М., 1958–1989.

Фразеологический словарь старославянского языка / под ред. В.А. Шулежковой. М., 2011.